MASTER
NEGATIVE
NO. 91-80319-3

AUTHOR:

VASILEVSKII, M. N.

TITLE:

GOSUDARSTVENNAIA SISTEMA...

PLACE:

KAZAN

DATE:

1914

Master Negative #

91-80319-3

COLUMBIA UNIVERSITY LIBRARIES
PRESERVATION DEPARTMENT

BIBLIOGRAPHIC MICROFORM TARGET

Original Material as Filmed - Existing Bibliographic Record

Vasil'evskii, M. N

...Gosudarstvennaia sistema otnoshenii k staro-obriadcheskomu raskolu v tsarstvovanie Imperatora Nikolaia I. [The state system of relations towards the "Old Believers" schism during the reign of Emperor Nicholas I...] Kazan', Tsentral'naia Tip. 1914.

254,v p. 27 cm.

Restrictions on Use:

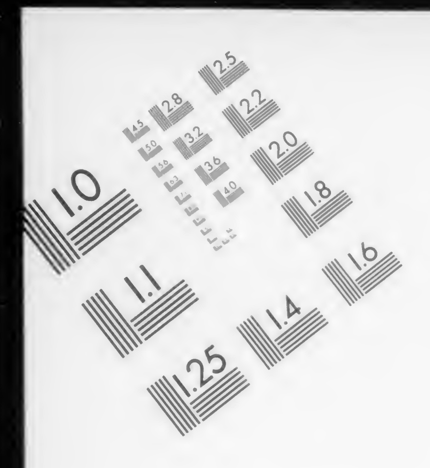
TECHNICAL MICROFORM DATA

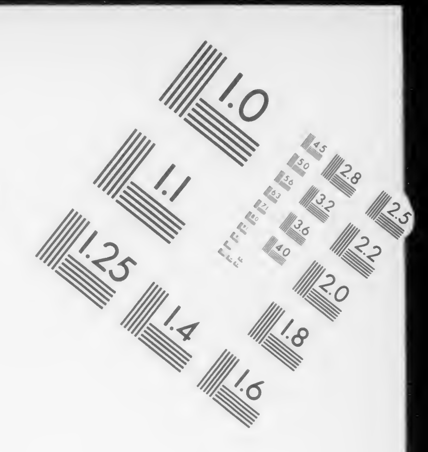
FILM SIZE: 35 mm REDUCTION RATIO: 12

IMAGE PLACEMENT: IA (IIA) IB IIB

DATE FILMED: 11-4-91 INITIALS M.B.

FILMED BY: RESEARCH PUBLICATIONS, INC WOODBRIDGE, CT





AIIM

Association for Information and Image Management

1100 Wayne Avenue, Suite 1100
Silver Spring, Maryland 20910
301/587-8202

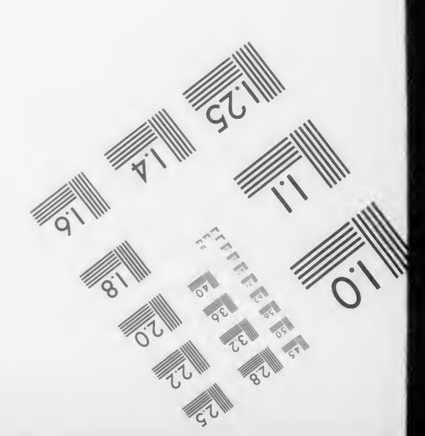
Centimeter

1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 mm

1 2 3 4 5

Inches

1.0 1.1 1.25 1.4 1.6 1.8 2.0 2.2 2.5 2.8 3.2 3.6 4.0



MANUFACTURED TO AIIM STANDARDS
BY APPLIED IMAGE, INC.

96

Борис Кандидов

Церковь
и
Февральская революция

ОГИЗ • ГАИЗ • 1934

М. Н. Васильевскій.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ СИСТЕМА

ОТНОШЕНІЙ

КЪ СТАРООБРЯДЧЕСКОМУ РАСКОЛУ

ВЪ

ЦАРСТВОВАНІЕ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ I.

„Здѣсь особенно нужны постоянство, твердость и умѣнье дѣйствовать ревностно безъ малѣйшаго вида насилія". (Изъ рѣчи императора Николая I при посѣщеніи имъ Св. Синода въ 1835 году. Братское Слово 1893 г. II, 658).

КАЗАНЬ.
Центральная Типографія.
1914.

Печатать разрѣшается. Ректоръ Императорской Казанской Духовной Академіи, Епископъ *Анатолій*.

Начало той системы правительственныхъ отношеній къ расколу, которая соединяется въ исторіи съ именемъ императора Николая I,—системы строжайшаго и секретнѣйшаго полицейскаго надзора, при терпимости раскола, какъ statu quo, было положено еще до этого Государя,—во вторую реакціонную половину царствованія его предшественника—императора Александра I. А потому, въ видахъ надлежащаго историческаго освѣщенія этой системы, намъ кажется умѣстнымъ предпослать ея изложенію краткій очеркъ правительственныхъ отношеній къ расколу за время царствованія Александра I.

Правительственныя отношенія къ расколу въ духѣ широкой терпимости и гуманности, начавшіяся съ Петра III и быстро прогрессировавшія при его преемницѣ Екатеринѣ II, въ первой половинѣ царствованія Александра I достигли наивысшихъ предѣловъ своего развитія. Оставаясь вѣрнымъ завѣтамъ „премудрой бабки своей Екатерины Великой", „по законамъ и по сердцу которой онъ хотѣлъ править Богомъ врученный ему народъ" [1]), Александръ I и на расколъ, въ частности, смотрѣлъ ея же глазами. Подобно своей

[1]) Высочайшій манифестъ 12 марта 1801 года.

державной бабкѣ, онъ видѣлъ въ расколѣ лишь „умственное заблужденіе простаго народа, основанное на нѣкоторыхъ погрѣшныхъ заключеніяхъ объ его истинномъ богослуженіи и духѣ христіанства", по „недостатку въ просвѣщеніи" и вслѣдствіе „ревности Божіей, но не по разуму" [1]). Отсюда единственно цѣлесообразнымъ средствомъ противъ всѣхъ „отдалившихся отъ православной грекороссійской церкви", этотъ гуманный Государь признавалъ лишь „вразумленіе и наставленіе" ихъ на путь истинный „духовными особами" „съ кротостью, съ терпѣніемъ и съ усерднымъ настояніемъ",— такое вразумленіе, которое не имѣло бы „вида допросовъ, истязаній и открытаго образу ихъ мыслей насилія", а „изливалось бы на заблудшихся само собою и непримѣтно изъ добрыхъ нравовъ духовенства, изъ жизни ихъ, изъ поступковъ и, наконецъ, изъ непринужденныхъ, къ случаю и съ видомъ ненамѣренности направленныхъ на ихъ положенія разговоровъ" [2]). Противъ мѣръ внѣшняго, репрессивнаго характера по отношенію къ расколу правительство Александра I при каждомъ удобномъ случаѣ намѣренно возставало, яркими красками рисуя все неприличіе ихъ для „просвѣщеннаго христіанскаго правительства", ихъ несогласіе съ ученіемъ Христа Спасителя, пришедшаго на землю „взыскати и спасти погибшаго" и, наконецъ, вредъ ихъ, такъ какъ всякій видъ жестокости „не убѣждаетъ никогда, но паче ожесточаетъ" [3]). Правда, если не въ видахъ стѣсненія раскола, то, по крайней мѣрѣ, для защиты господствующаго въ Россіи вѣроисповѣданія, для предупрежденія безнаказанныхъ отпаденій отъ православной церкви правительство сознавало необходимость соотвѣтствующихъ тому ограниченій. Такъ, пред-

---

[1]) Собраніе постановленій по части раскола, Спб. 1875 г., стр. 47. Это изданіе мы будемъ цитовать и ниже.

[2]) Тамъ же, стр. 20—21.

[3]) Тамъ же, стр. 47.

писывая подчиненнымъ гражданскимъ начальствамъ не дѣлать отпадшимъ отъ церкви „ни малѣйшаго притѣсненія", „не дѣлать насилія совѣсти и не входить въ розысканіе внутренняго исповѣданія вѣры", оно въ то же время приказывало имѣть надъ ними строгій полицейскій надзоръ, „не допускать никакихъ внѣшнихъ оказательствъ отступленія отъ церкви и строго воспрещать всякіе въ семъ соблазны" [1]). Но такъ какъ и въ теоріи такая строгость плохо мирилась съ общими заявленіями о вѣротерпимости, то на практикѣ правительству приходилось смотрѣть „сквозь пальцы" на неисполненіе раскольниками строгихъ предписаній. По временамъ свое послабленіе раскольникамъ правительство доводило до явнаго имъ покровительства. Говоря это, мы разумѣемъ такія постановленія, какъ дозволеніе старообрядцамъ села Городца имѣть священниковъ изъ Иргиза [2]), приказъ малороссійскому генералъ-губернатору не преслѣдовать являющихся во ввѣренныхъ ему губерніяхъ бѣглыхъ поповъ [3]), льготы, данныя Преображенскому кладбищу, съ переименованіемъ его въ богадѣленный домъ [4]), ежегодный отпускъ въ пользу старообрядческаго Корсунскаго монастыря по 500 фуръ соли изъ Кинбурнскихъ соляныхъ озеръ [5]), негласное согласіе на отправленіе богослуженія по старому обряду въ Климовскомъ женскомъ монастырѣ [6]). Въ судебныхъ процессахъ по нарушенію православными и раскольниками государственныхъ, полицейскихъ или

---

[1]) Собр. пост. по ч. раскола, стр. 25; постановл. 21 февраля 1803 г.

[2]) Тамъ же, стр. 26—27; пост. 12 мая 1803 г.

[3]) Тамъ же, стр, 27; постан.—іюня 1803 г.

[4]) Тамъ же, стр. 38; пост. 15 мая 1809 г.

[5]) Собр. пост. по ч. раск. по вѣд. Св. Синода, Спб., 1860, II, стр. 76—77.

[6]) Собр. пост. по ч. раск., стр. 39—40; пост. 28 октября 1811 г.

уголовныхъ законовъ, православные въ общемъ наказывались гораздо строже раскольниковъ, такъ какъ при осужденіи послѣднихъ, въ качествѣ смягчающихъ вину обстоятельствъ, всегда принимались въ соображеніе ихъ заблужденія и изувѣрство. Напр., православный или иновѣрецъ, дозволившій себѣ произвести буйство въ церкви или во время церковной процессіи, при совершеніи церковныхъ требъ, дозволившій оказать явное неуваженіе властямъ, непослушаніе и т. под., судился судомъ уголовнымъ въ обыкновенномъ порядкѣ судопроизводства и наказывался закономъ уголовнымъ. Между тѣмъ такое дѣло о раскольникахъ обыкновенно кончалось тѣмъ, что уголовное наказаніе или отмѣнялось, или смягчалось до того, что замѣнялось лишь отсылкою въ монастырь или къ епархіальному начальству для увѣщанія [1]).

На практикѣ эта, перешедшая свои границы, мягкость и снисходительность правительственныхъ отношеній къ расколу принесла очень горькіе плоды. Пользуясь предоставленною свободою и разсчитывая на безнаказанность, раскольники не стѣснялись ни пропагандой, ни тѣмъ болѣе публичнымъ оказательствомъ своего ученія, богослуженія и жизни.

Какъ быстро распространялся расколъ, объ этомъ могутъ, напр., свидѣтельствовать слѣдующіе факты, сдѣлавшіеся извѣстными путемъ оффиціальнымъ. Епископъ нижегородскій Моисей, основываясь на епархіальныхъ вѣдомостяхъ, показывалъ, что въ нижегородской епархіи съ 1794 по 1815-й г. уклонилось въ расколъ обоего пола 14,853 человѣка [2]). Въ 1811 году въ васильсурскомъ уѣздѣ той же епархіи одна раскольница распространяла хулы на церковь, ея таинства и,

[1]) Н. Варадиновъ. Исторія министерства внутрен. дѣлъ. кн. VIII, дополн. — Исторія распоряженій по расколу. Спб. 1863 г., стр. 189—190.

[2]) Изъ бумагъ москов. митр. Филарета о расколѣ. Душеп. Чтен. 1883 г., II, стр. 357.

какъ значится въ дѣлѣ, совратила въ расколъ 36 человѣкъ [1]). Въ г. Спасскѣ тамбовской губерніи между экономическими крестьянами расколъ усилился такъ, что высказано было опасеніе объ ихъ общемъ уклоненіи [2]). Въ 1820 году въ пермской губерніи умножились расколоучители и бѣглые попы, которые совращали цѣлыя селенія въ свою секту, возбуждая опасеніе, какъ бы, при многочисленности раскольниковъ въ этой губерніи и при усиліяхъ ихъ къ совращенію жителей изъ православія, „не опустѣли приходы и храмы“ [3]). Въ землѣ войска Донскаго число раскольниковъ, увеличиваясь время отъ времени, достигло 28.880 душъ [4]).

Случаи дерзкаго оказательства раскола, въ видѣ самовольнаго построенія часовенъ, торжественнаго отправленія богослуженія, совершенія крестныхъ ходовъ и т. п., какъ показываетъ представляемый у Варадинова обширный перечень подобныхъ дѣлъ, производившихся за это время, точно также годъ отъ году замѣтно увеличивались и были повсемѣстны [5]).

Такое состояніе раскола, естественно, должно было привести правительство къ горькому сознанію непригодности принятой въ отношеніи его системы дѣйствій. Съ особенною ясностью оно выразилось въ донесеніи министерству внутреннихъ дѣлъ комитета, учрежденнаго для устройства войска Донскаго. „Различныя мѣры, говорится въ донесеніи, испытанныя войсковымъ правительствомъ, на основаніи гражданскихъ и духовныхъ законовъ, ни сколько не уменьшили отпаденій отъ православія, но еще умножили число ихъ, *мѣры терпимости ни мало не дѣйствуютъ* на

[1]) У Варадинова, кн. VIII, стр. 74.

[2]) Тамъ же.

[3]) Тамъ же, стр. 101.

[4]) Тамъ же, стр. 112.

[5]) Тамъ же, стр. 76, 156—157, 184—186.

обращеніе заблудшихъ на истинный путь, но, напро-
тивъ, служатъ постояннымъ поводомъ къ домогатель-
ству ихъ имѣть молитвенные дома и раскольническихъ
священниковъ“ [1]).

Вмѣстѣ съ тѣмъ, что особенно важно въ данномъ
случаѣ, печальная дѣйствительность должна была убѣ-
дить правительство въ несомнѣнной односторонности
его взгляда на расколъ, какъ только исключительно
на явленіе противоцерковное, возникшее и выросшее
на почвѣ умственнаго и религіознаго невѣжества. Опытъ
показалъ, что расколъ есть, кромѣ того, зло обще-
ственное и государственное. Такъ, напр., въ 1808 году,
между раскольниками нижегородской губерніи обнару-
жена была, какъ говорится въ дѣлѣ, *новая* секта, по-
слѣдователи которой *не признавали властей* [2]). Въ
1809 году въ лѣсахъ устюжскаго уѣзда, новгородской
губерніи, поймано 29 мужчинъ и женщинъ, бѣглыхъ
помѣщичьихъ и экономическихъ крестьянъ, которые
*не признавали властей, чуждались общества, скита-
лись по лѣсамъ и не исполняли никакихъ повин-
ностей* [3]). Съ 1808 года по уѣздамъ сенгилеевскому
и ставропольскому стали распространяться послѣдова-
тели правилъ иргизскаго монастыря, настроили въ
здѣшнихъ лѣсахъ скиты и *давали въ нихъ пріютъ
ворамъ и грабителямъ* [4]). Въ высочайше утвержденныя
(11 апрѣля 1820 г.) правила о надзорѣ за Ѳедосѣев-
цами, между прочимъ, внесенъ пункъ (5) *о строгомъ*
наблюденіи за послѣдствіями незаконнаго рожденія,
обнаруживающаго *подкидываніе дѣтей и убійство оныхъ
рождающими ихъ дѣвками* [5]). Лично же Государю сдѣ-
лалось извѣстнымъ ученіе безпоповщинскаго наставника
Гнусина [6]), которое, помимо того, что было безнрав-

[1]) У Варадинова, стр. 113.

[2]) Тамъ же, стр. 61.

[3]) Тамъ же, стр 62. [4]) Тамъ же.

[5]) Собраніе пост. по ч. раск., стр. 59—60.

[6]) Тамъ же, стр. 64.

ственнно, распространяло еще въ народѣ нелѣпо-чудо-
вищныя мысли противогосударственнаго свойства. Гну-
синъ, какъ значилось въ доносѣ на него Осипова, училъ,
что *царствующій императоръ—антихристъ* и, примѣ-
нительно къ своему ученію, „дерзнулъ Государя импе-
ратора представить въ картинѣ, порицательной его
величіе, надписавъ надъ нею пасквилью: „семо пріиде,
Христе, аще въ вышнихъ живеши, себя на тя брань
готовлю“, а эти слова значатъ, что „*Александръ—ан-
тихристъ*, вооружившійся противъ Христа“ [1]). Подъ
вліяніемъ этихъ и подобныхъ имъ фактовъ, прежній
правительственный взглядъ на расколъ, дѣйствительно,
начинаетъ измѣняться. Теперь правительство начинаетъ
смотрѣть на расколъ, какъ на явленіе, далеко *не без-
различное* не только въ *церковномъ* отношеніи, но и
въ отношеніи *соціально-политическомъ*. О зловредности
раскола въ отношеніи именно *соціально-политическомъ*
заявляетъ теперь уже самъ Государь, какъ видно, глу-
боко разочаровавшійся въ своемъ прежнемъ на него
взглядѣ. Въ именномъ указѣ отъ 3 іюля 1820 года
относительно надзора за Преображенскимъ богадѣлен-
нымъ домомъ онъ говоритъ: „къ немалому удивленію
моему до свѣдѣнія моего дошло...., что въ богадѣлен-
номъ домѣ разсѣеваются *вредныя правила*, какъ-то:
неповиновеніе властямъ и закону, развращеніе браковъ“
и т. п. [2]).

Сознаніе непригодности предпринятыхъ къ ослаб-
ленію раскола мѣръ, съ одной стороны, и, начавшееся
измѣненіе прежняго правительственнаго на него взгляда,
съ другой, естественно, должны были отразиться соот-
вѣтствующимъ образомъ на самомъ характерѣ даль-
нѣйшихъ къ нему отношеній. Во второй половинѣ обо-
зрѣваемаго періода царствованія въ правительственныхъ
отношеніяхъ къ расколу начинается, дѣйствительно, за-

[1]) Сборникъ правит. свѣдѣній о раскольникахъ, сост. В. Кельсіевымъ, вып. II, стр. 43.

[2]) Собр. пост. по ч. раск., стр. 63—64.

мѣтный поворотъ въ сторону репрессалій, какъ естественная реакція прежней системѣ дѣйствій. Эта реакція въ правительственныхъ къ расколу отношеніяхъ наступила не вдругъ, а совершалась постепенно,—сначала едва замѣтно, а затѣмъ, по мѣрѣ ознакомленія правительства съ дѣйствительнымъ положеніемъ дѣлъ относительно раскола, она становилась рѣшительнѣе и очевиднѣе, такъ что конецъ царствованія Александра I въ отношеніи положенія раскола совсѣмъ уже не походитъ на его начало.

Слабые признаки перемѣны правительственныхъ отношеній къ расколу вслѣдствіе разнаго рода безпорядковъ, производимыхъ раскольниками, можно замѣчать уже съ 1810 года. Въ этомъ году правительство нашло нужнымъ отнести дѣла по расколу къ предметамъ вѣдомства министерства полиціи [1]) и этимъ какъ бы положило начало тому полицейскому вліянію, которое впослѣдствіи получило столь широкое развитіе. Въ 1817 году, нужно полагать, послѣдовало открытіе перваго новаго по дѣламъ раскола учрежденія, секретно-совѣщательнаго комитета въ Петербургѣ [2]). Учрежден-

---

[1]) У Варадинова, Ист. мин. вн. дѣл. ч. 2, кн. 1, стр 24.

[2]) Высочайшій указъ объ учрежденіи Петербургскаго секретнаго по дѣламъ раскола комитета относится къ 1825 году (Собр. пост. по ч. раск. стр. 78, постан. 14 марта). Но въ этомъ году, какъ сообщаетъ московскій митр. Филаретъ, произошла только реформа ранѣе учрежденнаго комитета: „сіе учрежденіе, говоритъ онъ въ письмѣ къ архим. Антонію (отъ 9 декабря 1853 года), перешло (только) въ приказную форму, подъ названіемъ секретнаго сдѣлалось гласнымъ, наполнялось людьми, какъ случится“ (Письма м. Филарета къ Антонію, т. III, стр. 242). Надеждинъ въ своемъ „Изслѣдованіи о скопческой ереси“ говоритъ, что „особый секретный комитетъ учредился, по Высочайшему повелѣнію, отъ 17 февраля 1820 года, изъ митрополита Новгородскаго и С.-Петербургскаго Михаила, архіепископа Тверскаго Филарета, князя А. Н. Голицына, графа Милорадовича и графа Кочубея“ (Кельсіевъ—вып. III, стр. 56). Но такъ какъ Надеждинъ называетъ пять членовъ этого комитета, тогда какъ м. Филаретъ въ

ный съ цѣлію противодѣйствовать расколу, секретный комитетъ „открылъ“ свою дѣятельность, какъ сообщаетъ митр. московскій Филаретъ, Высочайше утвержденнымъ опредѣленіемъ—„уничтожить крестъ и главу на одной раскольнической моленной въ ярославской губерніи“ [1]). Вслѣдъ за этимъ опредѣленіемъ и начинается цѣлый рядъ стѣснительныхъ для раскольниковъ постановленій, ясно выражающихъ въ себѣ начало *новыхъ* къ расколу отношеній. Въ 1817 году, по поводу устройства старообрядческой церкви въ г. Вольскѣ, съ разрѣшенія саратовскаго гражданскаго губернатора, въ сенатскомъ указѣ было опубликовано Высочайшее воспрещеніе начальникамъ губерній давать дозволенія „по предметамъ, до духовнаго вѣдомства принадлежащимъ“ [2]). Въ томъ же году бывшимъ саратовскому и слободско-украинскому гражданскимъ губернаторамъ сдѣланъ Высочайшій выговоръ за невнимательное отношеніе ихъ къ противозаконной постройкѣ старообрядческой обители близъ Саратова и часовенъ въ Чугуевѣ и Боровскѣ, „дабы прочія гражданскія началь-

---

указанномъ письмѣ къ архим. Антонію положительно заявляетъ, что ихъ первоначально было три (первые три изъ перечисленныхъ Надеждинымъ), то отсюда можно думать, что въ данное у Надеждина время комитетъ только пополнился новыми членами, а не вновь учредился. Это тѣмъ болѣе несомнѣнно, что московскій святитель, упоминая въ числѣ трехъ членовъ этого комитета преосвящ. Михаила (Десницкаго), называетъ его архіепископомъ черниговскимъ, а не митрополитомъ С.-Петербургскимъ. Послѣднимъ преосвящ. Михаилъ сдѣлался въ маѣ 1818 года, значитъ, комитетъ основанъ ранѣе этого года, и едва-ли не въ 1817 году, такъ какъ съ этого времени начинается значительный поворотъ въ правительственныхъ къ расколу отношеніяхъ, который нельзя иначе объяснить, какъ вліяніемъ только что учрежденнаго комитета. (В. Бѣликовъ, Дѣятельность москов. митропол. Филарета по отношенію къ расколу, стр. 4 примѣч.).

[1]) Собр. мнѣн. и отзывовъ, т. IV, стр. 242.

[2]) Собр. пост. по ч. раск., стр. 50, постан. нояб. 1817 г.

ства. видя оное, были осмотрительнѣе“ [1]). Тѣмъ же указомъ мѣстнымъ начальствамъ подтверждается имѣть *строжайшее* наблюденіе, чтобы впредь подобныя зданія „отнюдь“ не устроялись. Въ слѣдующемъ 1818 году послѣдовало Высочайшее соизволеніе на учрежденіе одной типографіи для старопечатныхъ книгъ въ Москвѣ, при единовѣрческой церкви, съ уничтоженіемъ таковыхъ типографій въ посадѣ Клинцовскомъ и селеніи Махновкѣ и съ запрещеніемъ ввоза старопечатныхъ книгъ изъ-за границы [2]).

Начавшееся измѣненіе правительственныхъ отношеній къ расколу, слабое съ 1810 года, замѣтное, подъ вліяніемъ учрежденнаго секретнаго комитета, съ 1817 года, становится уже вполнѣ очевиднымъ съ 20-хъ годовъ, когда раскольническія дѣла поступили въ вѣдѣніе министерства внутреннихъ дѣлъ [3]). Въ 1820 году были изданы Высочайше утвержденныя (11 апрѣля) правила о надзорѣ за раскольниками ѳедосѣевскаго согласія. Въ основу этихъ правилъ полагается тотъ общій руководящій принципъ, что „раскольники не преслѣдуются за мнѣнія ихъ секты, относящіяся до вѣры, и могутъ спокойно держаться сихъ мнѣній и исполнять принятые ими обряды, безъ всякаго, впрочемъ, публичнаго оказательства ученія и богослуженія своей секты; но что ни подъ какимъ видомъ не должны они уклоняться отъ наблюденія общихъ правилъ благоустройства, законами опредѣленныхъ“. Исходя изъ этого принципа, „гражданское правительство должно обращать вниманіе на всё то, что въ дѣйствіяхъ раскольниковъ ѳедосѣевской секты можетъ заключаться противозаконнаго“ (п. 1-й). Мѣстнымъ полиціямъ поэтому вмѣняется въ непремѣнную обязанность имѣть „неослабное наблюденіе“ за тѣмъ, чтобы всѣ живущіе

[1]) Собр. пост. по ч. раск., стр. 52.

[2]) Тамъ же, стр. 52—53; постан. 27 августа 1818 г.

[2]) У Варадинова, Истор. мин. вн. дѣлъ, ч. 2, кн. 1, стр. 68.

какъ въ общественныхъ раскольническихъ заведеніяхъ, такъ равно и въ частныхъ домахъ имѣли а) узаконенные паспорты, б) опредѣленное „честное“ ремесло или промыселъ и в) постоянное занятіе своимъ дѣломъ (п. 2-й). Съ безпаспортными или съ имѣющими „ложные виды“ должно поступать на точномъ основаніи общихъ законовъ „о безпаспортныхъ, бѣглыхъ, бродягахъ и людяхъ подозрительныхъ“ (п. 3-й). Женщины „безъ дѣла и безъ письменныхъ видовъ“, особенно молодыя, должны быть разосланы къ своимъ родственникамъ, на мѣста ихъ рожденія или прежняго жительства (п. 4-й). Особенно строго полиція должна слѣдить за преступными дѣйствіями ѳедосѣевцевъ — подкидываніемъ или убійствомъ незаконнорожденныхъ дѣтей (п. 5-й). Наконецъ, полиціямъ вмѣняется въ обязанность имѣть именные списки всѣхъ живущихъ въ общественныхъ заведеніяхъ ѳедосѣевцевъ, ежемѣсячно повѣрять ихъ, съ точною отмѣтою убыли и прибыли, о чемъ, кромѣ того, обязаны своевременно извѣщать сами завѣдующіе названными заведеніями (п. 6 и 7-й) [1]). Въ 1823 году подобныя же правила, только еще болѣе строгаго характера, даны были для надзора за самымъ центромъ Ѳедосѣевщины — Преображенскимъ кладбищемъ. Ими, вмѣсто метрическихъ книгъ, повелѣвается „завести подъ вѣдомствомъ полиціи списки всѣхъ живущихъ въ домѣ“, въ которыхъ своевременно и отмѣчать всѣхъ вступающихъ и выбывающихъ; дѣтей разрѣшается держать только до 14-ти лѣтняго возраста, престарѣлыхъ принимать не ранѣе 50 лѣтъ, больныхъ принимать только до излѣченія, число моленныхъ и келій не умножать. За всѣмъ этимъ должна строго слѣдить полиція [2]). Но внутренняго самоуправленія Преображенскаго кладбища Государь не коснулся: онъ запретилъ мѣстному начальству вмѣшиваться въ выборы старшинъ, въ ссоры раскольниковъ между собою и

[1]) Собр. пост. по ч. раск., стр. 59—60.

[2]) Собр. пост. по ч. раск., стр. 70—72; постан. 24 марта.

т. п. [1]). Вмѣстѣ съ тѣмъ правительствомъ былъ сдѣланъ весьма важный шагъ на пути ограниченій гражданскихъ и религіозныхъ правъ раскольниковъ. 27 мая 1820 года были изданы правила объ избраніи раскольниковъ въ должности по купеческимъ и мѣщанскимъ выборамъ. Правилами этими устанавливалось, чтобы раскольники выбирались въ должности при „ограниченномъ числѣ православныхъ" и „только изъ сектъ, пріемлющихъ священство": безпоповцевъ дозволялось допускать къ выборамъ на общественныя должности не иначе, какъ съ разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ и только изъ тѣхъ сектъ, „кои молятся за царя и пріемлютъ бракъ"; не молящіеся же за царя и не пріемлющіе брака, равно какъ молокане, духоборцы, скопцы и т. п. совсѣмъ устранялись отъ должностей [2]). Секретными правилами 26 марта 1822 года строго воспрещается вновь строить раскольническія церкви „подъ какимъ бы то ни было предлогомъ" [3]).

---

[1]) Собр. пост. по ч. раск., стр. 65; постан. 3 іюля 1820 г.

[2]) Тамъ же, стр. 61—62.

[3]) Тамъ же, стр. 69.—Если тѣ же правила оказываются крайне благопріятными для раскольниковъ по вопросу о бѣглыхъ попахъ, допуская ихъ свободный переходъ къ раскольникамъ, то это объясняется чисто случайными обстоятельствами и потому противорѣчить доселѣ сказанному нами относительно *новаго* направленія въ правительственныхъ отношеніяхъ къ расколу не можетъ. «Въ 1822 году, какъ сообщаетъ московскій митрополитъ Филаретъ, разсуждаемо было, какимъ бы образомъ доставить удобство раскольникамъ пользоваться совершеніемъ христіанскихъ требъ (Собр. мнѣній и отз. том. дополнител., стр. 230). Предложено было комитету послать къ раскольникамъ православныхъ священниковъ, которые, повидимому, присоединились бы къ ихъ обществу, но, пріобрѣтя ихъ довѣріе, старались бы примирить ихъ съ церковью. Предположеніе сіе было принято, и опредѣленіе о семъ подписанное, между прочимъ, митрополитомъ Серафимомъ, удостоено Высочайшаго утвержденія. Но когда митрополиту предоставлено было привести сіе въ исполненіе, онъ увидалъ, что сего нельзя согласить съ церковными прави-

Съ 20-хъ же годовъ противъ раскольниковъ стали практиковаться и мѣры карательныя. Именнымъ Высочайшимъ указомъ отъ 3 іюля 1820 года московскому военному генералъ-губернатору и Министру Юстиціи предписывалось, чтобы возникшее по доносу дѣло о ѳедосѣевскомъ наставникѣ Гнусинѣ, „разглашавшемъ нелѣпые толки ученія", было „самымъ строгимъ образомъ изслѣдовано, а виновные какъ въ изобрѣтенномъ вредномъ ученіи, такъ и распространявшіе оное, преданы были суду и преслѣдованы предъ онымъ съ соотвѣтственною преступленіямъ ихъ строгостью" [1]). Въ томъ же 1820 году, по ходатайству сибирскаго генералъ—губернатора, марта 7 состоялось Высочайшее повелѣніе, чтобы „*распространители раскольническихъ ересей* въ Сибири, во уваженіе дальнихъ разстояній, не представляя о нихъ комитету министровъ, были *тотчасъ предаваемы уголовному суду*" [2]). Правилами 4 марта 1823 года безусловно воспрещается вступленіе въ ѳедосѣевскую секту, и соблазнителей велѣно предавать суду „безъ всякаго послабленія" [3]). Въ 1820 году одинъ екатеринославскій мѣщанинъ (Соколовъ) за

лами и съ чистотою священнослужительской совѣсти... При сихъ то обстоятельствахъ, когда Высочайше утвержденное опредѣленіе оказалось неисполнимымъ и трудно было рѣшиться представлять о совершенномъ уничтоженіи онаго, необходимымъ оказалось изыскать мѣру, которая представляла бы не совершенное уничтоженіе Высочайше утвержденнаго опредѣленія, а измѣненіе онаго въ удобоисполнимый видъ. Итакъ, положено было: не посылать къ раскольникамъ священниковъ отъ правительства, а находимыхъ у нихъ гражданскимъ начальствомъ бѣглыхъ священниковъ оставлять у нихъ, кромѣ того случая, когда сіи священники требуются въ епархію къ отвѣту по уголовному дѣлу. Вотъ происхожденіе и сущность секретныхъ правилъ 1822 г., вожделѣнныхъ для раскольниковъ и прославленныхъ между ними». (Собр. мн. и отз. т. IV, стр. 270—271).

[1]) Собр. пост. по ч. раск., стр. 65.

[2]) Тамъ же, стр. 57—58.

[3]) Тамъ же, стр. 71, п. 2-й.

совращеніе другихъ въ расколъ былъ навсегда сосланъ въ Соловецкій монастырь [1]). Карая совратителей и распространителей раскола, правительство подобнымъ же наказаніямъ стало подвергать и за открытое совершеніе раскольническаго богослуженія. Въ 1823 году бѣглый попъ, который совершалъ въ Петербургѣ богослуженіе при колокольномъ звонѣ и въ священническомъ облаченіи погребалъ умершихъ, былъ сосланъ въ Соловецкій монастырь [2]). Въ слѣдующемъ году полиція воспретила послѣдователямъ секты ѳедосѣевцевъ въ Ригѣ погребать умершихъ съ пѣніемъ и кадильницами [3]).

Такимъ образомъ, подводя итогъ изложеннымъ мѣропріятіямъ касательно раскольниковъ за вторую половину царствованія Александра I, мы получаемъ: значительное расширеніе административной дѣятельности противъ раскола, усиленіе полицейскаго надзора за раскольниками, зачатки ограниченія ихъ гражданскихъ и религіозныхъ правъ и стремленіе ослабить расколъ мѣрами карательными. Правительство императора Николая I въ своихъ отношеніяхъ къ расколу неуклонно пошло по намѣченному пути, послѣдовательно и настойчиво развивъ то, что начато было его предшественникомъ. Въ разультатѣ получилась стройная, крѣпкая и цѣльная система, сдѣлавшаяся извѣстною подъ именемъ Николаевской.

Своей дальнѣйшей задачей мы поставляемъ положительное изложеніе этой системы съ указаніемъ результатовъ ея дѣйствованія въ жизни раскола. Въ этомъ смыслѣ опытъ нашъ въ литературѣ является первымъ и потому, думаемъ, не лишнимъ.

---

[1]) Тамъ же. — по вѣд. Св. Сvн., 1860 г., II, стр. 151—152; пост. $^{2}/_{4}$ авг. 1820 г.

[2]) У Варадинова кн. VIII, стр. 102—103.

[3]) Собр. пост. по ч. раск., по вѣд. Св. Сvн., II, стр. 165—168; постан. 14 апр. 1824 года.

Глава I.

Правительственная дѣятельность по организаціи надзора за расколомъ и его изученію.

I.

Организація административно-судебнаго и полицейскаго надзора за раскольниками. Недостатокъ надзора за расколомъ, какъ главная причина усиленія раскола при Александрѣ I. Заботы правительства объ устраненіи этой причины.—Урегулированіе противораскольнической дѣятельности областныхъ административно-судебныхъ органовъ и учрежденій. Объединеніе той-же дѣтельности мѣстныхъ административно-судебныхъ инстанцій чрезъ повсемѣстное открытіе секретно-совѣщательныхъ комитетовъ. Московскій секретно-совѣщательный комитетъ: его цѣль, составъ, порядокъ дѣлопроизводства и полномочія. Постепенное открытіе секретно-совѣщательныхъ комитетовъ по губерніямъ: хронологическій порядокъ ихъ открытія, общіе поводы, цѣль, составъ, сфера дѣятельности и порядокъ дѣлопроизводства. Центральныя учрежденія по дѣламъ раскола: а) министерство внутреннихъ дѣлъ и учрежденное при немъ III-е отдѣленіе собственной Его Величества канцеляріи; б) с.-петербургскій секретно-совѣщательный комитетъ; в) комитетъ министровъ; общая схема административно-судебнаго надзора за расколомъ; г) особый секретный комитетъ и его канцелярія; д) особое временное управленіе. — Мѣры къ усиленію полицейскаго надзора въ губерніяхъ — костромской, псковской, архангельской, олонецкой и черниговской. Высочайше утвержденное постановленіе особаго секретнаго комитета о повсемѣстномъ усиленіи городской и земской полиціи.

Причиною, болѣе всего способствующею распространенію и усиленію раскола при Александрѣ I, еще

тогдашнее правительство считало „недостатокъ пра-
вильнаго надзора за нимъ“ [1]), открывавшій расколь-
никамъ широкую возможность для безнаказаннаго об-
наруженія съ ихъ стороны всякаго рода противозако-
ній. И тогда же, какъ мы видѣли, были приняты мѣры
къ устраненію этой причины, чрезъ расширеніе адми-
нистративнаго и усиленіе полицейскаго надзора. Въ
царствованіе Николая I на означенную сторону дѣла
обращено было очень серьезное вниманіе. Организація
административно-судебнаго и полицейскаго надзора за
расколомъ, легшаго въ основу новой правительствен-
ной системы отношеній къ нему, доведена была при
Николаѣ I съ формальной стороны до совершенной
законченности.

Прежде всего правительство Николая I озаботи-
лось урегулированіемъ противораскольнической дѣятель-
ности областныхъ административно-судебныхъ органовъ
и учрежденій. Высочайше утвержденнымъ 17 декабря
1828 года мнѣніемъ государственнаго совѣта министру
внутреннихъ дѣлъ поручено, для храненія единообра-
зія въ правилахъ и въ предупрежденіе сомнѣній, сое-
динивъ всѣ правила по раскольническимъ дѣламъ, Вы-
сочайше утвержденныя, препроводить ихъ циркулярно
по секрету ко всѣмъ гражданскимъ губернаторамъ съ
предписаніемъ, чтобы руководствовались ими при воз-
никающихъ сомнѣніяхъ; о случаяхъ же, вновь встрѣ-
титься могущихъ и законами не разрѣшенныхъ, вхо-
дили бы непосредственно съ представленіями къ ми-
нистру внутреннихъ дѣлъ, не передавая сихъ дѣлъ въ
губернское управленіе. Во исполненіе этого мнѣнія
государственнаго совѣта, при циркулярѣ министерства
внутреннихъ дѣлъ отъ 25 января 1829 г. препровож-
дена была, для надлежащаго руководства, выписка изъ
постановленій о раскольникахъ, состоявшихся въ раз-

---

[1]) Изъ бумагъ м. Филарета, Душепол. Чтеніе 1883 г. II, стр. 365.

ное время [1]) и удостоенныхъ Высочайшаго утвержде-
нія [2]).

Въ цѣляхъ объединенія противораскольнической
дѣятельности мѣстныхъ административно-судебныхъ
учрежденій гражданскаго и духовнаго вѣдомствъ пра-
вительствомъ повсемѣстно открыты были секретно-со-
вѣщательные комитеты. Чрезъ шесть лѣтъ по оффи-
ціальномъ открытіи (14 марта 1825 г.) секретно-со-
вѣщательнаго по раскольническимъ дѣламъ комитета
въ Петербургѣ, „чтобы дать рѣшеніямъ дѣлъ сего рода
болѣе взаимной одного съ другимъ сообразности и точ-
ности, чтобы, при соблюденіи безвредной терпимости
къ разномыслящимъ, по возможности направлять ихъ
къ сближенію съ церковью и чтобы не давать спосо-
бовъ распространяться вреднымъ ученіямъ“. 25 іюня
1831 г. послѣдовало Высочайшее повелѣніе объ учреж-
деніи таковаго же комитета въ Москвѣ [3]). Въ составъ
членовъ московскаго секретнаго комитета вошли: мо-
сковскій военный генералъ-губернаторъ, московскій
митрополитъ (Филаретъ), а во время его отсутствія —
его викарій, д. т. сов. князь Голицынъ, генералъ отъ
инфантеріи Обольяниновъ, генерлъ-лейтенантъ Вол-
ковъ, а въ его отсутствіе—корпуса жандармовъ гене-
ралъ-маіоръ графъ Апраксинъ и московскій граждан-
скій губернаторъ. Дѣла въ комитетъ положено вносить
московскому военному генералъ-губернатору и москов-
скому митрополиту. Въ отношеніи правъ московскому
секретно-совѣщательному комитету предоставлено: если
онъ признаетъ нужнымъ дать какому-либо дѣлу на-
правленіе, *несомнительно* опредѣленное существующими
узаконеніями, то направленіе это дается чрезъ то лице,
которое вноситъ дѣло въ комитетъ, и рѣшеніе приво-
дится въ исполненіе отъ его имени, а не отъ имени

---

[1]) Съ 1734 г. іюня 10 по 1827 г. августа 7.

[2]) Собр. постан. по ч. раск. стр. 99—100.

[3]) Тамъ же, стр. 108—109.

комитета [1]; но если необходимо сдѣлать распоряженіе, существующими законами не опредѣленное, то комитетъ „обязанъ мнѣніе свое секретно представить чрезъ московскаго военнаго генералъ-губернатора на Высочайшее Его Величества усмотрѣніе".

3-го ноября 1838 года вышло Высочайшее повелѣніе о постепенномъ, по мѣрѣ надобности, открытіи секретно-совѣщательныхъ комитетовъ и по губернскимъ городамъ [2]. Учреждались они въ слѣдующемъ хронологическомъ порядкѣ:

1838 г. 3 ноября — въ Петрозаводскѣ, Перми и Тамбовѣ [3].
— 10 декабря — въ Черниговѣ [4].
1839 г. 5 мая — въ Твери и Саратовѣ [5].
1842 г. 19 февраля — въ Вяткѣ [6].
1844 г. 25 апрѣля — въ Иркутскѣ [7].
1845 г. 5 января — въ Екатеринбургѣ [8].
1846 г. 13 января — въ Харьковѣ [9].
— 22 марта — въ Костромѣ }
— 8 декабря — въ Витебскѣ } [10].
1847 г. 15 марта — въ Тобольскѣ и Уфѣ [11].
— 18 апрѣля — въ Могилевѣ [12].
— 25 октября — въ Ригѣ [13].
1849 г. 20 ноября — въ Нижнемъ-Новгородѣ, Симбирскѣ и Архангельскѣ [14].
1851 г. 3 мая — въ Самарѣ и Ярославлѣ [15].

---

[1] Очевидно, для сохраненія секретности дѣйствій комитета.

[2] Собран. постанов. по ч. раск. стр. 244.

[3] Тамъ же, стр. 245. [4] Тамъ же, стр. 249.

[5] Тамъ же, стр. 262. 264. [6] Тамъ же, стр. 305—306.

[7] Тамъ же, стр. 346. [8] Тамъ же, стр. 350.

[9] Тамъ же, стр. 359. [10] Тамъ же, стр. 361.

[11] Тамъ же, стр. 368. [12] Тамъ же, стр. 373.

[13] Тамъ же, стр. 385. [14] Тамъ же, стр. 406.

[15] Тамъ же, стр. 441—442.

1852 г. 15 мая — въ Курскѣ [1].
1856 г. 9 іюля — въ Вологдѣ [2] (при Александрѣ II).

Общіе поводы къ образованію секретно-совѣщательныхъ комитетовъ по губерніямъ составляли бо́льшее или меньшее раскольническое населеніе, бо́льшее или меньшее проявленіе ересей въ той или другой губерніи и вообще признанная правительствомъ необходимость подчинить дѣла о расколѣ мѣстнымъ учрежденіямъ [3]. Учрежденіемъ губернскихъ секретно-совѣщательныхъ комитетовъ имѣлось въ виду, какъ значилось въ указѣ отъ 3 ноября 1838 г., установить „единство дѣйствій губернскаго и епархіальнаго начальствъ по отношенію къ расколу и тѣмъ сообщить „бо́льшую твердость и согласность принимаемымъ противъ его заблужденій мѣрамъ" [4]. Кромѣ этой непосредственной цѣли, губернскіе секретно-совѣщательные комитеты имѣли и другую, тоже не менѣе важную цѣль. Наблюдая на мѣстѣ проявленія раскола, изучая его лицемъ къ лицу, они имѣли возможность вырабатывать болѣе цѣлесообразныя мѣропріятія, соотвѣтствующія мѣстнымъ условіямъ и мѣстному духу раскольническаго населенія [5].

По первоначальному штату, опредѣленному указомъ отъ 3 ноября 1838 г., они составлялись — изъ епархіальнаго архіерея, губернатора, предсѣдателя палаты государственныхъ имуществъ (гдѣ таковыя были) и жандармскаго штабъ-офицера. Въ 1850-мъ году этотъ штатъ, съ Высочайшаго соизволенія, былъ пополненъ еще двумя новыми членами: во всѣхъ тѣхъ губерніяхъ, исключая московской, гдѣ были удѣльныя

---

[1] Собр. пост. по ч. раск. стр. 451.

[2] Тамъ же, стр. 514.

[3] У Варадинова кн. VIII, стр. 454.

[4] Собр. пост. по ч. раск. стр. 244.

[5] У Варадинова, кн. VIII, стр. 412.

конторы, въ члены совѣщательныхъ комитетовъ вошли ихъ управляющіе [1]) и во всѣхъ губерніяхъ безъ исключенія—вице-губернаторы [2]). Отъ этой общей нормы въ составѣ членовъ, по разнымъ мѣстнымъ причинамъ, отступали секретно-совѣщательные комитеты въ Иркутскѣ, Витебскѣ, Могилевѣ, Архангельскѣ, Екатеринбургѣ и Ригѣ. Въ Иркутскѣ, за неимѣніемъ палаты государственныхъ имуществъ, впредь до открытія оной, членомъ совѣщательнаго комитета былъ назначенъ предсѣдатель казенной палаты. Сверхъ того, Высочайше повелѣвалось, „чтобы и генералъ-губернаторъ восточной Сибири принималъ участіе въ сужденіяхъ и направленіи дѣлъ сего комитета“ [3]). Такое же повелѣніе „принимать участіе въ сужденіяхъ и направленіи дѣлъ“ мѣстныхъ совѣщательныхъ комитетовъ въ Витебскѣ и Могилевѣ дано генералъ-губернаторамъ [4]), а въ Архангельскѣ—военному губернатору [5]). Въ Екатеринбургѣ секретно-совѣщательный комитетъ состоялъ изъ екатеринбургскаго преосвященнаго, главнаго начальника горныхъ заводовъ Уральскаго хребта и горнаго начальника екатеринбургскихъ заводовъ [6]). Сверхъ того, указомъ отъ 28 января 1849 года въ немъ Высочайше разрѣшено присутствовать штабъ-офицеру корпуса жандармовъ, во время пребыванія его въ Екатеринбургѣ по дѣламъ службы [7]). Непремѣнными членами рижскаго совѣщательнаго комитета были—генералъ-губернаторъ и рижскій преосвященный, выборъ же другихъ членовъ (двухъ или трехъ) Высочайше былъ предоставленъ на благоусмотрѣніе генералъ-губернатора, такъ какъ, говорилось въ указѣ, „по принадлежности тамошнихъ чиновниковъ, бо́льшею частью,

[1]) Собр. пост. по ч. раск. стр. 415, постан. 28 апр.

[2]) Тамъ же, стр. 439, постан. 8 декабря.

[3]) Тамъ же, стр. 346. [4]) Тамъ же, стр. 361, 373.

[5]) Тамъ же, стр. 406. [6]) Тамъ же, стр. 350.

[7]) Тамъ же, стр. 350, въ примѣчаніи.

къ лютеранскому исповѣданію, этотъ комитетъ не можетъ быть составленъ изъ тѣхъ званій, изъ коихъ подобные комитеты учреждены въ другихъ мѣстахъ“ [1]).

Сфера дѣятельности губернскихъ секретно-совѣщательныхъ комитетовъ, сообразно съ основною цѣлію ихъ учрежденія—объединять и, такъ сказать, концентрировать противораскольническую дѣятельность всѣхъ мѣстныхъ учрежденій и органовъ,—была очень обширна. По смыслу указа отъ 9 марта 1840 г., начальники губерній должны были представлять на ихъ предварительное разсмотрѣніе „всѣ вообще слѣдствія, произведенныя по раскольническимъ дѣламъ“ [2]). Но обширная по объему, дѣятельность губернскихъ совѣщательныхъ комитетовъ была весьма ограничена со стороны предоставленныхъ имъ правъ и полномочій. „Кругъ дѣйствій“ этихъ комитетовъ, какъ учрежденій, регулирующихъ только противораскольническую дѣятельность другихъ мѣстныхъ административно-судебныхъ инстанцій, „ни въ какомъ случаѣ не долженъ былъ выходить изъ предѣловъ (простого) совѣщанія, какъ о принятіи какой-либо мѣры, такъ и о направленіи дѣла“ [3]). Окончательно же рѣшать раскольническія дѣла, „опредѣлять извѣстную мѣру взысканія“, они не имѣли права [4]).

Дѣла въ губернскіе секретно-совѣщательные комитеты вносились членами ихъ въ подлинникѣ или въ извлеченныхъ изъ нихъ запискахъ (п. 2). О предметахъ совѣщанія и принятыхъ рѣшеніяхъ составлялся журналъ и подписывался членами (п. 3). Самыя совѣщанія комитетовъ должны были „сохраняться въ совершенной тайнѣ“ (п. 5). Поэтому рѣшенія ихъ приводились въ исполненіе членами по принадлежности, безъ упоминанія о самомъ комитетѣ. Исключенія дѣ-

[1]) Собр. постан. по ч. раск., стр. 385.

[2]) Тамъ же, стр. 274.

[3]) Тамъ же, стр. 409, постан. 20 ноября 1849 г.

[4]) Тамъ же.

лались въ томъ только случаѣ, когда по обсуждаемымъ предметамъ требовались „секретныя представленія Святѣйшему Синоду, министрамъ внутреннихъ дѣлъ и государственныхъ имуществъ и отношенія синодальному оберъ-прокурору" (п. 4). Въ видахъ сохраненія секрета для нихъ не полагалось и особой канцеляріи. Въ дѣлопроизводители для временныхъ своихъ занятій собственному усмотрѣнію комитета предоставлялось выбрать кого-либо „изъ духовныхъ лицъ или гражданскихъ чиновниковъ, извѣстныхъ своими познаніями, честнымъ поведеніемъ и скромностью" (п. 6) [1]. По той же самой причинѣ, членами губернскихъ секретно-совѣщательныхъ комитетовъ не могли быть лица, временно исправляющія должности управляющаго палатою государственныхъ имуществъ и штабъ-офицера корпуса жандармовъ [2].

Съ цѣлью сосредоточенія всѣхъ дѣлъ по расколу въ одномъ мѣстѣ, подъ непосредственнымъ своимъ наблюденіемъ, Императоръ Николай Павловичъ централизуетъ противораскольническую дѣятельность областныхъ административно-судебныхъ учрежденій и органовъ.

Всѣ дѣла, до раскольниковъ относящіяся, производились въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ [3]. „Вѣдая всѣ дѣла государственнаго благочинія и будучи средоточіемъ дѣлъ по преступленіямъ противъ вѣры, оно обязано было, по руководству сихъ правилъ, наблюдать за исполненіемъ законовъ, обнаруженіемъ отступающихъ отъ православія и дѣйствовать къ охраненію православія въ народѣ" [4]. Поэтому еще по рас-

---

[1]) Собр. постан. по ч. раск., стр. 245, постан. 3 ноября 1838 года.

[2]) Тамъ же, стр. 315, пост. 13 октября 1842 года.

[3]) Тамъ же, стр. 136, пост. 5 декабря 1834 г.

[4]) Тамъ же, стр. 275, пост. 21 марта 1840 г.

поряженіямъ Александра I [1]), начальники губерній обязывались представлять приговоры о раскольникахъ уголовныхъ палатъ, прежде приведенія ихъ въ исполненіе, въ министерство внутреннихъ дѣлъ. При Императорѣ Николаѣ Павловичѣ продолжается тотъ же порядокъ. Правительствующій Сенатъ секретнымъ указомъ отъ 2 мая 1832 г. далъ знать всѣмъ гражданскимъ губернаторамъ, чтобы приговоры судебныхъ мѣстъ по всѣмъ вообще дѣламъ о совращенныхъ и совратителяхъ отъ православнаго исповѣданія изъ свѣтскихъ лицъ не были исполняемы съ утвержденія начальниковъ губерній, но представлялись отъ нихъ съ мнѣніями въ Правительствующій Сенатъ, который по каждому таковому дѣлу долженъ требовать предварительнаго заключенія отъ министерства внутреннихъ дѣлъ [2]). Тотъ же порядокъ соблюдался относительно приговоровъ по раскольническимъ дѣламъ военныхъ судовъ горнаго вѣдомства [3]). Въ министерство же внутреннихъ дѣлъ Высочайше повелѣвалось передавать дѣла по жалобамъ раскольниковъ, поступающимъ отъ нихъ въ Правительствующій Сенатъ [4]). При Александрѣ I сюда же представлялись вѣдомости о числѣ раскольниковъ. При Императорѣ Николаѣ I эти вѣдомости стали поступать во вновь открытое (3 іюля 1826 г.) при министерствѣ III-е отдѣленіе собственной Его Величества канцеляріи, на которое, между прочимъ, возложено было „собираніе свѣдѣній о числѣ существующихъ въ государствѣ разныхъ сектъ и расколовъ" (п. 2) [5]).

---

[1]) Собр. постан. по ч. раск. стр. 72, 79—80, пост. 12 іюня 1823 г. и 11 августа 1825 г.

[2]) Тамъ же, стр. 122.

[3]) Тамъ же, стр. 196—198, пост. 23 февр. 1837 г.

[4]) Тамъ же, стр. 136—137, пост. 5 декабря 1834 г.

[5]) Собр. постан. по ч. раск. по вѣдом. Св. Синода, II, стр. 192.

Въ министерство же внутреннихъ дѣлъ представлялись съ этихъ вѣдомостей только копіи „тѣмъ же порядкомъ, какъ съ вѣдомостей о происшествіяхъ“ [1]).

Естественно, что при столь обширномъ кругѣ дѣлъ, подлежавшихъ вѣдѣнію разсматриваемаго министерства, потребовалось увеличить въ немъ самый составъ дѣлопроизводителей. Въ I отдѣленіи канцеляріи министра, гдѣ производились дѣла о раскольникахъ, учреждены были два временные стола, изъ которыхъ одному поручены неоконченныя дѣла до 1838 года, а другому вновь поступившія уголовныя дѣла о раскольникахъ [2]). Но и при усиленномъ составѣ дѣлопроизводителей веденіе всѣхъ раскольническихъ дѣлъ, по ихъ многочисленности, для министерства было крайне затруднительно. Многія дѣла лежали въ министерствѣ неразсмотрѣнными цѣлые десятки лѣтъ [3]). Поэтому правительство для пользы самого дѣла вынуждено было сократить кругъ дѣлъ раскольническихъ, поступающихъ на разсмотрѣніе министерства. Послѣ образованія въ губерніяхъ новаго управленія государственными имуществами, дѣла о казенныхъ крестьянахъ-раскольникахъ, находившіяся ранѣе исключительно въ вѣдѣніи министерства внутреннихъ дѣлъ, съ Высочайшаго соизволенія, были раздѣлены между министерствами — государственныхъ имуществъ и внутреннихъ дѣлъ: въ первое были отнесены всѣ *административныя* дѣла, во второмъ же оставлены только дѣла *судебныя* — по той причинѣ, что въ нихъ „нерѣдко замѣшиваются люди различныхъ сословій, которые, по ихъ преступленіямъ, находясь между собой въ общей связи, должны быть и судимы нераздѣльно другъ отъ друга“ [4]). Съ конца 1840 года дѣла о рас-

[1]) Собр. постан. по ч. раск., стр. 86, пост. 26 февраля 1826 г.

[2]) У Варадинова, кн. VIII, стр. 373.

[3]) Собр. постан. по ч. раск., стр. 229, пост. 9 апрѣля 1838 г.

[4]) Тамъ же, стр. 263—264, пост. 5 мая 1839 г.

кольникахъ по донскому и другимъ казачьимъ войскамъ, вмѣсто министерства внутреннихъ дѣлъ, стали производиться въ военномъ министерствѣ, по департаменту военныхъ поселеній [1]). Еще ранѣе въ томъ же году послѣдовало общее и очень значительное ограниченіе круга дѣлъ, производившихся въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Указомъ отъ 9 марта этого года начальникамъ губерній предписывалось, чтобы они впредь, по предварительномъ разсмотрѣніи раскольническихъ дѣлъ въ мѣстныхъ секретно-совѣщательныхъ комитетахъ, согласно положеніямъ послѣднихъ, давали дальнѣйшее движеніе лишь тѣмъ изъ нихъ, по коимъ обнаружено „явное нарушеніе существующихъ законовъ, сопровождаемое вредными послѣдствіями; тѣ же слѣдствія, къ коимъ привлечены одни лишь давнишніе раскольники и такіе, кои не замѣчены и не изобличены ни въ какихъ противозаконныхъ дѣйствіяхъ, ни въ совращеніи православныхъ, ни даже въ публичномъ отправленіи богослуженія и другихъ требъ, и вообще всѣ случаи, подходящіе подъ правила терпимости, и доносы, ведущіе къ обремененію дѣлопроизводствомъ присутственныхъ мѣстъ и стѣсненію прикосновенныхъ людей безъ важныхъ послѣдствій, сами бы собой прекращали, не представляя въ министерство внутреннихъ дѣлъ“ [2]).

Разсмотрѣніемъ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ поступающія въ него раскольническія дѣла не заканчивались. Само министерство могло окончательно рѣшать только дѣла, имѣющія десятилѣтнюю давность [3]) или, если подсудимые по нимъ умерли [4]). Сверхъ того, въ концѣ уже царствованія Николая I министру внутрен-

[1]) Собр. постан. по ч. раск., стр. 294—295, отнош. воен. министра 6 декабря 1840 г.

[2]) Тамъ же, стр. 274—275.

[3]) Тамъ же, стр. 229, пост. 9 апр. 1838 г.

[4]) Тамъ же, стр. 366, пост. 4 марта 1847 г.

нихъ дѣлъ предоставлено было разрѣшать частные вопросы, до раскола относящіеся, „въ духѣ общей системы дѣйствій“ [1]. — Административныя дѣла объ отступникахъ отъ св. вѣры, предположенія о новыхъ узаконеніяхъ или мѣропріятіяхъ и дѣла, подлежащія особой тайнѣ, министръ внутреннихъ дѣлъ вносилъ въ петербургскій совѣщательный комитетъ, который заключенія свои представлялъ на Высочайшее утвержденіе [2]. Всѣ же прочія дѣла изъ министерства внутреннихъ дѣлъ поступали на обсужденіе въ комитетъ министровъ, который съ своимъ опредѣленіемъ представлялъ ихъ также на Высочайшее утвержденіе [3].

Такимъ образомъ, общая схема административно-судебнаго надзора за раскольниками, по изложеннымъ узаконеніямъ, представляется въ такомъ видѣ: всѣ дѣла, относящіяся до мѣстнаго раскола и разсматриваемыя въ разныхъ мѣстныхъ административно-судебныхъ инстанціяхъ, поступали на обсужденіе въ губернскіе секретно-совѣщательные комитеты. Секретно-совѣщательные комитеты—болѣе важныя изъ нихъ съ своимъ мнѣніемъ, чрезъ начальниковъ губерній, направляли въ министерство внутреннихъ дѣлъ. Министерство внутреннихъ дѣлъ съ своимъ мнѣніемъ передавало ихъ въ с.-петербургскій секретно-совѣщательный комитетъ или въ комитетъ министровъ. Наконецъ, эти послѣднія инстанціи съ своимъ заключеніемъ представляли ихъ уже на Высочайшее утвержденіе.

Въ концѣ царствованія Николая I, когда, благодаря собраннымъ свѣдѣніямъ о расколѣ, яснѣе обнаружившимъ его противогосударственный характеръ, правительственная дѣятельность по отношенію къ нему сдѣлалась энергичнѣе и напряженнѣе, открыты были два

[1]) Собр. постан. по ч. раск., стр. 474—475, пост. 10 іюня 1853 года.

[2]) Тамъ же, стр. 137, примѣч.

[3]) Тамъ же, стр. 197; Счисленіе раск. Мельникова, Русск. Вѣстн. 1868 г., февраль, стр. 420—421.

новыхъ, имѣвшихъ важное значеніе, учрежденія по дѣламъ раскола — *особый секретный комитетъ* и *особое временное управленіе*.

Учрежденный по мысли тогдашняго министра внутреннихъ дѣлъ Бибикова, особый секретный комитетъ носилъ характеръ законодательнаго совѣта, имѣя ближайшею и непосредственною задачею „заняться во всей подробности пересмотромъ изготовленнаго уже свода дѣйствующихъ постановленій о раскольникахъ и составить основной проэктъ правилъ, которыя служили бы на будущее время руководствомъ при всѣхъ административныхъ распоряженіяхъ и въ судебныхъ дѣлахъ, до раскольниковъ относящихся“ [1]. Составъ его строго опредѣленъ былъ при самомъ его учрежденіи: въ него вошли—графъ Блудовъ, оберъ-прокуроръ Святѣйшаго Синода графъ Протасовъ и министръ внутреннихъ дѣлъ Бибиковъ. Кромѣ того, Его Величеству благоугодно было повелѣть—предварительно снестись съ графомъ Протасовымъ, не нужно ли въ составъ комитета назначить одно лице изъ духовныхъ [2]. Изъ духовныхъ лицъ въ особый комитетъ былъ выбранъ архіепископъ херсонскій Иннокентій [3].

При особомъ секретномъ комитетѣ, вслѣдствіе встрѣтившейся надобности, была устроена *особая секретная канцелярія*. Бибиковъ и Протасовъ предложили Императору составить ее изъ избранныхъ чиновниковъ по ихъ вѣдомствамъ—изъ министерства внутреннихъ дѣлъ и изъ Святѣйшаго Синода; чиновники эти должны были быть хорошихъ фамилій, людьми образованными, съ состояніемъ, которые по своему общественному положенію стояли бы выше подозрѣнія во взяточничествѣ. Устроенная въ видѣ опыта, новая канцелярія должна была отличаться самой своей организаціей: значеніе чина было изъ нея изгнано, лич-

[1]) Собр. постан. по ч. раск., стр. 465, постан. 18 февр. 1853 г. [2]) Тамъ же.

[3]) У Кельсіева, вып. II, стр. 183.

ное достоинство составляло единственную дорогу къ отличіямъ. Когда списокъ лицъ, имѣющихъ составить эту канцелярію, былъ представленъ Государю, то онъ сдѣлалъ слѣдующее замѣчаніе: „Я доволенъ: эти молодые люди представляютъ собою все, что можетъ ручаться за ихъ добросовѣстность; только, до новаго распоряженія, не слѣдуетъ дѣлать слишкомъ извѣстнымъ существованія этой канцеляріи“ [1]). Воля Государя о храненіи въ секретѣ новаго учрежденія соблюдалась очень строго. Цѣлый годъ никто не зналъ о существованіи особаго комитета и его канцеляріи и три года ни одинъ министръ не зналъ о выработанной имъ системѣ дѣйствій [2]). Дѣятельность особаго секретнаго комитета, существовавшаго всего два съ небольшимъ года, была, какъ увидимъ ниже, очень обширна и разнообразна, такъ что почти всѣ распоряженія за это время исходили отъ него. Закрытъ онъ былъ по Высочайшему повелѣнію отъ 17 апрѣля 1855 г. Александра II, „по случаю окончанія имъ Высочайше возложеннаго на него порученія“, и всѣ дѣла его переданы были въ с.-петербургскій секретно-совѣщательный комитетъ [3]).

Особое временное управленіе было учреждено при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, „для производства дѣлъ, по исполненію Высочайше указанныхъ въ 10 день іюня 1853 г. мѣръ относительно раскольниковъ [4]) и для производства всѣхъ важнѣйшихъ дѣлъ о раскольникахъ“ [1]).

[1]) У Кельсіева, вып. II, стр. 185—186.

[2]) Тамъ же, стр. 182.

[3]) Собр. постан. по ч. раск., стр. 499—500.

[4]) Упраздненіе раскольническихъ скитовъ и монастырей, воспрещеніе отлучекъ раскольникамъ, проживавшимъ въ скитахъ, собраніе съ раскольниковъ по рублю съ души въ пользу церквей, запись ихъ въ гильдіи на временномъ правѣ, требованіе метрическихъ свидѣтельствъ на законность браковъ и проч. (У Кельс. вып. II, 194—197).

Занятія его велись также *секретно*, почему лица, вошедшія въ его составъ, были назначены изъ чиновниковъ министерства внутреннихъ дѣлъ и Святѣйшаго Синода, съ оставленіемъ всѣхъ ихъ при прежнихъ должностяхъ [2]). Существовало оно также недолго. Оно было упразднено по Высочайшему указу отъ 11 ноября 1855 года [3]).

Расширеніемъ и усовершенствованіемъ администраціи организаторская дѣятельность правительства по части надзора за расколомъ не исчерпывается. Для наблюденія за точнымъ и неуклоннымъ исполненіемъ своихъ распоряженій правительство учредило за раскольниками, кромѣ того, строжайшій полицейскій надзоръ. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ, отчасти по преобладанію раскольническаго населенія, отчасти по отдаленности ихъ отъ центровъ правительственной власти, расколъ держался крѣпче и распространялся успѣшнѣе, правительство открывало полицейскія управленія, усиливало ихъ составъ или даже располагало военныя команды. Полицейскія управленія были открыты: въ заштатномъ городѣ Судиславлѣ костромской губерніи и въ посадѣ Сольцѣ псковской губерніи, гдѣ бо́лшая часть жителей были раскольники [4]). Въ архангельской и олонецкой губерніяхъ, въ видахъ усиленнаго надзора, велѣно „по

[1]) Собр. постан. по ч. раск., стр. 475—476, пост. 21 іюня 1853 года.

[2]) Особое временное управленіе состояло — изъ т. сов. камергера Войцеховича—управляющаго канцеляріею Святѣйшаго Синода, графа Бобринскаго — вице-директора хозяйственнаго департамента министерства внутреннихъ дѣлъ, камеръ-юнкера Ковалькова—секретаря канцеляріи Святѣйшаго Синода, т. с. Синягина, — секретаря особой канцеляріи министерства внутреннихъ дѣлъ, к. с. Арсеньева—секретаря для переписки на иностранныхъ языкахъ при департаментѣ общихъ дѣлъ министерства внутреннихъ дѣлъ и служащаго по духовному вѣдомству к. с. Бажанова (Собр. постан. по ч. раск., стр. 476).

[3]) Собр. постан. по ч. раск., стр. 504—505.

[4]) У Кельсіева, вып. II, стр. 36.

временамъ. посылать довѣренныхъ чиновниковъ осматривать жилища раскольниковъ“; съ учрежденіемъ по уѣздамъ становыхъ засѣдателей, одному изъ нихъ указано имѣть постоянное жительство при Выгорѣцкомъ раскольническомъ общежитіи: при берегахъ Бѣлаго моря, „для ограниченія своевольства жителей чрезъ ближайшій надзоръ“ предположено устроить „морскую стражу“ [1]). Въ 1840 году въ нѣкоторыхъ слободахъ черниговской губерніи, „наиболѣе наполненныхъ раскольниками для ограниченія своеволія ихъ“, по предложенію черниговскаго совѣщательнаго комитета, Высочайше одобренному, былъ расположенъ военный постой [2]). На основаніи Высочайшаго повелѣнія отъ 11 сентября 1847 года, въ посадахъ черниговской губерніи стародубскаго уѣзда—Лужкахъ, Воронкѣ и Еленкѣ и новозыбковскаго—Чуровичахъ образованы были особыя полиціи: въ посадахъ той же губерніи, новозыбковскаго уѣзда—Климовой, Митьковѣ, Злынкѣ, Шеломахъ и Тимошкиномъ Перевозѣ, городницкаго уѣзда—Добрянкѣ и Радулѣ, суражскаго — Клинцахъ, Ардонѣ и Свяцкомъ и стародубскаго—Млинкѣ были усилены составы земской полиціи. Наконецъ, чтобы содѣйствовать „повсемѣстному и неуклонному исполненію законовъ“, Высочайше утвержденнымъ 10 іюня 1853 г. положеніемъ особаго секретнаго комитета было постановлено: усилить городскую и земскую полицію *во всѣхъ* мѣстахъ, гдѣ жительствуютъ раскольники. Постепенное введеніе такихъ полицейскихъ управленій возложено на министра внутреннихъ дѣлъ, по собраніи имъ мѣстныхъ свѣдѣній и по представленіи на Высочайшее утвержденіе, посредствомъ потребныхъ для того полицейскихъ штатовъ [3]).

[1]) Собр. постан. по ч. раск., стр. 165, постан. 11 марта 1836 года.

[2]) Тамъ же, стр. 285, пост. 11 апрѣля 1840 г.

[3]) Тамъ же, стр. 469—470.

II.

Правительственная дѣятельность по изученію раскола.

Расширяя въ видахъ болѣе успѣшной борьбы съ расколомъ сферу административнаго и полицейскаго надзора за нимъ, правительство обозрѣваемаго нами царствованія по тѣмъ же побужденіямъ обратило самое серьезное вниманіе на ознакомленіе съ самимъ расколомъ. Оно не могло не видѣть, что если въ прошломъ мѣропріятія по отношенію къ расколу „не всегда соотвѣтствовали тому, противъ чего изрекались, а нѣкоторыя послужили еще къ сильнѣйшему распространенію сектъ и ересей до ужасающей прогрессіи“, то обусловливалось это тѣмъ, что не только ученіе и бытъ раскола, но даже цифра его оставались для правительства „въ совершенной тмѣ“ [1]). Ясно сознавъ этотъ существенный пробѣлъ въ дѣятельности своихъ предшественниковъ, правительство Императора Николая I рѣшило его восполнить. Для установленія правильныхъ въ отношеніи къ расколу мѣропріятій, вполнѣ отвѣчающихъ предположеннымъ государственнымъ интересамъ, оно постановило „привесть по возможности въ точную извѣстность современное положеніе раскола во всѣхъ отношеніяхъ“ [2]).

А.

Статистика раскола. Оффиціальная статистика. Ея значеніе для правительства. Ея неудовлетворительность, обусловливаемая невѣрностью ея первоисточниковъ. Образованіе статистическихъ экспедицій. Результаты исчисленій ими раскольниковъ. Выводъ на основаніи ихъ о 9—10-милліонномъ количествѣ раскольниковъ въ Россіи. Критическое разсмотрѣніе этого вывода.

Съ перваго же года царствованія Николая Павловича начинаетъ издаваться рядъ правительственныхъ

[1]) У Кельсіева, вып. II, стр. 94.

[2]) Тамъ же, стр. 194.

распоряженій объ исчисленіи раскольниковъ. По Высочайшему повелѣнію 26 февраля 1826 г. начальникамъ губерній предписывалось постоянно доставлять министерству внутреннихъ дѣлъ къ 1-му января вѣдомости о числѣ раскольниковъ разныхъ сектъ и согласій [1]). Отъ 9 августа того же года означенныя вѣдомости предписано было доставлять въ только-что организовавшееся III-е отдѣленіе Собственной Его Величества Канцеляріи, къ занятіямъ котораго, между прочимъ, отнесены: „свѣдѣнія о числѣ существующихъ въ государствѣ разныхъ сектъ и расколовъ" [2]), въ министерство же представлять только засвидѣтельствованныя копіи съ нихъ [3]). Съ нѣкоторыми измѣненіями и дополненіями эти распоряженія повторялись въ 1827 году отъ 30 мая [4]), въ 1835 году отъ 8 октября [5]), въ 1839 году отъ 5 мая [6]) и въ 1840 году отъ 11 апрѣля [7]).

Такъ образовалась оффиціальная статистика раскола [8]). Для правительства однако она если и могла

[1]) Собр. постан. по ч. раск. стр. 85.

[2]) Собр. постан. по ч. раск. по вѣдом. Св. Синода, II, стр. 192, пост. 3 іюля 1826 г.

[3]) Собр. постан. по ч. раск., стр. 86.

[4]) Тамъ же, стр. 91—92.

[5]) Тамъ же, стр. 152. Однимъ изъ указовъ отъ 8 октября 1835 г. (ихъ два) министру внутреннихъ дѣлъ предписывалось получаемыя имъ ежегодно свѣдѣнія о числѣ раскольниковъ и ихъ молитвенныхъ зданій сообщать петербургскому секретному комитету.

[6]) Тамъ же, стр. 263.

[7]) Тамъ же, стр. 280. Этимъ послѣднимъ указомъ измѣнялся самый срокъ представленія вѣдомостей въ министерство—вмѣсто 1 января назначалось 1 марта. Перемѣна срока была вызвана тѣмъ обстоятельствомъ, что сами начальники губерній получали требуемыя свѣдѣнія отъ городскихъ и сельскихъ властей за истекшій годъ только къ 1 января.

[8]) Первая попытка оффиціальнаго исчисленія раскола сдѣлана была еще Петромъ I. Но великимъ преобразователемъ преслѣдовались при этомъ только интересы государ-

имѣть нѣкоторый интересъ, то не по непосредственному своему назначенію, а по тѣмъ лишь выводамъ, какіе можно было сдѣлать на ея основаніи. Именно: оффиціальныя цифры, во-первыхъ, вѣрно опредѣляли относительную численность разныхъ раскольническихъ сектъ. Самыми многочисленными сектами, по ихъ показанію, служатъ поповщина и безпоповщина, за ними слѣдуютъ духоборцы и молокане и, наконецъ, послѣднее мѣсто занимаютъ субботники и скопцы. Во-вторыхъ, оффиціальныя таблицы показывали преобладаніе раскола старообрядчества въ женскомъ полѣ въ сравненіи съ мужескимъ. Въ-третьихъ, онѣ опредѣляли, какія мѣстности сравнительно предъ другими болѣе заражены расколомъ (губерніи—московская, саратовская, пермская, тобольская, черниговская и нѣкоторыя другія) и какія менѣе (гродненская, финляндская и эстляндская) и, наконецъ, въ-четвертыхъ, оффиціальныя таблицы болѣе или менѣе правильно показывали преобладаніе той или другой секты въ губерніи: напр., поповщины—въ саратовской губерніи, безпоповщины — въ олонецкой, духоборцевъ и молоканъ—въ таврической [1]).

ственнаго казначейства — сборъ съ раскольниковъ двойного оклада. Эта сторонняя практическая цѣль, въ значительной степени повредивъ вѣрности самой статистики, вмѣстѣ съ тѣмъ обусловливала и время ея продолжительности. Она производилась только до тѣхъ поръ, пока съ раскольниковъ взималась двойная подать. Съ 1782 года, когда двойной окладъ, сбираемый съ раскольниковъ, указомъ Екатерины II былъ уничтоженъ, прекратилось и особое счисленіе ихъ. Попытка возобновить его и притомъ въ цѣляхъ правительственной борьбы съ расколомъ, сдѣлана была при Александрѣ I, тотчасъ же по учрежденіи министерства полиціи (Собр. пост. по ч. раск., стр. 39 и 42, пост. 18 августа 1811 г. и 18 іюня 1812 г.). Но, какъ сообщаетъ Мельниковъ, вслѣдствіе начавшейся отечественной войны, сосредоточившей на себѣ все вниманіе тогдашняго правительства, перепись раскольниковъ прекращена была повсемѣстно, не будучи нигдѣ доведена до конца (Русск. Вѣстн. 1868, II, стр. 413). И только въ царствованіе Николая I положено было оффиціальной статистикѣ раскола довольно прочное начало.

[1]) У Варадинова, кн. VIII, стр. 180—183.

Что же касается до прямой и непосредственной своей задачи, — приведенія въ извѣстность наличнаго числа раскольниковъ, то съ этой стороны оффиціальная статистика оказалась рѣшительно неудовлетворительной. Зависѣло это отъ веденія ея первоисточниковъ — именныхъ полицейскихъ списковъ и духовныхъ росписей. Въ полицейскіе списки заносились, какъ сообщаетъ Мельниковъ, только *записные* раскольники, т. е. потомки платившихъ въ XVIII столѣтіи двойной окладъ, да и тѣ не всѣ. Въ иныхъ уѣздахъ, по его словамъ, цифры не измѣнялись по сорока лѣтъ и, несмотря на естественное приращеніе населенія, вслѣдствіе перевѣса количества рожденій надъ числомъ умершихъ, число раскольниковъ показывалось или одно и то же цѣлые десятки лѣтъ, или съ каждымъ годомъ по-немножку убавлялось исправниками, чтобы показать предъ начальствомъ „благополучіе уѣзда и усердіе свое" къ ослабленію раскола. Иные исправники, особенно изъ молодыхъ и вновь поступившихъ на службу, и пробовали представлять цифру раскольниковъ, ближе подходящую къ дѣйствительности и всегда бо́льшую показанной за предыдущіе годы. Но при полученіи такой вѣдомости въ губернскомъ управленіи тотчасъ же обычно возникалъ вопросъ, отчего въ такомъ-то уѣздѣ число раскольниковъ быстро увеличилось. Отъ исправника требовались объясненія: почему расколъ усилился, кто виновенъ въ сокращеніи столь значительнаго числа вновь оказавшихся раскольниковъ, какія были приняты полиціей мѣры къ предупрежденію и пресѣченію раскольнической пропаганды, почему не было своевременно донесено о столь сильномъ увеличеніи раскола и т. п. Для исправника, такимъ образомъ, возникала непріятная переписка, кончавшаяся обычно по его адресу замѣчаніемъ за неосновательность донесеній или за недостатокъ усердія къ пресѣченію развитія раскола. Разъ испытавъ такія послѣдствія непрошеннаго усердія къ точности статистической цифры, исправникъ, разумѣется, ужъ не повторялъ больше неудач-

наго опыта, не подражали ему и преемники его. Такъ и оставались всѣ при старой цифрѣ, ежегодно уменьшая ее по-немножку [1]).

Количество раскольниковъ по духовнымъ росписямъ, хотя было ближе къ дѣйствительности [2]), но въ общемъ и въ данномъ случаѣ дѣло обстояло не лучше. „Отмѣтки въ росписяхъ", откровенно заявлялъ, напр., одинъ соборный настоятель чиновнику министерства Синицыну: „ничего не значатъ и сливаются съ пера, смотря по обстоятельствамъ и необходимости" [3]). „По отзывамъ священниковъ", пишетъ въ своемъ отчетѣ другой чиновникъ министерства Арнольди: „въ костромской губерніи много тайныхъ раскольниковъ, кои числятся въ духовныхъ росписяхъ православными, между тѣмъ какъ давно уже отложились отъ церкви и состоятъ въ расколѣ" [4]). Удостовѣряемая приходскимъ духовенствомъ, неточность духовныхъ росписей хорошо была вѣдома и самой власти, какъ духовной, такъ и свѣтской. Преосвященный нижегородскій Іеремія въ особой запискѣ, представленной въ 1857 году чрезъ оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода министру внутреннихъ дѣлъ, между прочимъ, писалъ: „дознана мною и консисторіей, доказана многими опытами и сознана священно-и церковнослужителями невѣрность записей въ исповѣдныхъ книгахъ" [5]). „По недостаточности средствъ полиціи, умышленному нерѣдко сокры-

[1]) Счисленіе раскольниковъ. Русск. Вѣстн. 1868 г., II, стр. 416. 417. Такимъ веденіемъ полицейскихъ вѣдомостей и объясняется, очевидно, отчасти уменьшеніе общаго числа раскольниковъ за 1837—50 годы, достигшее до невѣроятной цифры. За 1837 г. всѣхъ раскольниковъ показано 1.003.816, а за 1850 ихъ показано только 749.951 (у Варадинова, кн. VIII, стр. 375, 576).

[2]) Русск. Вѣстн., 1868 г., II, стр. 417.

[3]) Сборн. Кельсіева, вып. IV, стр. 26.

[4]) Тамъ же, вып. II, стр. 17.

[5]) Тамъ же, вып. I, стр. 184, въ примѣчан.

тію ихъ (раскольниковъ) числа и *неточности духовныхъ росписей*“, заявляется въ Высочайше утвержденномъ 20 января 1858 года постановленіи Секретнаго Комитета: „нѣтъ возможности составить полной и совершенно вѣрной статистики раскола“ [1]). Быть *неточнымъ* въ показаніяхъ духовныхъ росписей духовенство имѣло еще болѣе причинъ, чѣмъ полиція. Если бы какой-нибудь священникъ вздумалъ представить въ консисторію дѣйствительную цифру раскольниковъ своего прихода, то ему, по словамъ Мельникова, угрожала бы еще болѣе чувствительная непріятность, чѣмъ исправнику [2]). Въ видахъ болѣе успѣшной борьбы съ расколомъ епархіальнымъ преосвященнымъ предписывалось „слабыхъ священниковъ или неспособныхъ замѣнять лицами достойными столь важнаго служенія“ [3]). Отсюда обнаруживая дѣйствительное число раскольниковъ и чрезъ то показывая ихъ больше, чѣмъ показывалось ихъ прежде, каждый священникъ имѣлъ основаніе опасаться, что его сочтутъ „за слабаго священника и неспособнаго“ и заставятъ поплатиться за это; во всякомъ же случаѣ посмотрятъ на него не хорошо, какъ на пастыря церкви, мало ревнующаго о спасеніи своихъ чадъ и неумѣющаго остановить своею проповѣдію вліяніе ложныхъ учителей. Немаловажное значеніе имѣла здѣсь и матеріальная зависимость отъ прихожанъ. Обнаруживая предъ начальствомъ раскольниковъ, дотолѣ числившихся православными, священникъ лишался и разныхъ отъ нихъ доходныхъ статей. — „Хорошо, батюшка, бери“, говаривали такіе раскольники своему приходскому священнику: „да смотри, если ты не запишешь всѣхъ насъ бытчиками, то впредь не будетъ тебѣ ни денегъ, ни подмоги“ [4]). Вотъ по-

[1]) Собр. постан. по ч. раск., стр. 539.

[2]) Русск. Вѣстн. 1868 г., II, стр. 419.

[3]) Собр. постан. по ч. раск. стр. 354, постан. 23 января 1845 г.

[4]) Сбор. Кельсіева, вып. IV, стр. 180.

чему и приходскіе причты, при составленіи вѣдомостей о раскольникахъ, подобно исправникамъ, предпочитали держаться цифры предыдущаго года [1]).

Вполнѣ понятно, что при такомъ веденіи первоисточниковъ оффиціальныя цифры раскольниковъ, доставляемыя въ министерство, далеки были отъ дѣйствительнаго ихъ числа. Самымъ поразительнымъ образомъ несообразность оффиціальной цифры съ дѣйствительностью обнаружилась предъ правительствомъ въ 1850 году. Въ этомъ году, по случаю исполнившагося 25-лѣтія царствованія Императора Николая Павловича, всѣ министры и главноуправляющіе отдѣльными частями, кромѣ годовыхъ отчетовъ по своему управленію, представили Государю отчеты за 25 лѣтъ. При отчетѣ министерства внутреннихъ дѣлъ бывшій тогда министромъ графъ Перовскій представилъ особую записку о расколѣ. Оказалось, что къ началу царствованія Николая Павловича раскольниковъ въ Россіи было 827 тысячъ, въ двадцать пять лѣтъ обратилось къ православію и единовѣрію болѣе милліона и всетаки къ 1851 году осталось ихъ 750 тысячъ [2]). Такъ рѣзко обнаружившаяся неудовлетворительность оффиціальной статистики должна была побудить правительство озаботиться избраніемъ другого пути для исчисленія раскольниковъ. Государь, прочитавъ „Записку о расколѣ въ 1825—1850 годахъ“, приказалъ графу Перовскому придумать средства, какимъ бы образомъ, не возбуждая народныхъ толковъ о записи въ раскольники, негласно и осторожно собрать возможно вѣрныя свѣдѣнія о числѣ раскольниковъ, хотя въ нѣкоторыхъ губерніяхъ. Во исполненіе Высочайшей воли начались совѣщанія, на которыхъ, по мысли завѣдывавшаго тогда дѣлами „временнаго статистическаго комитета“ Н. А. Милютина, рѣшено было образовать двѣ „статистическія экспедиціи“ для нижегородской и ярославской губерній —

[1]) Русск. Вѣстн., 1868 г., II, стр. 419.

[2]) Тамъ же, 1868 г. II, стр. 422.

первую подъ начальствомъ Мельникова, а вторую подъ начальствомъ Синицына. Вскорѣ послѣ того, какъ статистическія экспедиціи отправились на мѣсто своего назначенія, графъ Перовскій призналъ нужнымъ произвести исчисленіе раскольниковъ еще въ костромской губерніи, какъ лежащей между названными. Съ этой цѣлью онъ отправилъ сюда двухъ чиновниковъ министерства—Брянчанинова и Арнольди [1]).

Исчисленія статистическихъ экспедицій, произведенныя въ 1852 году, рѣзко разошлись съ показаніями оффиціальной статистики, въ значительной степени превосходя ихъ. Въ то время какъ въ нижегородской губерніи, по оффиціальному показанію губернатора, въ 1852 году было 20.246 раскольниковъ обоего пола, по изслѣдованіямъ статистической экспедиціи оказалось 172.500. Въ костромской—за тотъ же годъ показывалось 19.870; Брянчаниновъ и Арнольди насчитали 105.572. Въ ярославской губерніи оффиціально показывалось 7.454 раскольника, по изслѣдованію статистической экспедиціи оказалось 218.417. Такимъ образомъ, по тремъ, вмѣстѣ взятымъ губерніямъ, по новому исчисленію раскольниковъ оказалось 556.389 вмѣсто оффиціально показываемыхъ 47.570, т. е. болѣе въ *одиннадцать* разъ. Полученное соотношеніе оффиціальныхъ датъ съ датами статистическихъ экспедицій тогда въ министерствѣ нашли возможнымъ распространить и на другія губерніи и отсюда сдѣлать соотвѣтствующее заключеніе относительно общаго числа раскольниковъ въ Россіи. Всѣхъ раскольниковъ въ Россіи за 1852 годъ оффиціально показывалось 910 тысячъ. На основаніи добытыхъ статистическими экспедиціями результатовъ, эту цифру *помножили на одиннадцать* и стали считать дѣйствительную цифру раскольниковъ приблизительно отъ 9 до 10 милліоновъ [2]).

[1]) Русск. Вѣстн., 1868 г. II, стр. 423—426.

[2]) Тамъ же, II, стр. 426—427.

Въ литературѣ къ 9—10 милліонной цифрѣ раскольниковъ, основанной на показаніяхъ статистическихъ экспедицій, мы встрѣчаемъ не одинаковое отношеніе. Въ то время какъ одними она раздѣляется, другіе относятся къ ней отрицательно, находя ее сильно преувеличенной [1]). Больше основаній держаться мнѣнія этихъ послѣднихъ. Въ самомъ дѣлѣ, уже самый путь, которымъ образовалось десятимилліонное число раскольниковъ, заставляетъ отнестись къ нему по меньшей мѣрѣ критически. Мы видѣли, что на основаніи статистическихъ данныхъ, *собранныхъ только въ трехъ губерніяхъ*, вопреки прямому требованію логики: a parte ad totum non valet consequentia (отъ части къ цѣлому заключать не слѣдуетъ), сдѣлано было заключеніе объ общемъ числѣ раскольниковъ въ Россіи. Если бы въ трехъ губерніяхъ (нижегородской, костромской и ярославской) и на самомъ дѣлѣ оказалось раскольниковъ среднимъ числомъ въ одиннадцать разъ больше противъ оффиціальныхъ цифръ, то отсюда, само собой разумѣется, далеко еще до заключенія о такомъ же точно соотношеніи данныхъ статистическихъ экспедицій съ данными оффиціальной статистики и во всѣхъ остальныхъ губерніяхъ. Достаточно, напр., указать на то, что министерскіе чиновники, собиравшіе свѣдѣнія о раскольникахъ въ вологодской, симбирской и саратовской губерніяхъ, показали тамъ число раскольни-

[1]) Въ положительномъ смыслѣ за означенное количество раскольниковъ высказываются Липранди (Сбор. Кельсіева, II, 146), Кельсіевъ (Сборн. I, въ предисловіи стр. XXX), Мельниковъ (Русск. Вѣстн. 1868 г., II, стр 441), князь Орловъ (Русск. Стар. 1881 г, май, стр 95) и нѣкот. другіе. Отрицательно относятся къ нему, напр., проф. Н. И. Ивановскій (О численности раскольниковъ въ Прав. Собесѣдн. 1867 г., II, стр. 258), проф. Н. И. Субботинъ (О сущности и происхожденіи раскола въ Россіи. Спб. 1892. стр. 8—9), о. Павелъ Прусскій (Братск. Слово, 1876, стр. 199—213), настоятель Гуслицкаго единовѣрческаго монастыря о. Пароеній (Душеп. Чтен. 1864—іюль и 1866—ноябрь).

ковъ лишь *немного* болѣе оффиціальныхъ данныхъ. Такъ, въ вологодской губерніи оффиціально за 1846 годъ показывалось 2569 безпоповцевъ, въ 1850 году чиновникъ министерства показалъ ихъ 3520 [1]). Въ симбирской губерніи, по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, числилось около 7.500 раскольниковъ; чиновникъ министерства показалъ 8.308 [2]). Въ саратовской губерніи, по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, значилось 41.870 раскольниковъ; изслѣдователь показалъ 44.096 [3]).

Справедливость сомнительнаго отношенія къ 9—10 милліонной цифрѣ раскольниковъ станетъ для насъ еще очевиднѣй, если мы разсмотримъ, какимъ образомъ статистическія экспедиціи производили исчисленія раскольниковъ. Со стороны министерства имъ не было дано никакихъ опредѣленныхъ указаній. Министръ внутренныхъ дѣлъ гр. Перовскій на вопросъ начальствующихъ экспедиціями Мельникова и Синицына: какіе употреблять *пріемы* при собираніи свѣдѣній о числѣ раскольниковъ?—сказалъ: „подробныхъ инструкцій дать вамъ нельзя; все зависитъ отъ мѣстныхъ условій, здѣсь намъ неизвѣстныхъ; предоставляю все вашей находчивости и умѣнью воспользоваться мѣстными обстоятельствами. Вы посылаетесь на первый разъ, въ видѣ опыта; самыя ошибки ваши въ этомъ новомъ дѣлѣ будутъ полезны впослѣдствіи при производствѣ такихъ же работъ по другимъ губерніямъ. Поэтому ведите подробные дневники о своихъ дѣйствіяхъ и посылайте ихъ къ Надеждину“ [4]). Не получивъ опредѣленныхъ указаній, изслѣдователи, сами тоже незнакомые съ дѣломъ, дѣйствовали каждый по своему усмотрѣнію. Синицынъ, напр., „очевидными“ признаками раскола считалъ „лѣстовки съ треугольниками, т. е. особаго рода четки;

---

[1]) У Варадинова, кн. VIII, стр. 447. 537.

[2]) Тамъ же, стр. 553.

[3]) Тамъ же, стр. 571.

[4]) Русск. Вѣстн. 1868, II, стр. 436.

родъ подушечекъ, подкладываемыхъ при земныхъ поклонахъ подъ руки; кадильницы мѣдныя и глиняныя съ ручками, осьмиконечные кресты съ надписью: „Царь Славы Iсусъ Христосъ Сынъ Божій“, съ нерукотвореннымъ вверху образомъ, вмѣсто Господа Саваоѳа, съ солнцемъ и луною на краяхъ большого поперечника; мѣдные складни; апокалипсическія изображенія, въ томъ числѣ антихриста въ каскѣ; надписи надъ дверьми съ изреченіями святыхъ отцевъ или ересіарховъ; стриженыя маковки на головахъ; безпрерывное повтореніе хозяевами молитвы: „Господи, Iсусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ“; чтеніе молитвъ особымъ гнусливымъ голосомъ; писанныя полууставомъ, старопечатныя или вновь перепечатанныя съ нихъ книги, съ поученіями, наполненными ругательствами и проклятіями на царей и вельможъ, на православное духовенство и трехперстное сложеніе креста“ [1]). Всѣ поименованные признаки, дѣйствительно, могутъ быть названы признаками раскола, только далеко не „очевидными“, и одно нахожденіе этихъ признаковъ у извѣстныхъ лицъ еще нельзя считать за несомнѣнное доказательство ихъ раскольничества. Домашнее употребленіе лѣстовокъ, подручниковъ, ручныхъ кадильницъ, осьмиконечныхъ крестовъ, мѣдныхъ складней, чтеніе старопечатныхъ книгъ извѣстнымъ, какъ выражается изслѣдователь, гнусливымъ тономъ и даже двуперстіе сплошь и рядомъ могутъ встрѣчаться въ семействахъ не только раскольническихъ, но единовѣрческихъ и строго православныхъ, вполнѣ усердныхъ къ церкви и отъ души не терпящихъ раскола, такъ какъ всѣ эти признаки сами по себѣ указываютъ, какъ справедливо замѣчаетъ проф. Н. И. Ивановскій, не на отщепенство, а только на любовь къ старинѣ, къ порядкамъ жизни, завѣщаннымъ отцами, и на привязанность къ такъ называемымъ старымъ церковнымъ обрядамъ [2]). Въ нѣкоторыхъ губер-

---

[1]) У Кельсіева, вып. II, стр. 4.

[2]) Прав. Соб. 1867 г., II, стр. 286.

ніяхъ эти обычаи и обряды соблюдаются почти всѣми простолюдинами за очень рѣдкими исключеніями. Если бы поименованные признаки были приняты въ основаніе, напр., по нижегородской губерніи, то, по словамъ Мельникова, ему пришлось бы все населеніе Заволжья отнести къ числу раскольниковъ поголовно [1]). Двуперстное сложеніе, по словамъ того же писателя, служитъ вѣрнымъ признакомъ раскола въ южныхъ губерніяхъ, въ губерніяхъ же нижегородской и костромской около одной третьей доли православныхъ крестятся двуперстно [2]). По словамъ о. Павла Прусскаго, въ симбирской и саратовской губерніяхъ православные, молящіеся не только двуперстно, но и троеперстно, имѣютъ у себя въ домахъ ручныя кадильницы для домашняго кажденія иконъ [3]). Не могутъ быть доказательствомъ *несомнѣнныхъ* раскольниковъ и такіе признаки, какъ апокалипсическія изображенія антихриста и книги, исполненныя ругательствъ и проклятій на царей и вельможъ, на православное духовенство и трехперстное сложеніе, хотя они безспорно и служатъ признакомъ даже наиболѣе фанатическихъ раскольническихъ сектъ. Не говоря уже о простой любви нашихъ простолюдиновъ къ разнаго рода апокалипсическимъ изображеніямъ, по которой они могутъ имѣть у себя подобныя изображенія безъ всякаго отношенія къ своимъ религіознымъ убѣжденіямъ, эти изображенія могли попадаться у нихъ совершенно случайно. Какая-нибудь писанная полууставомъ книга могла быть куплена просто потому, что она старая, безъ яснаго представленія о томъ, что въ ней содержится; или же она могла попасться отъ какого-нибудь расколоучителя, давшаго ее съ цѣлью совращенія и т. п. Слѣдуетъ обратить вниманіе и на то, что изслѣдователи, находившіе въ томъ или другомъ семействѣ упомянутые

1) Русск. Вѣстн., 1868 г., II, стр. 436.
2) Тамъ же.
3) Брат. Сл., 1876 г., отд. III, стр. 204.

признаки раскола, не входили въ расужденіе о томъ, всѣ ли члены семейства—раскольники или только нѣкоторые изъ нихъ [1]). А между тѣмъ въ этомъ случаѣ могла быть сдѣлана значительная ошибка, потомучто, какъ извѣстно, нерѣдко можно встрѣтить такія семейства, гдѣ, напр., отецъ—единовѣрецъ, мать—раскольница, сынъ — православный, или жена — раскольница или единовѣрка и т. д., и извѣстная книга, напр., или картина можетъ принадлежать только одному или двумъ членамъ семейства [2]).

Кромѣ разсмотрѣнныхъ признаковъ, изслѣдователи дѣлали еще справки съ духовными росписями, и лицъ, не бывающихъ у исповѣди, св. причастія или бывающихъ очень рѣдко „по нераченію и опущенію“, заносили въ свои отчеты. Такъ именно поступали члены статистической экспедиціи въ нижегородской губерніи [3]). Но, не входя въ ближайшее разслѣдованіе относительно того, кто изъ записанныхъ, такимъ образомъ, лицъ есть дѣйствительно скрывающійся раскольникъ и кто просто только человѣкъ нерадивый и безпечный въ исполненіи христіанскихъ обязанностей, а считая всѣхъ ихъ за раскольниковъ, изслѣдователи могли допустить самую естественную и, возможно,—очень значительную погрѣшность. Многіе не по одному даже нерадѣнію не бываютъ ежегодно на исповѣди и у причастія св. таинъ, а по предубѣжденію, что молодому причащаться не слѣдуетъ, что онъ не можетъ приготовиться, и что молодому, а также и новобрачному, даже великій грѣхъ причащаться; поэтому случается, что иные до самой глубокой старости не бываютъ у исповѣди и у св. причастія. Въ саратовской губерніи, въ г. Хвалынскѣ, противораскольническое Братство, открытое въ 1873 году, положило первою своею задачею искоренить это

1) По крайней мѣрѣ, они нигдѣ объ этомъ не упоминаютъ.
2) Прав. Соб., 1867 г., II, стр. 287—288.
3) Русск. Вѣстн., 1868 г., II, стр. 436—437.

предубѣжденіе, — увѣщевать православныхъ ежегодно быть у исповѣди и у св. причастія [1]). Одному православному священнику г. Новоалександровска, ковенской губерніи, пришлось исповѣдывать проходившихъ чрезъ городъ новобранцевъ, — болѣе пяти сотъ человѣкъ, — и въ такомъ количествѣ молодыхъ людей, великоруссовъ, онъ не нашелъ ни одного, бывшаго у исповѣди и св. причастія. На вопросъ: вы старообрядцы? — они отвѣчали, что нѣтъ, но что на ихъ родинѣ не въ обычаѣ молодымъ говѣть, ходить къ исповѣди и къ св. причастію, что этотъ долгъ исполняютъ у нихъ пожилые люди, а молодые причащаются только въ случаѣ опасной болѣзни [2]). Нижегородскій преосвященный Іаковъ зналъ, очевидно, этотъ обычай, сдѣлавъ распоряженіе: „не считать раскольниками небывающихъ по нѣскольку лѣтъ у исповѣди и у св. причастія, если имъ не сдѣлано узаконеннаго увѣщанія“ [3]). Небываніе ежегодно у исповѣди и св. причастія и Св. Синодъ называетъ „сомнительнымъ“ признакомъ раскола, изъясняя, что оно „происходитъ и отъ такихъ причинъ, кои не заключаютъ въ существѣ своемъ раскольническаго заблужденія“ [4]). Есть въ показаніяхъ статистическихъ экспедицій и очевидныя погрѣшности. Въ отчетахъ чиновниковъ, наряду съ изложеніемъ разныхъ сектъ, встрѣчается и единовѣріе, называемое новопоповщиною [5]), — названіе и несправедливое и обидное для единовѣрцевъ, принятыхъ въ единеніе съ православною церковью, но отнюдь не образующихъ какой-либо отдѣльной секты. Внося единовѣрцевъ въ число раскольниковъ, чиновники министерства посту-

[1]) Брат. Слово, 1875 г., отд. III, стр. 207.

[2]) Тамъ же.

[3]) Русск. Вѣстн., 1868 г., II, стр. 437.

[4]) Собран. постан. по ч. раск. по вѣд. Св. Синода, II, стр. 360.

[5]) Сборн. Кельсіева, вып. II, стр. 5; вып. IV, стр. 84. 87.

пали въ этомъ случаѣ даже вопреки прямому предписанію самого министерства, послѣдовавшему еще въ 1848 году 26 октября, „чтобы единовѣрцы ни въ какомъ случаѣ не были смѣшиваемы съ раскольниками“ [1]).

Такимъ образомъ, не отрицая всего значенія указанныхъ признаковъ раскольничества, мы тѣмъ не менѣе, въ виду представленныхъ соображеній, положительно утверждаемъ, что на основаніи ихъ нельзя составить вѣрной статистики. Изслѣдованія, основанныя на этихъ признакахъ, должны приводить къ несправедливымъ послѣдствіямъ, которыя будутъ страдать другою крайностью въ сравненіи съ оффиціальными показаніями — *преувеличеніемъ* дѣйствительнаго числа раскольниковъ. Поэтому и итогамъ раскольниковъ, представленнымъ статистическими экспедиціями, мы считаемъ себя вправѣ не придавать безусловнаго значенія [2]).

Правда, сторонники 10-милліонной цифры въ тогдашнее время ссылались въ свое подтвержденіе еще на показанія самихъ раскольниковъ [3]). Но едва ли кто-нибудь встрѣчалъ у раскольниковъ хотя бы по-

[1]) Собр. пост. по ч. раск., стр. 399.

[2]) Это, по словамъ проф. Н. И. Ивановскаго, сознавали и сами изслѣдователи, чѣмъ и объясняется появленіе въ ихъ отчетахъ отдѣльной графы, куда вносились имя не раскольники въ строгомъ смыслѣ, а только „*зараженные духомъ*“ раскола или „*колеблющіеся*“. Брянчаниновъ и Арнольди въ своемъ отчетѣ о числѣ раскольниковъ въ костромской губерніи показали въ этой графѣ 57.500; это—цифра, превышающая цифру *дѣйствительныхъ* раскольниковъ въ этой губерніи на 48.072 чел. (Сбор. Кельсіева, вып. IV, стр. 324). Синицынъ число „колеблющихся“ показалъ въ ярославской губерніи въ 175.500, слѣдовательно больше, чѣмъ на половину въ сравненіи съ общимъ итогомъ, который простирается до 300.000. По замѣчанію Синицына, „они изрѣдка, чрезъ 3, 4 и 5 лѣтъ причащаются св. таинъ и составляютъ *только* „запасъ для раскола тайнаго или явнаго“ (Тамъ же, стр. 64. 95). Прав. Соб., 1867 г., II, стр. 290.

[3]) У Кельсіева, вып. II, стр. 146.

пытку создать свою статистику. Наши старообрядцы знаютъ только одно, что ихъ много, что они находятся не только по всей Россіи, но и за границей, и этого для нихъ вполнѣ достаточно, чтобы выражать общее свое количество какой угодно цифрою. Высказанную мысль прекрасно могутъ иллюстрировать слѣдующіе примѣры. Въ 1812 году овладѣвшему Москвою Наполеону московскіе ѳедосѣевцы говорили: „общество древнихъ христіанъ, угнетаемое правительствомъ, но имѣющее во всей Россіи своихъ единовѣрцевъ, *къ числу которыхъ принадлежитъ почти весь простой русскій народъ безъ изъятія*, покорясь Наполеону, проситъ Его Величество повелѣть оградить ихъ монастырь (т. е. Преображенское кладбище) отъ всѣхъ военныхъ насилій и, уповая на его милосердіе, признаетъ его своимъ государемъ" [1]). Въ 1838 году, когда могилевскій преосвященный, при посѣщеніи монастырей, церквей и часовенъ бѣглопоповщинскаго согласія въ бѣлицкомъ уѣздѣ, увѣщевалъ ихъ присоединиться къ единовѣрію, то раскольники, не противясь прямо его увѣщаніямъ, говорили, *что ихъ единовѣрцевъ до 10 милліоновъ*, и что они должны смотрѣть на другихъ, будутъ ли тѣ переходить въ единовѣріе [2]). Надеждинъ, въ бытность свою въ Бѣлой-Криницѣ, видя въ ней хлопотливыя приготовленія всего нужнаго къ встрѣчѣ и водворенію епископа Амвросія, удивился, откуда липоване берутъ средства на этотъ предметъ. Павелъ съ большимъ востропомъ отвѣчалъ на это, что „ихъ, блюстителей древняго благовѣрія, находится внѣ Россіи *неисчислимое множество, яко звѣздъ небесныхъ или песка морского, что отсель не только вплоть до Царьграда и святой горы, но даже до Іерусалима тянется непрерывная цѣпь раскольничьихъ селеній, съ многочисленными церквами, монастырями и скитами*, что въ нихъ каждый готовъ отдать послѣднюю лепту для

[1]) У Кельсіева, вып. I, стр. 36—37.

[2]) У Варадинова, кн. VIII, стр. 388.

блага церкви, особенно на предметъ такой необычайной важности, какъ пріобрѣтеніе епископа" [1]).

Такимъ образомъ, желаніе сторонниковъ 10 милліоннаго числа раскольниковъ опереться на самихъ же раскольниковъ не можетъ дать бо́льшей основательности этому числу, и самый вопросъ о 10-милліонномъ количествѣ раскольниковъ, за положительнымъ отсутствіемъ ихъ исторической статистики, по меньшей мѣрѣ, слѣдуетъ считать открытымъ.

Б.

Изученіе раскола съ другихъ сторонъ. Графъ Перовскій, какъ иниціаторъ правительственной дѣятельности по данному вопросу. Его взглядъ на дѣло изученія раскола. Планъ полнаго систематическаго собранія свѣдѣній о расколѣ и руководственныя указанія касательно его выполненія Надеждина. Работы по выполненію плана: разработка архивныхъ матеріаловъ и изслѣдованія раскола на мѣстахъ его существованія. Результаты этихъ работъ. Общее заключеніе.

Начало обширной правительственной дѣятельности по обслѣдованію раскола въ другихъ отношеніяхъ положено было графомъ Перовскимъ, со вступленіемъ котораго въ управленіе министерствомъ внутреннихъ дѣлъ изслѣдованія всѣхъ частей ввѣреннаго ему управленія, въ томъ числѣ и раскола, сдѣлались систематическими и приняты основаніемъ административной его дѣятельности [2]). Хотя главная цѣль изслѣдованій раскола была административная—точное опредѣленіе дѣйствительнаго положенія раскола въ имперіи и установленіе правильныхъ въ отношеніи къ нему мѣропріятій, но графъ Перовскій для наилучшаго достиженія и этой цѣли находилъ нужнымъ, чтобы предпринимаемыя изслѣдованія имѣли ученый характеръ и входили въ общій планъ полнаго систематическаго собранія свѣ-

[1]) Сборн. Кельсіева, вып. I, стр. 109.

[2]) У Варадинова, кн. VIII, стр. 445.

дѣній о расколѣ. Такой планъ имъ поручено было составить служившему тогда въ министерствѣ и занимавшемуся „особенно по дѣламъ раскола" [1]) талантливому ученому Н. И. Надеждину. Надеждинъ исполнилъ порученіе министра съ рѣдкимъ знаніемъ дѣла. Составленный имъ планъ „Полнаго собранія свѣдѣній, относящихся къ расколамъ и раскольникамъ" настолько широко обнимаетъ разныя стороны, съ которыхъ расколъ можетъ и долженъ подлежать изслѣдованію, что не утратилъ своего значенія и для настоящаго времени.

Планъ дѣлится на четыре части: историческую, догматическую, географическо-статистическую и юридическую. Содержаніе каждой изъ нихъ таково.

I. *Часть историческая.* Начало и происхожденіе того церковнаго раздора, который до сихъ поръ продолжается въ Россіи подъ именемъ раскола. До времени царя Алексѣя Михайловича и патріарха Никона въ россійской церкви бывали разныя недоразумѣнія, возникали заблужденія и распри; но раскола въ томъ видѣ и значеніи, въ какомъ онъ существуетъ теперь, не было. Поводъ къ расколу: исправленіе церковныхъ книгъ и воспослѣдовавшее за тѣмъ измѣненіе нѣкоторыхъ церковныхъ обрядовъ. Исторія исправленія церковныхъ книгъ въ Россіи: Максимъ Грекъ; Стоглавый соборъ; учрежденіе книгопечатанія въ Москвѣ; первые патріархи до Никона; соборы 1654 и 1655 года, окончательно рѣшившіе общую повѣрку славянскихъ книгъ и соглашеніе ихъ съ греческими подлинниками. Исправленіе книгъ, такимъ образомъ предпринятое, было только поводомъ къ волненію народа, подготовленному разными другими обстоятельствами. Общій взглядъ на состояніе Россіи при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ. Расположеніе къ безпокойству и смятеніямъ, вслѣдствіе безначалія, господствовавшаго при самозванцахъ и во время междуцарствія. Система дѣйствій тогдашняго правительства. Столкновеніе страстей и партій при

[1]) У Варадинова, кн. VIII, стр. 470.

Царскомъ Дворѣ. Дружба царя съ патріархомъ. Нравъ и дѣйствія Никона. Первые раскольники были личные враги Никона, прикрывавшіе свою ненависть къ нему подъ личиною ревности по истинной вѣрѣ, искаженной якобы новоисправленными книгами: Павелъ епископъ коломенскій; протопопы—Иванъ Нероновъ, Даніилъ и Аввакумъ; попы Лазарь и Никита; дьяконъ Ѳеодоръ; князь Лыковъ (Львовъ), бояринъ, управлявшій печатнымъ дворомъ. Торжество враговъ патріарха, окончившееся его удаленіемъ и потомъ низверженіемъ. Политика царя, пожертвовавшаго личностью Никона, но не системою, которой Никонъ былъ главнымъ орудіемъ. Соборъ 1667 года, низвергнувшій Никона, произноситъ анаѳему на сопротивленіе его преобразованіямъ, и тѣмъ даетъ поводъ къ происхожденію изъ придворной интриги религіознаго фанатизма. Первое открытое возстаніе раскола противъ господствующей церкви въ лицѣ соловецкихъ монаховъ. Осада и взятіе вооруженною силою Соловецкаго монастыря, сдѣлавшагося убѣжищемъ всякаго рода фанатиковъ. Спасшіеся изъ монастыря бѣглецы разсыпаются повсюду и утверждаются въ особенности въ такъ называемомъ Поморскомъ краѣ, въ нынѣшней губерніи олонецкой. Кратковременное царствованіе Ѳеодора Алексѣевича, ознаменованное особеннымъ религіознымъ броженіемъ умовъ въ Москвѣ, вслѣдствіе присоединенія къ государству Малороссіи и отчасти Бѣлоруссіи. Религіозное волненіе сливается съ политическими крамолами, возникшими въ двоецарствованіе Іоанна и Петра, при соправительствѣ царевны Софіи. Бунты стрѣльцовъ въ союзѣ съ расколомъ. Князь Хованскій—покровитель раскола и душа мятежныхъ стрѣльцовъ. Возмущеніе 2 мая (5 іюля) 1682 года. Мятежники, частію разосланные въ ссылку въ дальніе края государства, преимущественно въ Сибирь, частію же спасающіеся бѣгствомъ отъ заслуженнаго наказанія, разносятъ свои заблужденія повсюду, въ особенности на края государства и за тогдашнюю границу Россіи, въ области, принадле-

жавшія Швеціи, Польшѣ и Турціи. Образованіе главныхъ гнѣздъ раскола въ предѣлахъ государства: въ Украйнѣ, въ лѣсахъ Стародубскихъ и на Керженцѣ, въ области Нижегородской. Происхожденіе Вѣтки, средоточія заграничныхъ или такъ называвшихся тогда „зарубежныхъ" раскольниковъ. Единодержавіе Петра. Бунтъ донскихъ казаковъ подъ предводительствомъ атамана Булавина въ пользу, или лучше подъ предлогомъ ревности по старой вѣрѣ. Мѣры Петра къ обузданію и подавленію раскола. Учрежденіе миссіи для увѣщанія и обращенія раскольниковъ. Систематическая полемика съ раскольниками: Стефанъ Яворскій, Өеофанъ Прокоповичъ, св. Димитрій ростовскій, Өеофилактъ Лопатинскій, архіепископъ тверской, Питиримъ, епископъ нижегородскій. Реформы Петра служатъ раскольникамъ предлогомъ къ совершенному отчужденію не только отъ церкви, но и отъ правительства. Образованіе раскольническихъ общинъ, не молящихся за царя. Расколъ принимаетъ явный характеръ упорнаго сопротивленія государственной власти. Царствованіе императрицы Анны, съ его крутыми мѣрами. Розыскная экспедиція противъ поморянъ, подъ начальствомъ титулярнаго совѣтника Самарина. Такъ называемая „первая выгонка" съ Вѣтки подъ командою полковника Сытина. Царствованіе императрицы Елизаветы. Усилія раскольниковъ къ образованію изъ себя самобытной церкви: лже-епископъ Епифаній; самозванцы-епископы Аөиногенъ и Анөимъ. Царствованіе императрицы Екатерины II. Новыя открытыя возстанія и смятенія, коимъ расколъ служитъ частію поводомъ, частію орудіемъ: бунтъ въ Москвѣ во время чумы, при которомъ умерщвленъ всенародно архіепископъ Амвросій; возмущеніе Зеленецкаго монастыря въ епархіи с.-петербургской, окончившееся самосожженіемъ мятежниковъ; пугачевщина. Несмотря на то, строгость мѣръ противъ раскола систематически ослабляется. Вторая выгонка съ Вѣтки, распространившая въ государствѣ возвращенныхъ изъ-за границы раскольниковъ. Допущеніе

утвердиться въ Москвѣ полуоффиціальнымъ гнѣздамъ раскола, подъ именемъ кладбищъ. Приглашеніе раскольниковъ селиться въ новопріобрѣтенныхъ областяхъ южной Россіи съ разными льготами и преимуществами. Продолженіе полемики съ раскольниками: Платонъ, митрополитъ московскій; Симонъ, архіепископъ рязанскій; Никифоръ, архіепископъ херсонскій и потомъ астраханскій. Начало обращенію раскольниковъ въ единовѣріе. Усиленіе мѣръ строгости противъ раскола при императорѣ Павлѣ. Царствованіе императора Александра. Явленіе новыхъ видовъ раскола, безъ сомнѣнія происшедшихъ ранѣе, но теперь только сдѣлавшихся извѣстными правительству, — видовъ, въ которыхъ расколъ совершенно утратилъ свое первоначальное значеніе старовѣрства и старообрядства, отрекся отъ всѣхъ церковныхъ преданій и вдался въ крайнюю степень уклоненія отъ всякаго гражданскаго порядка: молокане, духоборцы, хлыстовщина, скопцы. Ревизія сенаторовъ: Лопухина и Нелединскаго - Мелецкаго, — первый примѣръ оффиціальнаго снисхожденія къ самымъ злѣйшимъ видамъ раскола. Послѣдующія событія. Настоящее время.

Къ этой части должны быть приложены:

а) Указатель всѣхъ оффиціальныхъ актовъ и документовъ, служащихъ источниками для исторіи расколовъ.

б) Списокъ всѣхъ книгъ, издававшихся доселѣ по поводу расколовъ и раскольниковъ, съ краткимъ изложеніемъ ихъ содержанія и съ означеніемъ, гдѣ, когда и сколько разъ онѣ издавались.

в) Списокъ книгъ, содержащихъ въ себѣ случайно извѣстія и вообще матеріалы, относящіеся къ расколамъ и раскольникамъ.

г) Указатель рукописныхъ сочиненій, употребленныхъ въ дѣло при составленіи исторіи расколовъ, съ означеніемъ, гдѣ они находятся, и съ критическимъ опредѣленіемъ заслуживаемаго ими довѣрія.

II. *Часть догматическая.* Изложеніе всѣхъ разногласій, изъ-за которыхъ расколъ въ своемъ первоначальномъ значеніи, какъ старовѣрство и старообрядство, отдѣлился отъ православной церкви. Постепенное раздробленіе раскола на разные другъ другу враждебные толки, или, какъ говорятъ сами раскольники, согласія. Главные два вида, на которые могутъ быть возведены всѣ вѣтви раскола: поповщина и безпоповщина. Главные виды поповщины: собственно поповщина и дьяконовщина. Главные виды безпоповщины: поморяне и ѳеодосіевщина. Списки наименованій мельчайшихъ раскольничьихъ толковъ, съ распредѣленіемъ ихъ по сказаннымъ главнымъ разрядамъ: списокъ св. Димитрія ростовскаго; списокъ Ѳеофилакта Лопатинскаго; списокъ Симона, архіепископа рязанскаго; списокъ протоіерея Андрея Іоаннова; списокъ Церковной исторіи архимандрита Иннокентія; списокъ, составленный по новѣйшимъ свѣдѣніямъ. Изображеніе поповщины въ ея вѣроученіи, обрядахъ, внутреннемъ общественномъ устройствѣ и отношеніяхъ къ общему государственному порядку. Изображеніе безпоповщины съ тѣхъ же сторонъ и въ тѣхъ же отношеніяхъ. Особое прибавленіе о духѣ и составѣ злѣйшихъ выродковъ раскола: молоканъ, духоборцевъ, хлыстовъ и скопцовъ.

Эта часть въ особенности должна быть обогащена приложеніями, содержащими въ себѣ всѣ источники, изъ которыхъ почерпаются, или посредствомъ которыхъ распространяются заблужденія раскола во всѣхъ его видахъ.

Эти источники суть:

а) Старописныя и старопечатныя церковныя книги, въ сущности невинныя, но исполненныя неумышленныхъ ошибокъ и погрѣшностей, коихъ исправленіе въ новопечатныхъ книгахъ дало поводъ къ происхожденію раскола. Этимъ книгамъ долженъ быть составленъ полный списокъ, съ отмѣткою тѣхъ изъ нихъ, которыя въ особенности уважаются раскольниками.

б) Такъ называемыя учительскія книги, писанныя и печатныя до раскола, но подающія поводъ раскольникамъ подтверждать ими свои заблужденія; таковы: Дѣянія Стоглаваго собора; житія разныхъ святыхъ, въ особенности Евфросина псковскаго и трехъ мучениковъ литовскихъ; слова, приписываемыя Максиму Греку; Книга Вѣры; Книга Кирилла іерусалимскаго; Катихизисы Большой и Малый и т. п. Книгъ этихъ должно быть объяснено происхожденіе, показано содержаніе, и, наконецъ, тѣ мѣста ихъ, которыми пользуются раскольники, должны быть представлены въ подлинномъ текстѣ.

в) Собственныя сочиненія раскольниковъ, которыхъ находится великое множество, большею частію скрывающееся во мракѣ неизвѣстности. Изъ нихъ нѣкоторыя есть печатныя, издававшіяся въ западно-русскихъ уніатскихъ типографіяхъ, во время нахожденія ихъ подъ польскимъ владычествомъ; но болѣе ходятъ они въ рукописяхъ, нерѣдко отличающихся между собою, по различію редакціи и передѣлки въ разныхъ толкахъ. Всѣ ихъ должно привести въ извѣстность, а нѣкоторыя приложить вполнѣ, какъ напримѣръ: Соловецкую челобитную, письма распопы Аввакума, Поморскіе отвѣты, книгу Никодима, книгу Монина и т. п.

г) Иконы, картины и другія изображенія, въ которыхъ раскольники находятъ подтвержденіе своему суевѣрію или которыя выдуманы ими самими для распространенія и поддержанія изувѣрства. Эти, сильно дѣйствующія на воображеніе простого народа, орудія должны быть приведены въ возможно полную извѣстность.

д) Разныя устныя преданія, пѣсни, легенды, сказанія и т. п., обращающіяся между раскольниками.

III. *Часть географическо-статистическая.* Распредѣленіе раскольниковъ по пространству имперіи въ настоящее время. Населеніе ихъ по губерніямъ, уѣздамъ и селеніямъ. Описаніе существующихъ нынѣ раскольническихъ монастырей, церквей, часовенъ и моленъ.

Раздѣленіе раскольниковъ по признаннымъ въ государствѣ состояніямъ. Раздѣленіе по промысламъ и способамъ жизни. Раздѣленіе по главнымъ средоточіямъ разныхъ толковъ. Отличительныя черты быта раскольниковъ, съ ихъ мѣстными оттѣнками, во всѣхъ статистическихъ отношеніяхъ: физическомъ, хозяйственномъ и нравственномъ.

Къ этой части должны быть приложены: карты и разныя статистическія таблицы, коихъ содержаніе и форма укажутся впослѣдствіи, по мѣрѣ накопленія матеріаловъ.

IV. *Часть юридическая.* Полное собраніе всѣхъ постановленій и распоряженій правительства въ отношеніи къ раскольникамъ, представленное въ систематическомъ сводѣ [1]).

Въ представленіи своего плана министру Надеждинъ сдѣлалъ и руководственныя указанія касательно его выполненія. Работы по выполненію плана, по собственному указанію Надеждина, слѣдовало начать „съ части исторической, которая находится въ тѣсной связи съ частями догматическою и юридическою, такъ что при занятіи ею, будутъ вмѣстѣ собираться матеріалы, проясняться понятія и устанавливаться точки зрѣнія къ обѣимъ послѣднимъ". Поставляя здѣсь успѣхъ дѣла въ зависимость отъ возможно полнаго собранія источниковъ, Надеждинъ предлагалъ приложить къ тому самыя тщательныя заботы. Источники раздѣляются имъ на оффиціальные и неоффиціальные. Первые заключаются „въ архивахъ тѣхъ правительственныхъ мѣстъ, кои въ разныя времена и въ разныхъ отношеніяхъ вѣдали и производили дѣла расколовъ и раскольниковъ. Таковы:

1) Архивы Святѣйшаго Синода, епархіальныхъ консисторій и архіереевъ, въ особенности митрополитовъ с.-петербургскаго и московскаго, также монастырей, особенно Соловецкаго и Спасо-Евѳиміева Суздаль-

[1]) Брат. Слов., 1876 г., II, стр. 119—131.

скаго, издавна служащихъ мѣстами заточенія для заводчиковъ и распространителей раскола.

2) Архивъ Министерства Иностранныхъ дѣлъ, въ коемъ должны храниться, кромѣ дѣлъ вообще о заграничныхъ раскольникахъ, дѣла бывшей Малороссійской Коллегіи, имѣвшей въ своемъ завѣдываніи Украйну, гдѣ были и донынѣ находятся главныя гнѣзда раскольниковъ.

3) Архивъ Военнаго Министерства, гдѣ должны храниться дѣла бывшей Военной Коллегіи, распоряжавшейся употребленіемъ вооруженной силы противъ раскола и гдѣ въ нынѣшнее время вѣдаются дѣла донскихъ и черноморскихъ казаковъ, преданныхъ расколу.

4) Архивъ Министерства Финансовъ, по Департаменту Горныхъ дѣлъ и по Штабу Корпуса Горныхъ инженеровъ, въ вѣдѣніи коихъ находятся горные заводы Восточной Россіи и Сибири, издавна наполненные раскольниками.

5) Архивъ Новороссійскаго края, въ коемъ начались первые опыты административнаго устройства раскольничьихъ общинъ подъ вліяніемъ князя Потемкина-Таврическаго, главноуправляющаго краемъ, и гдѣ въ настоящее время они составляютъ значительную часть сельскаго городского населенія.

6) Архивъ Главнаго Управленія Оренбургскимъ краемъ, коему подчинены уральскіе казаки, находящіеся донынѣ въ расколѣ, и подъ которымъ находится Иргизъ, давно бывшій однимъ изъ главныхъ средоточій раскола.

7) Ревизіи губерній, производившіяся въ послѣднее время предъ нынѣшнимъ устройствомъ государственныхъ крестьянъ, хранящіяся въ Министерствѣ Государственныхъ имуществъ.

8) Архивъ Министерства Внутреннихъ дѣлъ и въ особенности секретнаго комитета о расколѣ [1]).

[1]) Брат. Слов., 1876 г, II, стр. 132—133.

Источники неоффиціальные состоятъ изъ разныхъ старинныхъ книгъ и рукописей, до раскола относящихся и хранящихся въ частныхъ библіотекахъ, преимущественно у самихъ же раскольниковъ. Пріобрѣсти ихъ для министерства Надеждинъ разсчитывалъ посредствомъ личныхъ сношеній съ нужными лицами.

Одновременно съ указанными занятіями Надеждинъ предлагалъ „приступить къ заготовленію запасовъ и для части географическо - статистической“, которую онъ считалъ „труднѣйшею“ для выполненія. На первый разъ онъ предлагалъ собрать свѣдѣнія о числѣ и разселеніи раскольниковъ чрезъ мѣстныя начальства. „Затѣмъ, безъ сомнѣнія, останется еще многое, чего нѣтъ возможности дознать оффиціально“. Но какъ вести дѣло дальше, Надеждинъ обѣщалъ указать „въ свое время“, „при дальнѣйшемъ развитіи обстоятельствъ“ [1]).

Какъ самый планъ, такъ и руководственныя указанія къ его осуществленію, какъ видится, графомъ Перовскимъ были вполнѣ одобрены, и немедленно приступлено было къ соотвѣтствующимъ работамъ. Въ столичныхъ архивахъ тѣхъ правительственныхъ учрежденій, которыя въ томъ или иномъ отношеніи вѣдали дѣла о расколѣ, подъ руководствомъ самого Надеждина [2]), нарочито назначенными чиновниками начаты были дѣятельныя работы по извлеченію нужныхъ матеріаловъ. Разборъ раскольничьихъ дѣлъ XVII и XVIII столѣтій порученъ былъ чиновнику министерства Липранди. По его собственнымъ словамъ, въ разныхъ государственныхъ архивахъ Москвы и Петербурга имъ просмотрѣно было до 10,000 раскольничьихъ дѣлъ, начиная со времени царствованія Алексѣя Михайловича и до 1762 года, и изъ всѣхъ просмотрѣнныхъ дѣлъ сдѣланы были надлежащія выписки [3]). Другой чиновникъ министерства разсматривалъ раскольничьи дѣла, относящіяся къ XIX столѣтію и хранящіяся въ государственномъ архивѣ, въ архивѣ Министерства Иностранныхъ дѣлъ, въ московскомъ губернскомъ архивѣ старыхъ дѣлъ, въ архивѣ московскаго военнаго генералъ-губернатора, гражданскаго губернатора и уголовной палаты. Изъ разсмотрѣнныхъ дѣлъ онъ сдѣлалъ 138, нужно полагать, цѣнныхъ выписокъ и передалъ ихъ Надеждину [1]). Въ архивѣ министерства внутреннихъ дѣлъ разборомъ раскольничьихъ дѣлъ занимались пять чиновниковъ, при непосредственномъ участіи Надеждина. Изъ этихъ чиновниковъ одинъ разсмотрѣлъ въ 1846 году 500 дѣлъ о раскольничьихъ сектахъ (съ 1799 по 1826 г.), 480 дѣлъ о скопцахъ и хлыстахъ; другой разобралъ 1147 дѣлъ о духоборцахъ, молоканахъ и жидовствующихъ (съ 1826 по 1842 г.) и безпоповщинѣ (съ 1837 по 1842 г.); третій —дѣла о безпоповщинѣ (съ 1826 по 1830 г.); четвертый — 820 дѣлъ о поповщинѣ (съ 1826 по 1830 г.); пятый занимался исключительно составленіемъ историческихъ и статистическихъ свѣдѣній о раскольническихъ молитвенныхъ зданіяхъ и разобралъ съ этою цѣлью 8.503 дѣла (съ 1800 по 1847 г.). Изъ просмотрѣнныхъ дѣлъ сдѣланы были выписки, заключавшія свѣдѣнія, относящіяся до исторіи и сектаторскихъ убѣжденій раскольниковъ, а также копіи съ документовъ особенной важности [2]). Изъ тѣхъ же чиновниковъ одинъ въ 1847 году окончилъ разборъ свѣдѣній о скопческой и хлыстовской сектахъ; въ 1848 году разобралъ 668 дѣлъ и изъ 62, относящихся къ скопческой и хлыстовской сектамъ, сдѣлалъ выписки; въ 1849 году составилъ подробное описаніе постепеннаго развитія обѣихъ сектъ, ихъ обрядовъ и вѣрованій. Другой продолжалъ въ 1847 году составленіе историческихъ и ста-

[1]) Брат. Слов., 1876 г., II, стр. 135—138.

[2]) Русск. Вѣстн. 1868 г., II, 424.

[3]) Сборн. Кельсіева, II, стр. 160.

[1]) У Варадинова, кн. VIII, стр. 470.

[2]) Тамъ же, стр. 470—471.

тистическихъ свѣдѣній о раскольническихъ молитвенныхъ зданіяхъ; въ 1848 году составилъ сводъ изъ нихъ по 16 губерніямъ, а въ 1849 году по всѣмъ губерніямъ. Изъ разсмотрѣнныхъ 8.505 дѣлъ (съ 1800 по 1848 г.) онъ привелъ въ извѣстность 2.412 моленныя и часовни, 128 скитовъ, монастырей, обителей и общежительствъ и составилъ имъ алфавитный списокъ по мѣстностямъ, заключившій до 3000 названій. Третій разобралъ въ 1848 году 356 дѣлъ о безпоповщинѣ: въ 1849 году сочинилъ подробную записку о молоканской, духоборческой и жидовствующей сектахъ. Четвертый въ 1847 г. разсматривалъ дѣла о безпоповщинѣ съ 1826 по 1830 г. Пятый въ 1847 году разобралъ 840 дѣлъ о сектѣ поповщинской (съ 1826 по 1840 г.); въ 1848 году сдѣлалъ выписки всему замѣчательному въ историческомъ, статистическомъ и религіозномъ отношеніяхъ изъ 180 дѣлъ о той же сектѣ и составилъ біографическіе очерки 190 поповъ и 13 діаконовъ, находившихся у раскольниковъ съ 1800 по 1842 г.; въ 1849 г. снова разсмотрѣлъ 540 дѣлъ и составилъ біографическіе очерки 33 попамъ и 3 дьяконамъ На основаніи всѣхъ добытыхъ матеріаловъ приготовлены были слѣдующія статьи для исторіи раскола: о раскольникахъ-казакахъ кавказской линіи, о раскольникахъ-некрасовцахъ, о расколѣ въ донскомъ войскѣ, о старшинахъ екатеринбургскаго раскольническаго общества, объ иргизскихъ монастыряхъ. Сверхъ того подготовлялись: о московскомъ Рогожскомъ кладбищѣ, о раскольническихъ монахахъ и монахиняхъ, о замѣчательныхъ раскольникахъ разныхъ сословій, указатель замѣчательнымъ дѣламъ о раскольникахъ поповщинской секты съ 1800 по 1840 г. и очеркъ раскола той же секты [1]).

Въ III-мъ отдѣленіи канцеляріи министра, согласно плану Надеждина, дѣлались соображенія для изготовленія картъ нѣкоторыхъ губерній съ означеніемъ на

---

[1]) У Варадинова, кн. VIII, стр. 524—525.

нихъ отношенія числа раскольниковъ къ числу православныхъ и разновѣрцевъ, какъ христіанъ, такъ и нехристіанъ. Начальникомъ этого отдѣленія составленъ былъ и представленъ министру систематическій сводъ всѣмъ постановленіямъ о раскольникахъ, не вошедшимъ въ Сводъ законовъ [1]).

Архивныя работы по обслѣдованію раскола графъ Перовскій старался пополнить возможно всестороннимъ изученіемъ живой современности. Въ этихъ видахъ въ 1842 году имъ испрошено было Высочайшее соизволеніе на мѣстные осмотры всѣхъ частей ввѣреннаго ему управленія, въ томъ числѣ и раскола, чрезъ министерскихъ чиновниковъ [2]). Чрезъ нарочито командируемыхъ чиновниковъ министерства, при содѣйствіи мѣстнаго гражданскаго и духовнаго начальства, при графѣ Перовскомъ производились изслѣдованія раскола въ 10-ти губерніяхъ: тамбовской, саратовской, черниговской, лифляндской, ярославской, нижегородской, вологодской, калужской, симбирской и самарской [3]).

Въ августѣ 1852 года графъ Перовскій получилъ другое назначеніе, а министромъ внутреннихъ дѣлъ назначенъ былъ генералъ-адъютантъ Д. Г. Бибиковъ [4]). При немъ правительственная дѣятельность по изученію современнаго состоянія раскола еще болѣе расширяется. Во второмъ засѣданіи особаго секретнаго комитета 23 мая 1853 года состоялось постановленіе, Высочайше утвержденное 10 іюня 1853 года, о приведеніи въ извѣстность современнаго раскола посредствомъ гражданскихъ лицъ, одновременно съ изслѣдованіями епархіальныхъ начальствъ, „дабы, какъ сказано было въ журналѣ комитета, повѣркой однихъ свѣдѣній другими можно было достигнуть до удовлетво-

---

[1]) У Варадинова, кн. VIII, стр. 526.

[2]) Тамъ же, стр. 445.

[3]) Тамъ же, стр. 456—469. 526—576.

[4]) Русск. Вѣстн. 1868 г., II, стр. 427.

рительной въ нѣкоторой степени полноты и разносторонности въ обнаруженіи раскола" [1]). На первый разъ предположено было произвести изслѣдованія въ слѣдующихъ тридцати пяти губерніяхъ: архангельской, виленской, вятской, гродненской, екатеринославской, казанской, ковенской, костромской, курляндской, курской, лифляндской, минской, могилевской, московской, нижегородской, новгородской, олонецкой, оренбургской, полтавской, псковской, самарской, с.-петербургской, саратовской, симбирской, смоленской, таврической, тобольской, томской, тверской, харьковской, херсонской, черниговской, эстляндской, ярославской и въ области бессарабской. Изъ нихъ въ двадцати шести изслѣдованія предположено было произвести посредствомъ мѣстныхъ генералъ-губернаторовъ и губернаторовъ, а въ губерніяхъ: с.-петербургской, московской, новгородской, ярославской, костромской, нижегородской, казанской, симбирской и саратовской спеціальными чиновниками министерства. Въ этихъ губерніяхъ изучали расколъ: въ петербургской губерніи церемоніймейстеръ И. П. Варпаховскій, въ московской—д. с. с. Игнатьевъ, а по назначеніи его саратовскимъ губернаторомъ — т. с. Н. П. Смирновъ (бывшій сенаторъ), въ новгородской — д. с. с. Ю. К. Арсеньевъ (потомъ олонецкій губернаторъ), въ ярославской и костромской — с. с. И. С. Синицынъ, въ симбирской — д. с. совѣтники князь Урусовъ и Компанейщиковъ (потомъ вятскій губернаторъ), въ саратовской—д. с. совѣтники графъ Стенбокъ (товарищъ министра удѣловъ) и А. И. Артемьевъ; въ нижегородской и казанской — П. Мельниковъ [2]). Въ руководство назначеннымъ для изученія раскола лицамъ дана была особая инструкція, съ точнымъ обозначеніемъ въ ней тѣхъ вопросовъ, по коимъ

---

[1]) Собр. постан. по ч. раск. по вѣд. Св. Синода, II, стр. 526—529;—по вѣд. м. вн. д., стр. 469.

[2]) Русск. Вѣстн. 1868 г., II, стр. 430—431; у Варадинова, кн. VIII, стр. 627—628.

слѣдовало собирать на мѣстѣ свѣдѣнія. По своему содержанію, почти всѣ вопросы, вошедшіе въ инструкцію, касаются географическо-статистической части плана Надеждина и, нужно полагать, составлены имъ же, обѣщавшимъ, какъ мы видѣли, въ „свое время" дать относительно выполненія этой „труднѣйшей" части своего плана болѣе обстоятельныя указанія. Вопросы слѣдующаго содержанія: „1) Сколько въ N губерніи раскольниковъ. Такъ какъ они не вписываются въ церковныя метрическія книги, ревизскія же сказки повѣряются большею частію сими токмо книгами, то нужно обратить особенное вниманіе на то, нѣтъ ли между раскольниками людей, не внесенныхъ въ ревизскія сказки, сколько ихъ и кто они именно. 2) Въ какихъ мѣстахъ раскольники проживаютъ и по скольку именно въ городѣ, селѣ, выселкѣ и т. п. Всѣ пункты населенія ихъ должны быть отмѣчены на географической картѣ губерніи съ показаніемъ взаимнаго ихъ разстоянія и географическаго отношенія къ судоходнымъ рѣкамъ и къ другимъ путямъ торговыхъ и прочихъ сообщеній. 3) Къ какимъ сословіямъ принадлежатъ раскольники N губерніи, сколько ихъ въ купечествѣ, мѣщанствѣ и крестьянствѣ разныхъ вѣдомствъ и наименованій, и какихъ именно. 4) Сколько изъ раскольниковъ N губерніи постоянно проживаетъ на мѣстѣ и сколько находится въ отлучкѣ, на какое самое продолжительное время, по какимъ надобностямъ, извѣстно ли гдѣ они находятся, снабжены ли они законными видами и состоятъ ли съ своими земляками въ сношеніяхъ. Не приходятъ ли въ N губернію раскольники изъ другихъ мѣстъ, какихъ именно и по какимъ дѣламъ. 5) Нѣтъ ли въ N губерніи скитовъ и другихъ раскольническихъ сборищъ, и если есть, то гдѣ они находятся, когда составились, въ какомъ числѣ людей и кто эти люди. 6) Нѣтъ ли въ N губерніи послѣдователей секты странниковъ или бѣгуновъ, и если есть, то дознать, кто эти люди и гдѣ они укрываются. 7) Въ какомъ нравственномъ состояніи находятся ра-

скольники по образу жизни, по занятіямъ и по понятіямъ, и во всѣхъ сихъ отношеніяхъ, въ чемъ именно сходствуютъ съ прочими жителями губерніи и чѣмъ отличаются, распространяется ли между ними грамотность, у какихъ людей учились, у кого теперь дѣти ихъ учатся, какого рода книги и рукописи читаютъ, откуда получаютъ ихъ и т. п. 8) На какія секты раздѣляются теперь раскольники N губерніи, лжеученіе сектъ сихъ остается ли такимъ же, какимъ было прежде; если съ теченіемъ времени измѣнилось новыми толками, то какими именно, и не образовались ли между ними новыя секты и какія, въ какомъ направленіи и положеніи находится каждое изъ лжеученій и въ какомъ они взаимномъ отношеніи. Вообще нужно дознать о духѣ и направленіи раскольниковъ N губерніи, какіе между ними ходятъ толки, въ чемъ состоятъ ихъ надежды, съ какими раскольническими обществами другихъ губерній состоятъ они въ сношеніяхъ, откуда получаютъ наставниковъ, какое производятъ дѣйствіе на прочихъ жителей, чѣмъ болѣе держится тамошній расколъ, и нѣтъ ли въ немъ какихъ-либо слабыхъ сторонъ, обнаруженіемъ коихъ можно было бы воспользоваться. 9) Всего важнѣе дознать тщательнѣйшимъ и достовѣрнымъ образомъ личный составъ раскольническихъ обществъ и нравственное положеніе главныхъ членовъ въ каждомъ изъ нихъ, дабы обнаружить самый скелетъ раскола, т. е., во-первыхъ остающихся въ немъ по невѣдѣнію и недостатку церковнаго вразумленія, а, можетъ статься, въ иныхъ мѣстахъ и по недостатку самыхъ храмовъ; во-вторыхъ, руководителей раскола по фанатизму; въ-третьихъ, коноводовъ, дѣйствующихъ не по убѣжденію, а изъ личныхъ выгодъ корысти, честолюбія и т. п. О послѣднихъ нужно собрать подробнѣйшія свѣдѣнія—относительно ихъ характера, средствъ, связей, отношеній, и составить особенные имъ списки, съ означеніемъ соображеній о каждомъ, какимъ образомъ слѣдовало бы поступить съ нимъ, чтобы сдѣлать его безвреднымъ, и нѣтъ ли между ними даже такихъ

людей, которыхъ можно было бы вразумить и обратить въ пользу и вразумленіе нынѣшнихъ послѣдователей ихъ“ [1]).

Каковы же результаты столь обширной и напряженной дѣятельности правительства Николая I по изслѣдованію раскола?

Архивные труды пропали безслѣдно. Не только не была составлена исторія раскола, для которой они предназначались, но до настоящаго времени положительно неизвѣстно, куда дѣвались даже самыя работы чиновниковъ. Не нашли ихъ въ бумагахъ покойнаго Надеждина, которому многія изъ нихъ были переданы; нѣтъ ихъ, по словамъ Варадинова, и въ дѣлахъ министерства [2]). Сохранился отъ этихъ работъ лишь единственный трудъ—это „Изслѣдованіе о скопческой ереси“ Надеждина [3]). Зато богатый матеріалъ для первыхъ трехъ частей плана Надеждина (и особенно для второй и третьей) собранъ былъ изслѣдованіями раскола по губерніямъ. Лица, занимавшіяся этими изслѣдованіями, о своихъ занятіяхъ представили въ министерство внутреннихъ дѣлъ отчеты и нѣкоторыя—очень обширные. Такъ, напр., отчетъ по изслѣдованію раскола въ нижегородской губерніи заключался въ тринадцати томахъ съ приложеніями [4]). Одни изъ отчетовъ цѣликомъ и въ извлеченіяхъ напечатаны въ цитуемыхъ нами лондонскихъ Сборникахъ правительственныхъ свѣдѣній о расколѣ В. Кельсіева [5]), съ содержаніемъ многихъ другихъ знакомитъ Варадиновъ въ также цитуемой

---

1) Русск. Вѣстн. 1868 г., II, стр. 431—433; Сборн. Кельсіева вып. IV, стр. 55—58.

2) И. м. вн. д., кн. VIII. стр. 471. 525—526. — Довольно близкое выполненіе исторической части плана Надеждина представляетъ вышедшій въ 1853—54 гг. трудъ преосв. Макарія,—первый опытъ систематическаго изложенія „Исторіи раскола“.

3) Сборн. Кельсіева, вып. III.

4) Русск. Вѣстн. 1868 г., II, стр. 433.

5) Въ Сборникахъ В. Кельсіева помѣщены: „Записка о заграничныхъ раскольникахъ“ отъ сороковыхъ годовъ—Надеж-

нами восьмой книгѣ своей Исторіи министерства внутреннихъ дѣлъ [1]). Обширный отчетъ П. И. Мельникова „О современномъ состояніи раскола въ Нижегородской губерніи“ 1854 года напечатанъ, хотя и не полностью, въ Сборникѣ Нижегородской Ученой Архивной Комиссіи, посвященномъ его памяти [2]). Копіи съ отчетовъ о современ-

дина (Вып. I, стр. 77—165); отъ пятидесятыхъ — „Записка о русскомъ расколѣ“ Мельникова (тамъ же, стр. 167—198); „Секретная записка о расколѣ въ ярославской губерніи въ 1852 году“ — Синицына (Вып II, стр. 3—15); „Дневникъ Арнольди по изслѣдованіямъ раскольниковъ въ костромской губерніи“ (тамъ же, стр. 18—22); „Дневникъ Брянчанинова по изслѣдованіямъ раскольниковъ въ той же губерніи“ (тамъ же, стр. 23—27); „О черниговскихъ раскольникахъ“ неизвѣстнаго чиновника (тамъ же, стр. 31—38); „Записка о страннической ереси“ Алябьева (тамъ же, стр. 42—75); „Краткое обозрѣніе существующихъ въ Россіи расколовъ, ересей и сектъ“ Липранди 1853 г. (тамъ же, стр. 93—109); „Записка о расколѣ въ ярославской губерніи“ Синицына (Вып. IV, 1—53), 1852—1853 гг. (стр. 59—183); „Краткая записка о раскольникахъ костромской губерніи“ Брянчанинова и Арнольди (тамъ же, стр. 205—323) и „Краткій взглядъ на причины быстраго распространенія раскола (изъ записокъ графа Стенбока о страннической сектѣ) (тамъ же, стр. 325—343).

[1]) У Варадинова изложено содержаніе отчетовъ по губерніямъ—саратовской (стр. 459—467, 566—575, 615—616), черниговской (468—469, 560—566, 640—641), рижской (469), нижегородской (537), вологодской (538), олонецкой (539—540), самарской, симбирской (540—557), архангельской и астраханской (582), кіевской, подольской и волынской (586), псковской (630), о раскольникахъ въ Москвѣ (632—636), въ губерніи новгородской (637—638), въ Одессѣ (639), о раскольникахъ и молоканахъ тамбовской губерніи (639—640) и нижегородской (643—650).

[2]) IX т. 1911 г. Отчетъ напечатанъ здѣсь по списку Виленской публичной библіотеки, состоящему изъ 9-ти отдѣловъ, тогда какъ въ цѣломъ отчетѣ, по словамъ самого Мельникова, было „13 томовъ (очевидно, тоже, что отдѣловъ) съ приложеніями“. Нижегородская Ученая Архивная Комиссія, имѣя въ виду, что копія съ отчета Мельникова въ свое время препровождена была въ Казанскую Духовную Академію, обращалась, какъ говорится въ предисловіи къ изданному ею отчету, „въ Казань съ просьбою о высылкѣ ей рукописи, но ее тамъ не ока-

номъ положеніи раскола, составленныхъ въ 1854—1856 гг. въ разныхъ губерніяхъ министерскими чиновниками, доставлены были въ редакцію только-что тогда начавшаго издаваться Православнаго Собесѣдника, какъ „духовнаго журнала съ преимущественнымъ направленіемъ его противъ раскола въ разныхъ видахъ“ [1]). На основаніи доставленныхъ копій и было составлено большинство статей по расколу въ Православномъ Собесѣдникѣ за 50-е и, частію, за 60-е годы. На основаніи ихъ же преимущественно составленъ былъ и извѣстный трудъ Щапова: „Русскій расколъ старообрядчества разсматриваемый въ связи съ внутреннимъ состояніемъ Русской церкви и гражданственности въ XVII в. и въ первой половинѣ XVIII вѣка [2]).

залось, она исчезла оттуда неизвѣстно куда“. Слѣдуетъ замѣтить, что это сообщеніе изъ Казани было не совсѣмъ точно. Въ библіотекѣ Казанской Духовной Академіи имѣются рукописи съ отрывками изъ отчета Мельникова, поступившія сюда изъ библіотеки Петербургскаго митрополита Григорія. Рукописи значатся подъ №№ 1677, 1712, 2007, 1879 и 2009. Наибольшую цѣнность представляютъ первыя три рукописи, какъ заключающія въ себѣ такіе отдѣлы отчета, которыхъ совсѣмъ нѣтъ въ Виленскомъ спискѣ. Такъ, рукопись № 1677 заключаетъ въ себѣ отдѣлъ о сектантствѣ (Ереси въ Нижегородской губерніи), рукопись № 1712 — XII (Личный составъ раскольническихъ обществъ) и XIII (Лжеепископы) отдѣлы отчета. Въ рукописи подъ № 2007, кромѣ отрывковъ изъ отдѣловъ II (въ печат. стр. 15—16, 21—24) и IV (въ печат. стр. 69—76, 90—93, 96—101) есть приложеніе 23-е (Объ иносказательномъ раскольничьемъ языкѣ), котораго также нѣтъ въ Виленскомъ спискѣ. Рукописи подъ №№ 2009 и 1879 содержатъ VIII и IX отдѣлы отчета, послѣдній, сравнительно со спискомъ Виленской п. библіотеки, нѣсколько сокращенный (въ печат. стр. 227—327). Затѣмъ въ Казани имѣется еще одна рукопись съ отрывками изъ отчета Мельникова—въ библіотекѣ покойнаго проф. Н. И. Ивановскаго, теперь переданной въ Академію. Эта рукопись содержитъ въ себѣ въ обрывочномъ видѣ V, VI, VIII, XII и XIII отдѣлы отчета и въ полномъ видѣ отдѣлъ о сектантствѣ (Ереси въ Нижегородской губерніи) — молоканствѣ, хлыстовщинѣ и скопчествѣ.

[1]) Собр. постан. по ч. раск. по вѣдом. Св. Синода II, стр. 568, пост. апрѣля 30 / мая 18 1854 г.

[2]) Русск. Вѣстн. 1868 г., II, стр. 429, въ примѣч.

Что касается содержанія отчетовъ, то безъ преувеличенія можно сказать, что въ той или иной степени въ нихъ затрогиваются всѣ вопросы, относящіеся до раскола. Не вдаваясь въ подробности, обременительныя да и излишнія, мы отмѣтимъ лишь главные предметы, которыхъ они касаются. Во-первыхъ, въ этихъ отчетахъ содержатся статистическія указанія касательно какъ общаго числа раскольниковъ въ разныхъ губерніяхъ, такъ и послѣдователей отдѣльныхъ раскольническихъ толковъ и сектъ. Во-вторыхъ, въ нихъ указываются мѣста наибольшаго развитія раскола и его главные центры. Въ третьихъ, здѣсь мы находимъ довольно обстоятельныя свѣдѣнія относительно самаго содержанія раскола,—именно: здѣсь представлено дѣленіе раскола на отдѣльные толки и секты, съ указаніемъ происхожденія многихъ изъ нихъ, ихъ догматическихъ особенностей и степени ихъ сравнительнаго вреда для государства и церкви. Разсматривая расколъ съ исторической, религіозной и церковно-политической точекъ зрѣнія, изслѣдователи довольно подробно говорятъ о немъ и съ точки зрѣнія общественно-бытовой. Въ ихъ отчетахъ поэтому заключается немало цѣннаго матеріала для характеристики общественно-бытовой стороны жизни раскола съ ея свѣтлыми и темными сторонами. Въ четвертыхъ, въ разсматриваемыхъ отчетахъ довольно подробно, можно сказать, детально обсуждается вопросъ объ условіяхъ, способствующихъ развитію раскольнической пропаганды. Здѣсь же, наконецъ, въ пятыхъ, изслѣдователями рекомендуются и мѣры для ослабленія раскола, частію,—духовныя, частію,—внѣшнія, репрессивныя.

Послѣдняя *юридическая* часть плана Надеждина въ полной мѣрѣ остается не выполненной и до настоящаго времени. Полнаго и систематическаго свода всѣхъ распоряженій касательно раскола, проектированнаго Надеждинымъ, мы пока еще не имѣемъ. Въ этой области извѣстны намъ слѣдующія оффиціальныя работы. Въ 1858—60 гг., по распоряженію министра внутреннихъ дѣлъ, было издано въ первый разъ „Собраніе постановленій по части раскола", которое въ 1863 году было буквально перепечатано въ Лондонскомъ изданіи Кельсіева. Въ 1875 году „Собраніе постановленій по части раскола", „исправленное и дополненное", вышло вторымъ изданіемъ. „Собраніе постановленій по части раскола" содержитъ въ хронологическомъ порядкѣ правительственныя распоряженія по расколу—въ первомъ изданіи съ 1734 по 1859 г. и во второмъ—съ 1734 по 1874 г., причемъ и изъ указаннаго періода времени въ томъ и другомъ изданіи нѣтъ постановленій за 65 лѣтъ [1]). Непосредственнымъ продолженіемъ изданія 1875 г. служитъ „Сборникъ постановленій по части раскола съ 1875 по 1904 г. включительно", —не распубликованное изданіе Департамента Общихъ Дѣлъ. Въ 1903 г. сдѣлано было еще одно оффиціальное изданіе государственныхъ распоряженій по расколу: „Обзоръ мѣропріятій Минист. Внутр. Дѣлъ по расколу съ 1802 по 1881 г. Изд. Департ. Общ. Дѣлъ 1903 г. Спб. 1903 г.". Обзоръ составленъ былъ чиновникомъ М. В. Д. *Д. Ф. Хартулари* еще въ 1881 г. Отмѣченныя въ заглавіи распоряженія (съ 1802 по 1881 г.) у Хартулари систематизированы, но чисто канцелярскимъ путемъ и потому не всегда удачно. Кромѣ того обзоръ мѣропріятій по расколу Хартулари предваряетъ еще общими замѣчаніями относительно характера и направленія ихъ за то или другое время. Въ своемъ изслѣдованіи мы пользовались болѣе раннимъ Сборникомъ распоряженій 1875 г. Въ 1860 году издано было въ 2-хъ томахъ „Собраніе постановленій по части раскола, состоявшихся по вѣдомству Св. Синода". Въ него вошли постановленія съ 1716 по 1858 г., но съ пропускомъ 15-ти лѣтъ [2]). Кромѣ перечисленныхъ оффиціальныхъ изданій слѣдуетъ отмѣтить еще цитуемый нами трудъ *Н. Варадинова*: „Исторія Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, кн. VIII. Исторія распоряженій по расколу. Спб. 1863 г.". Здѣсь дается хронологическій перечень гражданскихъ распоряженій по

[1]) Здѣсь не помѣщены постановленія съ 1735 по 1761 г., за 1763 г., съ 1765 по 1767 г., съ 1769 по 1777 г., съ 1779 по 1784 г., съ 1786 по 1787 г., съ 1789 по 1795 г., за 1797, 1799 и 1813 годы.

[2]) Не помѣщены постановленія за 1717, 1719—1720, 1758—1759, 1766, 1770, 1786, 1791—1792, 1795, 1810, 1813, 1822 и 1843 года.

расколу со времени его возникновенія до 1856 года. Распоряженія за время министерства (съ 1802 г.) обозрѣваются по періодамъ и, что особенно цѣнно, въ связи съ состояніемъ раскола по даннымъ министерскаго архива.

Изъ всего изложеннаго, такимъ образомъ, видно, какой глубокій и жизненный интересъ правительство Николая I обнаружило къ расколу:—такого интереса къ расколу со стороны гражданской власти еще не было ни прежде, ни потомъ. Намѣченныя рамки правительственной дѣятельности въ отношеніи къ расколу настолько широки, что заполненіе ихъ и теперь, спустя болѣе, чѣмъ полустолѣтіе, продолжаетъ еще составлять задачу будущаго, такъ какъ и теперь многое изъ предположеннаго тогда остается еще далеко не осуществленнымъ. Николаевское правительство хотѣло въ собственномъ смыслѣ всесторонне знать расколъ—его исторію, догматику, географію, статистику, законодательство, „дабы обнаружить самый скелетъ“ его. Но при всей широтѣ тогдашнихъ плановъ, задачъ и предположеній касательно раскола, нельзя не замѣтить въ то же время односторонней и невѣрной точки зрѣнія на предметъ. Всецѣлое подчиненіе раскола вѣдѣнію гражданской администраціи показываетъ, съ какой точки зрѣнія правительство Николая I смотрѣло на расколъ и какую собственно сторону въ немъ оно считало для себя наиболѣе существенной и важной. Относя дѣла по расколу къ области „государственнаго благочинія“, оно, очевидно, больше выдѣляло въ немъ элементы противогосударственные и противообщественные; эти элементы ставило оно на первый планъ. Оно хотѣло видѣть въ раскольникахъ не столько церковныхъ отщепенцевъ, нарушающихъ миръ церкви, сколько „тайныхъ мятежниковъ вообще“, угрожающихъ болѣе нарушеніемъ „спокойствія государственнаго“ [1]. По этой именно сторонѣ расколъ въ глазахъ правительства и дѣлается „*одною изъ важнѣйшихъ отраслей государственнаго управленія*“ [2]. Безпримѣрное же расши-

[1]) Сборн. Кельсіева, вып. I, стр. 187.
[2]) Тамъ же, вып. II, стр. 158.

реніе административно-полицейскаго надзора за расколомъ только наглядно показываетъ, до какихъ размѣровъ государственная опасность раскола была утрирована, почти совершенно заслонивъ отъ правительства его дѣйствительное значеніе и смыслъ.—Изслѣдованія раскола чрезъ министерскихъ чиновниковъ и лицъ мѣстной администраціи совершались подъ тѣмъ же угломъ зрѣнія. По взгляду Надеждина, главнаго руководителя этихъ изслѣдованій, предпринятое въ патріаршество Никона „исправленіе книгъ было только *поводомъ къ волненію народа, приготовленному разными другими обстоятельствами*“ — чисто государственнаго свойства. Какъ возникшій на государственной почвѣ, расколъ въ своемъ дальнѣйшемъ историческомъ развитіи и развѣтвленіи, по Надеждину, „вдался въ крайнюю степень уклоненія отъ всякаго гражданскаго порядка“. Тѣхъ же воззрѣній на расколъ держатся и дѣйствовавшіе по инструкціямъ Надеждина министерскіе чиновники. Касаясь въ своихъ отчетахъ различныхъ сторонъ раскола, они съ особенной и замѣтной настойчивостью выдвигаютъ его противогосударственную сторону. „Первая главнѣйшая причина, поддерживающая расколъ“, говорится, напр., въ одной чиновничьей запискѣ о расколѣ: это „протестъ противъ правительства и современнаго порядка вещей“ [1]. „Въ гражданскомъ отношеніи“, читаемъ въ другой такой запискѣ: раскольники „составляютъ собою особыя общества, желающія пріобрѣсть себѣ свою особую самобытность и сопротивляющіяся общимъ постановленіямъ государства; общества, кои, при малѣйшихъ внутреннихъ безпорядкахъ или распряхъ съ сосѣдственными державами, могутъ имѣть большое вліяніе на государство по тайнымъ связямъ здѣшнихъ раскольниковъ съ заграничными“ [2]. Расколу навязываются чиновниками республиканскія и коммунистическія тенденціи и тому подобный вздоръ [3]. По заявленію, напр., одного изъ нихъ, безпоповщина „скорѣй должна почитаться за *религіозно-политическія согласія*, всѣ безъ изъятія враж-

[1]) Сборн. Кельсіева, вып. IV, стр. 326.
[2]) Тамъ же, вып. II, стр. 163.
[3]) Тамъ же, вып. II, стр. 106. 109; вып. IV, стр. 123.

дебныя существующему порядку и составленныя изъ множества толковъ, представляющихъ изъ себя *религіозно-конфедеративную республику,* подобно Германскому Союзу, Швейцаріи или Сѣверо-Американскимъ Штатамъ"... [1]). Неудивительно поэтому, если въ итогѣ своихъ изслѣдованій раскола правительство прежде всего старается заявить о томъ, что „столь вредная пропаганда еще не успѣла поколебать основныхъ началъ въ духѣ русскаго народа" [2]). Очевидно, что и изслѣдованія-то эти правительство предпринимало, между прочимъ, и въ тѣхъ видахъ, чтобы выяснить, насколько широко и глубоко охватилъ расколъ русскій народъ, какъ зло *соціально-политическое.*

Такая до крайности односторонняя и, внѣ всякаго сомнѣнія, невѣрная окраска раскола должна была наложить свой колоритъ и на правительственныя отношенія къ нему *по существу.* „Основная мысль Высочайше утвержденной 10 іюня 1853 года системы дѣйствій въ отношеніи къ расколу состоитъ въ томъ, чтобы являть христіанское милосердіе къ заблуждающимъ, имѣющимъ нужду въ просвѣщеніи и вразумленіи, обращая строгость закона лишь на тѣхъ, кои подъ личиною раскола, нарушаютъ общественный порядокъ; вообще же, чрезъ постепенное и осторожное введеніе мѣръ, изложенныхъ въ системѣ, подчинять раскольниковъ общимъ государственнымъ постановленіямъ" [3]). Но, разграничивая гражданскую и религіозную стороны раскола въ идеѣ, правительство, вслѣдствіе своей точки зрѣнія на расколъ, не могло провести такой границы на дѣлѣ и сплошь и рядомъ принимало за „гражданскій безпорядокъ" то, что въ основѣ своей имѣло только религіозныя побужденія. Отсюда въ отношеніяхъ Николаевскаго правительства къ расколу— нѣкоторыя неровность, двойственность и самопротиворѣчіе.

Самую сущность правительственныхъ распоряженій по существу и извѣстныя послѣдствія оныхъ увидимъ далѣе.

---

[1]) Сборн. Кельсіева, вып. II, стр. 138.

[2]) Тамъ же, стр. 199.

[3]) Тамъ же, вып. II, стр. 192—193.

Глава II.

Отношеніе правительства къ гражданской сторонѣ жизни раскола.

I.

Объ ограниченіи общественныхъ правъ раскольниковъ. Правительственныя заявленія о нелегальности раскольническаго общества въ послѣдніе годы царствованія Александра I. Отрицательное отношеніе къ раскольнической общинѣ при Николаѣ I. Возстановленіе въ оффиціальныхъ бумагахъ имени *раскольникъ.* Правительственныя мѣропріятія (отрицательныя и положительныя) противъ раскольнической общины, уничтожавшія ея существованіе. Обращеніе ранѣе существовавшихъ раскольническихъ общежитій въ благотворительныя учрежденія на общемъ основаніи: подчиненіе ихъ вѣдѣнію приказовъ общественнаго призрѣнія, ихъ новое положеніе по даннымъ для нихъ правиламъ. Подготовительныя мѣры къ совершенному упраздненію раскольническихъ благотворительныхъ заведеній. Примѣры закрытія нѣкоторыхъ изъ нихъ. Отрицательное отношеніе правительства къ самостоятельной раскольнической школѣ: закрытіе послѣднихъ раскольническихъ училищъ.

Уже въ послѣдніе годы царствованія Александра I въ правительственныхъ распоряженіяхъ по отношенію къ расколу начинаются заявленія о *нелегальности* раскольническаго общества. Именнымъ Высочайшимъ указомъ отъ 3 іюля 1820 года, между прочимъ, повелѣвалось: въ случаѣ поступленія отъ раскольниковъ

Преображенскаго богадѣленнаго дома какихъ-либо жалобъ, послѣднія должны разбираться, какъ личныя обиды каждаго, а *„отнюдь не общества, кое никакого, законами утвержденнаго, существованія не имѣетъ“* [1]). Другимъ Высочайшимъ повелѣніемъ (24 марта 1823 года) воспрещалось по Преображенскому богадѣленному дому вести метрическія книги, *„дабы сіе не принято было за утвержденіе раскольническаго общества“* [2]).

Правительство Николая I твердо и неуклонно слѣдуетъ по намѣченному пути, съ самаго же начала ставши къ раскольнической общинѣ въ отрицательное отношеніе. И прежде всего во всѣхъ оффиціальныхъ документахъ возстановлено было названіе раскольникъ. Высочайше утвержденнымъ 12 апрѣля 1837 года журналомъ секретнаго комитета (с.-петербургскаго) постановлено: старообрядцевъ, для большей точности въ различіи сектъ, именовать раскольниками поповщинской секты [3]). Хотя и прежде это названіе стало уже входить въ употребленіе [4]), но указъ Екатерины II (6 марта 1783 года) формально не былъ еще отмѣненъ. Теперь было Высочайше повелѣно раскольниковъ не называть несвойственными имъ именами, напр., „исповѣдующіе старообрядческую вѣру по священству“ и т. п., а употреблять для нихъ только общее названіе—*раскольники*, названіе, усвоенное имъ въ Сводѣ Законовъ [5]).

Въ то время, какъ „раскольники употребляли всѣ способы выставлять себя отдѣльнымъ обществомъ, внѣ существующаго въ государствѣ порядка, мѣры главнаго начальства, напротивъ, клонились теперь къ тому, чтобы

[1]) Собр. пост. по ч. раск., стр. 65.

[2]) Тамъ же, стр. 71.

[3]) Тамъ же, стр. 207.

[4]) Тамъ-же, пост. 24 февр. 1809, стр. 38; 7 мая 1812 г., стр. 41—42; 18 іюня 1812 г., стр. 42; 11 апрѣля 1820 г., стр. 58—60; 27 мая 1820 г., стр. 61—62 и др.

[5]) Тамъ же, пост. 25 ноябр. 1853 г., стр. 483.

подчинить ихъ общимъ правиламъ“ [1]). Мѣры эти—отрицательныя и положительныя.

Съ одной стороны, въ своихъ узаконеніяхъ и частныхъ распоряженіяхъ, относящихся до раскола, правительство тщательно избѣгаетъ всего того, что такъ или иначе могло бы послужить раскольникамъ поводомъ думать о себѣ, какъ о чемъ-то особомъ, отдѣльномъ, корпоративномъ и законномъ. Комитетъ министровъ, разсматривая (въ 1846 г.) дѣло объ учрежденіи особаго полицейскаго управленія въ раскольническихъ слободахъ черниговской губерніи, для усиленія надзора за ними, нашелъ неудобнымъ учредить здѣсь отдѣльное полицейское управленіе на особыхъ правилахъ, между прочимъ, потому, чтобы не подать повода раскольникамъ „мыслить, что они могутъ составить отдѣльное общество“ [2]). Въ 1848 году Государь Императоръ призналъ неудобнымъ допустить частную народную перепись для однихъ только раскольниковъ въ той же губерніи, имѣя въ виду принятое въ отношеніи раскольниковъ „постоянное правило—избѣгать всѣ случаи, могущіе подать имъ поводъ мыслить о себѣ, какъ объ отдѣльномъ по вѣроисповѣданію обществѣ“ [3]). Потому же самому по предметамъ, до раскола относящимся, правительство не давало формальнаго утвержденія. По доведеніи, напр., до свѣдѣнія Государя Императора представленія рязанскаго губернатора о существующемъ въ г. Зарайскѣ раскольническомъ кладбищѣ и находящейся на немъ часовнѣ, Его Величество, въ 30 день апрѣля 1838 года, Высочайше повелѣть соизволилъ: „увѣдомить рязанскаго губернатора, что онъ можетъ оставить старое кладбище раскольническое терпимымъ по прежнему, и дѣло о немъ прекратить, если не находитъ къ тому препятствія по мѣстнымъ обстоя-

[1]) Тамъ же, пост. 16 мая 1836 г., стр. 172; постан. 10 марта 1838 г. стр. 223. Сбор. Кельсіева, вып. II, 193.

[2]) Сборн. Кельсіева, вып. II, стр. 35.

[3]) Собр. пост. по ч. раск., пост. 3 апр. 1848 г., стр. 395.

тельствамъ, *но что не должно объявлять о семъ раскольникамъ въ видѣ формальнаго утвержденія кладбища,—что расколоводители обыкновенно стараются изъяснить заблуждающимъ въ видѣ утвержденія ихъ секты правительствомъ*" [1]). Въ тѣхъ же самыхъ видахъ правительство не принимало отъ имени раскольническихъ обществъ никакихъ пожертвованій, а ихъ самихъ не облагало какими-либо особыми сборами. Попечители Рогожскаго кладбища долгое время доставляли значительное пожертвованіе въ пользу слѣдующихъ въ Сибирь арестантовъ. Наконецъ, въ 1840 году они выстроили близъ Рогожской заставы этапный деревянный домъ съ надлежащими службами, снабдили его посудой и предложили, чрезъ московскаго генералъ-губернатора, попечительному о тюрьмахъ комитету принять это пожертвованіе, обѣщаясь вмѣстѣ съ тѣмъ принять на свой счетъ, какъ содержаніе и отопленіе своего дома, такъ равно и доставленіе горячей пищи на всѣхъ арестантовъ, пересылаемыхъ чрезъ этотъ этапъ. Когда объ означенномъ предложеніи московскаго раскольническаго Рогожскаго общества доведено было до свѣдѣнія Государя, то 16 февраля 1841 послѣдовало такое повелѣніе: *„принять за правило, чтобы никакія пожертвованія отъ имени раскольническихъ обществъ, какъ закономъ не признаваемыхъ, не были принимаемы*" [2]). Но если подобныя пожертвованія дѣлались отъ частныхъ лицъ признаннаго законами званія или сословія, то ихъ правительство принимало съ благодарностью. Первой гильдіи купецъ Ѳедоръ Рахмановъ (раскольникъ) предъ своею смертью пожертвовалъ въ пользу Измайловской богадѣльни 25,000 рублей. Государь Императоръ на томъ основаніи, „что означенныя деньги, представленныя душеприказчиками Рахманова въ пользу Измайловской богадѣльни, составляютъ *частное приношеніе отъ лица, а не отъ общества,* Высочайше повелѣть соизволилъ: деньги эти принять и употребить по волѣ жертвователя" [1]). Для подтвержденія второй нашей мысли мы можемъ указать на слѣдующіе примѣры. Остзейскій генералъ-губернаторъ въ числѣ мѣръ къ ослабленію раскола въ Ригѣ предлагалъ обложить тамошнихъ раскольниковъ легкимъ денежнымъ сборомъ въ пользу церковныхъ старостъ. Предложеніе это было Высочайше отклонено, какъ могущее „придать расколу видъ законности" [2]). Могилевскій генералъ-губернаторъ ходатайствовалъ о назначеніи для надзора за раскольниками могилевской губерніи особыхъ чиновниковъ, съ отнесеніемъ содержанія ихъ на счетъ самихъ раскольниковъ. Ходатайство это Высочайше было повелѣно оставить безъ послѣдствій,—и именно въ виду того, „что по принятымъ въ отношеніи раскольниковъ основаніямъ, они не облагаются никакими особыми сборами, дабы не подать имъ повода мыслить о себѣ, какъ объ отдѣльномъ по вѣроисповѣданію обществѣ" [3]). Поэтому, когда черниговскій губернаторъ обратился къ Государю съ такимъ же представленіемъ о назначеніи ему двухъ чиновниковъ особыхъ порученій для дѣлъ раскольничьихъ, съ отнесеніемъ расходовъ на ихъ содержаніе изъ общихъ суммъ, назначаемыхъ на устройство полиціи, то представленіе это Высочайше было утверждено [4]).

Кромѣ этихъ, чисто *отрицательныхъ* мѣръ, которыя такъ или иначе должны были убѣждать раскольниковъ въ *нелегальности* ихъ общества, но которыхъ для означенной цѣли всетаки было не достаточно, правительствомъ, съ другой стороны, былъ предпринятъ рядъ мѣръ *положительныхъ*, которыми существованіе раскольническаго общества, какъ общества самобытнаго,

---

1) Собр. пост. по ч. раск., стр. 236.

2) Тамъ же, стр. 295.

1) Собр. пост. по ч. раск., пост. 3 дек. 1854 г., стр. 496.

2) Тамъ же, пост. 25 окт. 1847 г. пун. 4-й, стр. 387.

3) Тамъ же, 3 апр. 1848 г., стр. 397.

4) Тамъ же, пост. 3 апр. 1884 г., стр. 396.

юридически признаннаго, дѣйствительно, уничтожалось. Главною силою раскольнической общины, тѣмъ, по выраженію московскаго митрополита Филарета, „грунтомъ, на которомъ насаждаются, укрѣпляются и разростаются раскольническія общественныя заведенія, служащія потомъ къ поддержанію и распространенію раскола въ частныхъ лицахъ“ [1]), служитъ общественная раскольническая собственность. Противъ нея-то правительство прежде всего и направило свои мѣры, запретивши на имя раскольническихъ обществъ, какъ недозволенныхъ закономъ, пріобрѣтать движимыя и недвижимыя имущества. Духовныя завѣщанія, по которымъ таковыя имущества оставлялись раскольническимъ обществамъ, правительствомъ не утверждались. На всеподданнѣйшее прошеніе душеприказчиковъ умершаго дворянина Петра Зеленкова объ утвержденіи, согласно его (Зеленкова) духовному завѣщанію, за старообрядческою моленною на Охтенскомъ кладбищѣ земли, отъ 11 іюля 1833 года послѣдовала такого рода резолюція: „въ настоящей просьбѣ душеприказчиковъ Зеленкова отказать съ тѣмъ, чтобы завѣщанная моленьнѣ земля предоставлена была на общемъ основаніи законнымъ наслѣдникамъ Зеленкова, ежели кромѣ сего, отвергаемаго нынѣ, распоряженія не сдѣлалъ онъ о той землѣ другаго какого-либо, съ закономъ согласнаго, предположенія“ [2]). Хотя въ приведенномъ распоряженіи Высочайшій отказъ ничѣмъ опредѣленно не мотивированъ, но и изъ него уже видно, что завѣщаніе Зеленкова не могло быть признано *согласнымъ съ закономъ*. Съ полною ясностью и опредѣленностью мотивы отрицательнаго отношенія правительства къ подобнаго рода завѣщаніямъ выражены въ его другомъ распоряженіи, по поводу духовнаго завѣщанія петербургскаго купца Долгова. Купецъ Долговъ завѣщалъ

[1]) Собр. мнѣн. и отзыв. т. II, стр. 366—367.

[2]) Собр. пост. по ч. раск., пост. 11 іюля 1833 г., стр. 121.

домъ въ пользу Выговской пустыни. По представленіи завѣщанія на Высочайшее утвержденіе, Государь повелѣть соизволилъ: „завѣщанное имѣніе предоставить въ распоряженіе и владѣніе законныхъ наслѣдниковъ Долгова, потому что общество Выговскихъ старообрядцевъ, *не будучи признано закономъ, не имѣетъ и права владѣть недвижимою собственностью*“ [1]). Въ послѣдующей практикѣ означенныя распоряженія правительства получаютъ значеніе прецедентовъ. Въ томъ же 1836 году, по незаконности раскольническаго общества и, *въ виду бывшихъ примѣровъ*, Государь не утвердилъ духовныхъ завѣщаній мѣщанина Вощанкина (11 марта), Монина и Владыченскаго (31 декабря),—перваго—въ пользу Рогожскаго кладбища, послѣднихъ—въ пользу петербургскихъ раскольниковъ [2]). Въ слѣдующемъ 1837 году эти частныя распоряженія уже получаютъ силу закона, которымъ различныя административно-судебныя лица и учрежденія обязуются впредь руководиться, при разсмотрѣніи дѣлъ о духовныхъ завѣщаніяхъ въ пользу раскольническихъ обществъ. „Государь Императоръ, читаемъ мы въ Высочайшемъ указѣ, принимая во вниманіе, что и церковь господствующаго вѣроисповѣданія не иначе можетъ пріобрѣтать недвижимую собственность, какъ съ особаго каждый разъ Высочайшаго разрѣшенія, *и что раскольническое общество, которое само не признается закономъ, не можетъ законно пріобрѣсти недвижимой собственности*, изволилъ признать необходимымъ и впредь *принять сіе правило въ непремѣнное руководство при разсмотрѣніи дѣлъ объ имуществахъ, коими пользуются цѣлыя общества раскольниковъ или ихъ заведенія*. Но дабы, по вкравшемуся въ прежнее время попущенію, *не совершались вновь незаконные акты въ пользу раскольническихъ обществъ и заведеній*, Его Ве-

[1]) Собр. пост. по ч. раск., пост. 4 февр. 1836 г., стр. 160.

[2]) Собр. пост. по ч. раск., стр. 163 и 186.

личество въ 13 день февраля 1837 года Высочайше повелѣть соизволилъ: министру внутреннихъ дѣлъ сообщить министру юстиціи секретно предписать губернскимъ прокурорамъ о тщательномъ наблюденіи, *чтобы таковые незаконные акты не были признаваемы и утверждаемы присутственными мѣстами*" [1]). На основаніи этого указа не было утверждено, какъ незаконное, духовное завѣщаніе купца Апарина въ пользу моленной Косцова [2]). Воспрещалось также раскольникамъ отъ имени своего общества совершать купчія крѣпости. Въ 1844 году было Высочайше повелѣно продать одинъ изъ общественныхъ домовъ петербургскихъ раскольниковъ съ тѣмъ, чтобы купчая крѣпость была совершена отъ имени управляющихъ этимъ домомъ, *безъ упоминанія въ актахъ и объявленіяхъ о такъ называемомъ ихъ старообрядческомъ обществѣ* [3]).

Выходя изъ того же принципа непризнанія раскольническихъ общинъ, правительство воспрещаетъ раскольникамъ именоваться отдѣльными обществами и дѣлать съ соотвѣтствующими надписями вывѣски [4]), а тѣмъ болѣе имѣть свои особыя печати. Одной крестьянкѣ отъ московскаго Рогожскаго кладбища было выдано свидѣтельство въ томъ, что она тамъ въ 1833 году была исповѣдана и причащена, причемъ къ свидѣтельству была приложена печать съ изображеніемъ на ней часовни съ надписью: „*Московскаго старообрядческаго Рогожскаго кладбища печать*". По доведеніи этого обстоятельства до свѣдѣнія Государя Императора, на имя московскаго генералъ-губернатора послѣдовало такое повелѣніе: „внушить старшинамъ раскольничьимъ Рогожскаго кладбища, что печать дается мѣстамъ и обществамъ, установленнымъ въ государствѣ

[1]) Собр. пост. по ч. раск., стр. 191.
[2]) Тамъ же, постан. 25 ноябр. 1840 г., стр. 292.
[3]) Тамъ же, постан. 21 марта, стр. 345.
[4]) Тамъ же, пост. 4 февр. 1836 г., стр. 160.

правительствомъ съ Высочайшаго утвержденія, *а они не имѣютъ права употреблять особенную печать и присвоивать оную своему кладбищу*, и потому печать сію отобрать и уничтожить, какъ заведенную противно законамъ" [1]). Въ 1837 году такое же повелѣніе дано было относительно заведеній Рижскихъ раскольниковъ, при чемъ попечителямъ ихъ указано было, въ случаѣ надобности, „печатать свои бумаги такъ же, какъ они отправляютъ свои письма по почтѣ" [2]), т. е. именною печатью.

Но, какъ извѣстно, нѣкоторыя раскольническія общежитія получили право законнаго существованія и владѣли недвижимыми имѣніями, на основаніи уже прежнихъ постановленій. Таковыми, напр., были Рогожское и Преображенское кладбища въ Москвѣ, Охтенское— въ Петербургѣ, богадѣленные дома въ Ригѣ, Папулина въ Судиславлѣ и нѣк. др. Вѣрное своему принципу— непризнанія ракольническихъ общинъ, правительство находило названныя общежитія „непротивными законному порядку" только по идеѣ ихъ учрежденія—„подъ видомъ человѣколюбія", и потому рядомъ изданныхъ относительно нихъ мѣропріятій стало „постепенно приводить ихъ къ истинному характеру и устройству человѣколюбивыхъ заведеній, а отъ раскольническаго характера освобождать" [3]). Преобразованіе въ этомъ смыслѣ началось съ Рижскихъ раскольническихъ заведеній (богадѣльни и больницы), которыя (14 мая 1832 г.) были подчинены „надзору приказа общественнаго призрѣнія и градской полиціи, дабы они находились въ положеніи, соотвѣтственномъ подобнымъ заведеніямъ и сообразномъ съ намѣреніемъ ихъ учрежденія" [4]). Для Судиславльской богадѣльни Папулина перво-

[1]) Собр. пост. по ч. раск., пост. 29 янв. 1834 г., стр. 125.
[2]) Тамъ же, пост. 19 марта 1837 г., стр. 198.
[3]) Тамъ же, пост. 25 ноября 1840 г. стр. 293.
[4]) Собр. пост. по ч. раск., стр. 113.

начально даны были особыя, Высочайше утвержденныя (23 янв. 1830 г.), правила, которыя, хотя уничтожали ея прежній характеръ (какъ отдѣльной общины), но, подъ условіемъ точнаго соблюденія которыхъ, она могла сохранять независимое положеніе (въ отношеніи управленія) по жизнь своего основателя [1]). Условіе строителемъ богадѣльни не было выдержано. Изъ отчета ревизовавшаго костромскую губернію сенатора князя Лобанова-Ростовскаго оказалось, что купецъ Папулинъ, несмотря на сдѣланное ему въ 1830 году, по Высочайшему повелѣнію, воспрещеніе принимать вновь кого-либо въ устроенную имъ въ г. Судиславлѣ богадѣльню, дозволилъ себѣ послѣ того помѣстить въ богадѣльню 7 человѣкъ и тѣмъ нарушилъ „одно изъ главнѣйшихъ условій, на коихъ допущено было существованіе богадѣльни по жизнь его“. Поэтому 27 апрѣля 1845 года послѣдовало Высочайшее повелѣніе о немедленной передачѣ богадѣльни Папулина въ вѣдѣніе костромского приказа общественнаго призрѣнія [2]). Для Рогожскаго кладбища отъ московскаго военнаго генералъ-губернатора дана была инструкція, въ которой кладбище именовалось Рогожскимъ богадѣленнымъ домомъ и „всѣ правила, въ ней заключавшіяся, были свойственны сему послѣднему названію“. Попечители кладбища, купцы Мотылевъ и Маловъ, обращались было къ московскому военному генералъ-губернатору съ просьбою „оставить ихъ заведеніе въ прежнемъ положеніи и именовать оное Рогожскимъ старообрядческимъ кладбищемъ“. Но просьба была „оставлена безъ уваженія“, потому что „заведеніе, въ которомъ дозволено призрѣвать только страждущихъ и престарѣлыхъ, свойственнѣе именовать богадѣльнымъ домомъ, а не кладбищемъ“ [3]).

---

[1]) Собр. пост. по ч. раск., стр. 101—102.

[2]) Тамъ же, стр. 356—357.

[3]) Тамъ же, пост. 16 мая 1836 г., стр. 171—172.

Въ 1838 году правительственныя распоряженія коснулись недвижимыхъ имуществъ Преображенскаго богадѣленнаго дома, состоявшихъ въ лавкахъ, домахъ, заводахъ, лугахъ [1]), которыя, какъ пріобрѣтенныя незаконно, безъ Высочайшаго разрѣшенія, въ противность рескрипту 15 мая 1809 года, повелѣно было продать, а вырученныя деньги обратить въ пользу дома, за которымъ, въ свою очередь, также повелѣно было мѣстному начальству наблюдать, чтобы онъ „сохранялъ характеръ наравнѣ съ подобными частными благотворительными заведеніями“ [2]). Въ 1847 году Преображенскій богадѣленный домъ вмѣстѣ съ Волковскими богадѣльнями былъ подчиненъ вѣдѣнію приказовъ общественнаго призрѣнія [3]). Подобнымъ же образомъ въ вѣдѣніе приказовъ общественнаго призрѣнія въ качествѣ простыхъ благотворительныхъ заведеній были переданы раскольническія богадѣльни въ Казани, Ярославлѣ [4]) и Малоохтенскія богадѣльни въ Петербургѣ [5]).

Объ условіяхъ, въ которыя были поставлены раскольническія общежитія, съ подчиненіемъ ихъ приказамъ общественнаго призрѣнія, мы можемъ судить на основаніи правилъ, которыя первоначально даны были для заведеній рижскихъ раскольниковъ, переименованныхъ (заведеній) въ Гребенщиковскія, но потомъ были распространены и на всѣ другія раскольническія благотворительныя заведенія [6]). Положеніе ихъ, опредѣ-

---

[1]) Подробный перечень всѣхъ недвижимыхъ имѣній Преображенскаго кладбища представляется въ статьѣ В. Васильева: „Организація и самоуправленіе Ѳеодосіевской общины на Преображ. кладбищѣ въ Москвѣ“. Христ. Чтеніе, 1887 г., II, стр. 599—602.

[2]) Собр. пост. по ч. раск., пост. 9 апрѣля 1838 г., стр. 231—232.

[3]) Собр. пост. по ч. раск., пост. 18 апр. 1847 г., стр. 369.

[4]) Тамъ же, стр. 370; у Варадин. т. VIII, стр. 208.

[5]) Собр. пост. цо ч. раск., пост. 10 іюня 1850 г., стр. 429.

[6]) Тамъ же, стр. 118—119.

ляемое этими правилами, представляется въ слѣдующемъ видѣ. Какъ содержащіяся на добровольныя пожертвованія усердствующихъ, раскольническія заведенія должны стоять въ отношеніи къ приказамъ общественнаго призрѣнія, какъ частныя благотворительныя заведенія. Приказамъ общественнаго призрѣнія принадлежалъ общій надзоръ, чтобы въ подвѣдомственныхъ имъ раскольническихъ богадѣльняхъ „не было допускаемо ничего, противнаго порядку, здоровью, нравственности, опрятности и доброму хозяйству“. Для ближайшаго и непосредственнаго управленія богадѣльнями, члены-благотворители ежегодно или черезъ три года (только не далѣе) выбирали изъ своей среды кандидатовъ на должности попечителя и эконома, по двое на каждую должность, но не иначе, какъ съ вѣдома мѣстнаго военнаго губернатора, коему затѣмъ выбранные кандидаты и представлялись на утвержденіе. Одного изъ представленныхъ кандидатовъ (разумѣется, на каждую должность) губернаторъ утверждалъ, а другого имѣлъ въ виду для занятія должности, въ случаѣ какого-либо непредвидѣннаго обстоятельства, не позволяющаго отправлять должность первому. Исключеніе изъ этого общаго правила составляли лишь столичныя раскольническія общежитія. Для нихъ попечителями, согласно Высочайше утвержденному предложенію с.-петербургскаго секретнаго комитета, назначены были изъ членовъ попечительнаго совѣта—генералъ-адъютантъ графъ Строгановъ и сенаторъ Жемчужниковъ, — первый—попечителемъ Преображенскаго богадѣленнаго дома, а второй—попечителемъ богадѣленъ Волковскихъ [1]) и Малоохтенскихъ [2]). На обязанности попечителей раскольническихъ богадѣленныхъ домовъ лежало, во 1-хъ, строгое наблюденіе за тѣмъ, чтобы въ нихъ не было допускаемо ничего, противнаго

[1]) Собр. пост. по ч. раск., пост. 18 апрѣля 1847 г., стр. 371, 373.

[2]) Тамъ же, пост. 28 апрѣля 1850 г., стр. 414.

законамъ и правиламъ полиціи. Во 2-хъ, о всѣхъ вновь прибывающихъ и выбывающихъ обитателяхъ, а также умершихъ они обязаны были увѣдомлять полицію въ тотъ же день или не позже утра слѣдующаго дня, а ежемѣсячно представлять ихъ списки военному губернатору и приказу общественнаго призрѣнія. Сюда же въ началѣ каждаго года попечитель обязанъ былъ представлять именной списокъ всѣхъ призрѣваемыхъ въ богадѣльнѣ, съ точнымъ обозначеніемъ времени принятія, званія и возраста и общій годовой отчетъ „о состояніи заведеній, съ показаніемъ капиталовъ оныхъ, прихода и расхода суммъ по содержанію заведеній и числа призрѣнныхъ людей“. Жить въ раскольническихъ богадѣльняхъ, по общимъ правиламъ, могли только, дѣйствительно, нуждающіеся въ призрѣніи—люди престарѣлые (мужчины не моложе 60, а женщины—50-ти лѣтъ) и увѣчные, не могущіе своимъ трудомъ доставить себѣ пропитаніе. Моложе означеннаго возраста и людей здоровыхъ или безпаспортныхъ воспрещалось принимать въ богадѣльни, а принятые немедленно удалялись. Мужчины и женщины, призрѣваемые въ раскольническихъ богадѣльняхъ, должны были жить отдѣльно другъ отъ друга, на разныхъ половинахъ. Для присмотра и ухода за больными и увѣчными правилами указывалось употреблять изъ самихъ же призрѣваемыхъ; въ случаѣ необходимости разрѣшалось имѣть и вольнонаемную прислугу, только не моложе 45 лѣтъ и не болѣе одной на 10 человѣкъ [1]).

Такимъ образомъ, положеніе раскольническихъ богадѣленъ, съ подчиненіемъ ихъ приказамъ общественнаго призрѣнія, какъ показываютъ изложенныя для нихъ правила, совершенно измѣнилось. Это уже болѣе не отдѣльныя общины, живущія своей особой жизнью, имѣющія свои особые интересы и преслѣдующія свои особыя задачи и цѣли, какъ то было прежде. Нѣтъ,— это только, потворяемъ, частныя благотворительныя

[1]) Собр. пост. по ч. раск., стр. 118—119.

учр[illegible]денія, подобныя такимъ же учрежденіямъ, устрояемы[illegible]ъ и содержимымъ на иждивеніе и доброхотныя пожертвованія частныхъ лицъ—православныхъ, они теперь имѣли съ послѣдними совершенно одинаковый строй, одинаковую задачу (призрѣніе) и подчинены были однимъ и тѣмъ же общимъ государственнымъ постановленіямъ.

Дѣятельность правительства въ отношеніи разсматриваемыхъ раскольническихъ заведеній не ограничилась однимъ только уничтоженіемъ ихъ особенности и подведеніемъ ихъ подъ общіе законы, въ качествѣ простыхъ благотворительныхъ учрежденій. Съ теченіемъ времени правительство разсчитывало довести ихъ до совершеннаго упраздненія и съ этою цѣлью издало рядъ другихъ, подготовительныхъ къ тому, мѣропріятій. Прежде всего правительство позаботилось о томъ, чтобы число раскольническихъ благотворительныхъ заведеній не увеличивалось чрезъ открытіе новыхъ. Со времени императора Александра I, какъ извѣстно, существовало правило, по которому губернаторы сами собой, безъ сношенія съ высшими правительственными инстанціями, могли разрѣшать учрежденіе разнаго рода благотворительныхъ обществъ. Правиломъ этимъ хотѣли воспользоваться старообрядцы, въ особенности послѣ запрещенія имъ строить и поправлять церкви, монастыри, молитвенные дома. Усиленныя ходатайства, а также „посильныя благодарности", на которыя рука старообрядцевъ никогда не оскудѣвала, весьма часто приводили къ удовлетворенію ихъ просьбъ о постройкѣ богадѣленъ и другихъ благотворительныхъ заведеній, по типу московскихъ кладбищъ [1]). Въ виду этого 2 апрѣля 1831 года Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ: „сообщить всѣмъ генералъ-губернаторамъ и военнымъ губернаторамъ, управляющимъ гражданскою частью, чтобы они сами собою не утвердали правилъ для какихъ-бы то ни было обществъ, или для управленія какими-либо заведеніями безъ предварительнаго о томъ сношенія съ министерствами по принадлежности" [1]). Само же правительство очень строго соблюдало свое требованіе: за все время царствованія Николая I былъ только одинъ случай правительственнаго разрѣшенія на открытіе раскольническаго благотворительнаго заведенія. Въ 1841 году раскольники Рѣжицкаго казеннаго имѣнія въ витебской губерніи обратились къ управляющему витебскою палатою государственныхъ имуществъ съ просьбою о дозволеніи возобновить обгорѣвшую у нихъ въ селеніи Тискадахъ моленную, или же устроить богадѣльню для совершенія нѣкоторыхъ духовныхъ требъ. На эту просьбу, представленную чрезъ министра государственныхъ имуществъ на разсмотрѣніе Государя, 19 декабря 1841 года послѣдовала такого рода Высочайшая резолюція: „для оказанія возможнаго симъ раскольникамъ снисхожденія, дозволить имъ учредить сельскую богадѣльню на общемъ основаніи, для призрѣнія безпомощныхъ, старыхъ—мужскаго пола не моложе 60 лѣтъ, а женскаго—не моложе 50 лѣтъ, безъ устроенія въ ней публичной моленной и безъ права совершать духовныя требы для другихъ раскольниковъ, кромѣ призрѣваемыхъ въ богадѣльнѣ" [2]). Принявъ мѣры противъ увеличенія старообрядческихъ богадѣленъ чрезъ построеніе новыхъ, правительство въ уже существовавшихъ запретило безъ его вѣдома производить какія бы то ни было починки, а тѣмъ болѣе строить новыя зданія. Въ такомъ именно смыслѣ дано было распоряженіе (10 іюня 1850 года) относительно Преображенскаго богадѣленнаго дома. Попечителю его Высочайше повелѣвалось „на будущее время не только новыхъ построекъ, но даже никакихъ починокъ въ зданіи сего

¹) Вѣстн. Евр. 1880 г., апрѣль, стр. 543—544.

¹) Собр. пост. по ч. раск., стр. 108.

²) Тамъ же, стр. 304.

дома отнюдь не допускать, безъ особаго распоряженія военнаго генералъ-губернатора“ [1]). Въ томъ же 1850 году (8 декабря) вышло Высочайшее распоряженіе, которымъ предписывалось: 1) не принимать впредь на призрѣніе въ с.-петербургскія богадѣльни не только раскольниковъ, но даже и лицъ постороннихъ, чтобы со временемъ, какъ говорилось въ указѣ, когда выбудутъ всѣ нынѣ призрѣваемые въ богадѣльняхъ раскольники, можно было богадѣльни сіи уничтожить вовсе; 2) попечителю означенныхъ богадѣленъ ежегодно представлять въ министерство внутреннихъ дѣлъ именные списки всѣхъ призрѣваемыхъ, а въ теченіе года о всякой убыли въ составѣ ихъ давать своевременныя извѣщенія. Такою же подготовительною мѣрою служила передача въ 1853 году Преображенскаго богадѣленнаго дома и Волковскихъ богадѣленъ въ вѣдѣніе совѣта императорскаго человѣколюбиваго общества „съ цѣлію, какъ сказано во всеподданнѣйшемъ докладѣ министра внутреннихъ дѣлъ, духовно-нравственнаго дѣйствованія на заблуждающихся“ [2]). Эта цѣль ясно раскрыта въ тѣхъ правилахъ, которыя распространены на Волковскія богадѣльни и Преображенскій богадѣленный домъ, при указанной передачѣ. По Высочайше утвержденнымъ правиламъ, Волковскія богадѣльни, какъ и прежде, должны имѣть назначеніе обыкновенной городской богадѣльни на законномъ основаніи, но съ тѣмъ различіемъ, что теперь въ нихъ имѣютъ доступъ и православные, если того пожелаютъ раскольники и что для нихъ одна изъ моленъ должна быть обращена въ православную церковь и къ ней опредѣленъ православный священникъ [3]). Въ силу прежнихъ постановленій православный ни подъ какимъ видомъ не могъ посту-

[1]) Собр. пост. по ч. раск., стр. 430; сравн. постан. 25 ноября 1840 г., п. 4, стр. 293.

[2]) Тамъ же, постан. 26 октября и 21 декабря 1853 г., стр. 480 и 485.

[3]) Тамъ же, стр. 480.

пить въ раскольническія заведенія [1]), теперь же православные допускаются въ нихъ съ тою, очевидно, цѣлію, чтобы ослабить раскольническій духъ этихъ заведеній [2]). Такой же характеръ имѣютъ и правила, относящіяся до Преображенскаго богадѣленнаго дома. По нимъ Преображенскій богадѣленный домъ—лишь временное благотворительное заведеніе, имѣющее право существовать только до смерти призираемыхъ или же до перемѣщенія ихъ въ правительственное богоугодное заведеніе. Домъ долженъ управляться смотрителемъ по инструкціи, данной министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, по которой онъ обязанъ былъ жить въ одномъ изъ помѣщеній богадѣленнаго дома и слѣдить за порядкомъ жизни, за приходомъ денежныхъ суммъ, правильнымъ расходомъ и т. п.; призираемые должны жить въ зданіи богадѣленнаго дома, а не въ кельяхъ, построенныхъ внутри ограды, которыя должны быть закрыты и снесены; молиться они должны въ моленныхъ, находящихся въ жилыхъ домахъ, при которыхъ запрещалось держать наемныхъ псаломщицъ и псаломщиковъ, малолѣтнихъ клирошанъ и т. п. При этомъ чтобы ослабить связь раскольниковъ-ѳедосѣевцевъ съ Преображенскимъ кладбищемъ, москвичамъ запрещено жить въ слободѣ близъ кладбища; бывшіе же старшины богадѣленнаго дома—„*главные* были совсѣмъ удалены изъ Москвы, а *меньше вредные* оставлены въ Москвѣ подъ присмотромъ мѣстнаго начальства“ [3]). Источниками содержанія призираемыхъ должны служить проценты съ капитала,

[1]) Собр. пост. по ч. раск., пост. 26 марта 1833 г., п. 5, стр. 117.

[2]) Семейная жизнь въ р. раск. Нильскаго, т. II, стр. 122.

[3]) Принужденъ былъ удалиться изъ Москвы Семенъ Кузьминъ; его велѣно было помѣстить въ какомъ-нибудь монастырѣ подъ надзоръ настоятеля.—Купцы: Ѳ. Гучковъ, Н. Стрѣлковъ, К. Егоровъ и мѣщ. Е. Гавриловъ были разосланы въ разныя мѣста подъ надзоръ полиціи (Раскольники и Острожники Ливанова т. III, стр. 244).

принадлежащаго кладбищу и доброхотныя пожертвованія за погребеніе, панихиды и т. п. съ тѣмъ, чтобы эти подаянія были добровольными, но отнюдь не производились бы отъ какого-либо общества или товарищества; всякіе другіе источники доходовъ—въ родѣ, наприм., продажи съ кладбища книгъ, иконъ и т. п. строго воспрещались. Въ заключеніе предлагалось заявившимъ желаніе обратиться въ единовѣріе „приложить всѣ старанія обратить къ истинѣ и прочихъ заблуждающихся" [1]). Съ передачею Преображенскаго богадѣленнаго дома въ вѣдѣніе совѣта императорскаго человѣколюбиваго общества, Высочайшимъ повелѣніемъ отъ 9 апрѣля 1854 года было упразднено званіе особаго при немъ попечителя, а Высочайшимъ повелѣніемъ отъ 13 мая того же года предписывалось, чтобы совѣтъ императорскаго человѣколюбиваго общества въ своихъ распоряженіяхъ по Преображенскому богадѣленному дому входилъ въ предварительное сношеніе съ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ и „дѣйствовалъ съ нимъ въ полномъ единодушіи" [2]). Въ томъ же году императорскому человѣколюбивому обществу переданъ былъ „во всегдашнее владѣніе" казенный участокъ земли, на которомъ помѣщалась женская богадѣльня Преображенскаго богадѣленнаго дома и который арендовался послѣднимъ у государственныхъ крестьянъ московскаго уѣзда [3]).

Въ послѣдніе годы царствованія Николая Павловича были случаи и совершеннаго закрытія раскольническихъ богадѣленъ. Такъ, въ 1849 году (28 января) съ Высочайшаго соизволенія была закрыта Ситминская раскольничья богадѣльня (вятской губерніи, нолинскаго уѣзда), за смертію ея послѣдняго владѣльца. Самую богадѣльню, со всѣми ея имуществами, указано было

---

[1]) Собр. пост. по ч. раск , стр. 485—487.

[2]) Тамъ же, стр. 489, 490.

[3]) Тамъ же, стр. 489—490, пост. 12 апр.

передать въ вѣдѣніе вятской палаты государственныхъ имуществъ, а проживающихъ въ ней на призрѣніи раскольниковъ отдать на попеченіе родственниковъ или тѣхъ обществъ, къ которымъ они принадлежали, а если бы при этомъ встрѣтились какія-либо затрудненія, то начальнику губерніи поручалось размѣстить ихъ въ общественныя богадѣльни вѣдомства вятскаго приказа общественнаго призрѣнія [1]). Въ 1852 году, благодаря распоряженію 8 декабря 1850 года, въ Малоохтенскихъ раскольническихъ богадѣльняхъ оставалось на призрѣніи только 22 человѣка. Поэтому, по предложенію ихъ попечителя сенатора Жемчужникова, на которое въ томъ же году (15 мая) послѣдовало Высочайшее утвержденіе, эти богадѣльни были запечатаны, впредь до особаго распоряженія, а призрѣваемые въ нихъ были переведены въ Волковскую раскольническую богадѣльню, въ собственность которой вмѣстѣ съ тѣмъ поступили денежныя суммы и все имущество первыхъ [2]). Указомъ отъ 25 декабря того же года было упразднено и самое Малоохтенское кладбище [3]).

Еще рѣшительнѣе правительство отнеслось къ другого рода общественнымъ учрежденіямъ раскольниковъ—школамъ. При императорѣ Николаѣ Павловичѣ были закрыты послѣднія раскольническія училища. 14 мая 1830 года министру народнаго просвѣщенія было предписано закрыть раскольническую школу въ Ригѣ, какъ учрежденную „въ противность началъ, на коихъ заведены народныя училища" [4]), а 14 марта 1835 года такая же участь постигла лучшее изъ раскольническихъ училищъ при Рогожскомъ кладбищѣ въ Москвѣ [5]).

---

[1]) Собр. пост. по ч. раск., стр. 401—402.

[2]) Тамъ же, стр. 452—453.

[3]) Тамъ же, стр. 458.

[4]) Тамъ же, стр. 112.

[5]) Тамъ же, стр. 142—143.

II.

Объ ограниченіи личныхъ правъ раскольниковъ. Ограниченіе правъ раскольниковъ въ составѣ обществъ и на общественныя должности и отличія. О свидѣтельскихъ показаніяхъ, присягѣ и опекунствѣ раскольниковъ. Ограниченіе правъ раскольниковъ на а) пріобрѣтеніе недвижимой собственности, б) обученіе дѣтей, в) запись въ иконописные цехи и купеческія гильдіи, г) полученіе паспортовъ для отлучекъ и за границу и д) по отбыванію воинской повинности. Обложеніе раскольниковъ особыми сборами на содержаніе должностныхъ лицъ и православныхъ церквей.

Лишивъ расколъ, какъ *общество*, права на законное существованіе, правительство въ царствованіе Николая I значительно ограничило и личныя права раскольниковъ. Уже одно возстановленіе въ оффиціальныхъ документахъ названія *раскольникъ* указывало имъ на положеніе въ государствѣ, отличное отъ положенія обыкновенныхъ гражданъ,—на положеніе отщепенцевъ, гражданъ неполноправныхъ. Такъ это и было на самомъ дѣлѣ.

Усилившіяся сношенія русскихъ раскольниковъ съ заграничными, послѣ пріобрѣтенія послѣдними самостоятельнаго священства, вызвали запрещеніе приписываться раскольникамъ къ городскимъ обществамъ въ Бессарабіи, Измаильскомъ градоначальствѣ и во всѣхъ другихъ пограничныхъ западныхъ губерніяхъ, а равно и перечисляться сюда изъ другихъ губерній; раскольниковъ, причисленныхъ было къ г. Измаилу изъ подольской губерніи, за исключеніемъ уже переселившихся въ него 74 семействъ, Высочайше было повелѣно отчислить обратно въ тѣ мѣста, гдѣ они были приписаны до перечисленія въ Измаилъ [1]). Высочайшимъ указомъ

[1]) Собр. пост. по ч. раск., стр. 457; пост. 25 дек. 1852 г.

31 октября 1853 года раскольниковъ воспрещалось принимать въ оренбургское казачье войско, *въ видахъ уменьшенія въ войскѣ раскола* [1]). Раскольникамъ, принадлежащимъ къ особенно вреднымъ сектамъ, приписка къ городскимъ и сельскимъ обществамъ, кромѣ закавказскаго края [2]) и мѣстъ, назначенныхъ для ихъ поселенія въ Сибири, вездѣ безусловно воспрещалась [3]). Для предупрежденія ошибочной или неправильной приписки раскольники поэтому, при причисленіи ихъ къ обществамъ во внутреннихъ губерніяхъ, должны были давать подписки о непринадлежности ихъ къ особенно вреднымъ сектамъ съ точнымъ обозначеніемъ своей секты [4]). За ложныя показанія, въ случаѣ ихъ обнаруженія, виновные подвергались очень строгому наказанію. Раскольниковъ, обличенныхъ въ сокрытіи своей секты и достигшихъ чрезъ то приписки къ городскимъ обществамъ въ тѣхъ мѣстахъ, въ которыхъ имъ она воспрещалась, журналомъ особаго секретнаго комитета, Высочайше разсмотрѣннымъ (10 іюня 1854 года), было постановлено ссылать въ отдаленный край восточной Сибири, съ порученіемъ ихъ строжайшему надзору тамошняго гражданскаго начальства [5]).

Доступъ къ общественнымъ должностямъ первоначально для однихъ раскольниковъ былъ въ значительной степени стѣсненъ или ограниченъ, а для дру-

[1]) Собр. пост. по ч. раск., стр. 482—483.

[2]) Здѣсь раскольникамъ было предоставлено право, по усмотрѣнію кавказскаго намѣстника, приписываться къ обществамъ во всѣхъ городахъ, кромѣ Тифлиса (Собр. пост. по ч. раск., стр. 449, пост. 3 мая 1852 г.).

[3]) Свод. Зак. о сост. т. IX, ст. 500; т. XIV, уст. о ссыльн., ст. 538 и 908.

[4]) Собр. пост. по ч. раск., постан. 21 марта 1844 г. стр. 344; постан. 25 окт. 1847 г., п. 5, стр. 387—388; цирк. мин. фин. 13 іюня 1853 г., стр. 475.

[5]) Тамъ же, стр. 492.

гихъ (вреднѣйшихъ) совсѣмъ былъ закрытъ [1]). Въ такомъ именно смыслѣ еще при Александрѣ I даны были правила относительно купеческихъ и мѣщанскихъ вы-

---

[1]) Въ обозрѣваемое царствованіе со стороны правительственной власти сдѣлана была попытка къ болѣе точной классификаціи „раскольническихъ ересей“ по степени ихъ вреда. Въ классификаціи Святѣйшаго Синода, преподанной на запросъ министерства внутреннихъ дѣлъ, „секты раскольниковъ“ съ поименованной точки зрѣнія раздѣлены на слѣдующія три категоріи: 1) секты *вреднѣйшія*: кромѣ іудействующихъ, молоканъ, духоборцевъ, хлыстовъ и скопцовъ, тѣ безпоповщинскія согласія, которыя отвергаютъ бракъ и молитву за царя; 2) секты *вредныя*: тѣ изъ безпоповщины, которые принимаютъ бракъ и не отрицаются молитвы за царя. По симъ чертамъ могли бы почесться менѣе вредными, но рѣшительно вредны потому, что отвергаютъ священство и таинство евхаристіи; 3) секта *менѣе вредная*—поповщина (Собр. пост. по ч. раск., стр. 318—320, пост. 9 декабря 1842 г.). Впрочемъ, это дѣленіе, сдѣланное исключительно съ вѣроисповѣдной точки зрѣнія, практическаго значенія, кажется, не имѣло; въ дѣлѣ гражданскихъ узаконеній правительство удержало прежнее дѣленіе раскольниковъ на двѣ части (*болѣе* и *менѣе вредныя*), что можно видѣть изъ постановленій, изданныхъ послѣ 1842 года. Такъ, въ 1850 году, по вопросу о порядкѣ награжденія раскольниковъ Государь Императоръ изволилъ повелѣть: „при представлевіи раскольниковъ къ наградамъ не допускать никакого отступленія отъ предписанныхъ на сей предметъ въ 1837 году правилъ“; а въ этихъ правилахъ раскольники дѣлятся на двѣ части и къ вреднымъ раскольническимъ сектамъ относятся, кромѣ духоборцевъ, молоканъ, іудействующихъ вообще „послѣдователи тѣхъ толковъ, кои, не пріемля священства и брака, не молятся за царя“ (Собр. пост. по ч. раск., пост. 28 февраля 1850 г., стр. 413). Далѣе, с.-петербургскій секретный комитетъ, вслѣдствіе возникшаго недоумѣнія въ нижегородской палатѣ государственныхъ имуществъ, положилъ дозволить послѣдователямъ спасова согласія нанимать за свои семейства въ рекруты охотниковъ изъ крестьянъ православнаго исповѣданія (Тамъ же, стр. 453), а Высочайшимъ указомъ 1843 года 24 декабря это было запрещено раскольникамъ *особенно* вредныхъ сектъ (Тамъ же, стр. 340); слѣдовательно, секретный комитетъ относилъ спасово согласіе къ разряду сектъ *менѣе* вредныхъ, хотя прямо и не высказалъ этого.

боровъ изъ раскольниковъ [1]). Постепенно дополняемыя и разъясняемыя, эти правила легли въ основу соотвѣтствующихъ распоряженій по отношенію къ расколу въ обозрѣваемое нами царствованіе. Такъ, въ Высочайшихъ указахъ 20 октября 1830 года и 30 апрѣля 1838 года, согласно съ правилами 27 мая 1820 года, подтверждалось, „чтобы тамъ, гдѣ есть жители православнаго исповѣданія, не употреблять въ общественныя должности, соединенныя съ правомъ власти или начальства, духоборцевъ, молоканъ, иконоборцевъ, іудействующихъ и людей прочихъ ересей, признанныхъ особенно вредными“ [2]). 2 апрѣля 1835 года, вслѣдствіе дошедшихъ до Государя Императора свѣдѣній о томъ, что правила 27 мая 1820 года наблюдаются не по всѣмъ вѣдомствамъ, послѣдовало новое Высочайшее повелѣніе, „чтобы означенныя правила были исполняемы повсемѣстно“ [3]). Въ томъ же 1835 году къ этимъ правиламъ, вслѣдствіе встрѣтившихся при ихъ практическомъ приложеніи въ Екатеринбургѣ затрудненій, сдѣлано было поясненіе. Было пояснено, чтобы „должности, попреимуществу начальственныя и соединенныя съ особеннымъ вліяніемъ на общество, какъ-то: городскаго головы, городоваго старосты, головы ремесленнаго были ввѣряемы непремѣнно православнымъ или единовѣрцамъ“. Въ общія же городскія присутствія, въ случаѣ невозможности составленія ихъ изъ однихъ православныхъ или единовѣрцевъ, разрѣшалось выбирать членовъ (кромѣ бургомистровъ) и изъ раскольниковъ, съ тѣмъ только условіемъ, чтобы число ихъ было меньше числа православныхъ [4]). Въ 1836 году былъ поднятъ вопросъ относительно допущенія раскольниковъ въ

---

[1]) Собр. пост. по ч. раск., стр. 61—62; постан. 27 мая 1820 г.

[2]) Собр. пост. по ч. раск., стр. 106 и 234.

[3]) Тамъ же, стр. 144.

[4]) Тамъ же, стр. 150—151, пост. 8 октября 1835 г.

члены рижскаго амта русскихъ пеньковыхъ вязчиковъ. Старшина амта жаловался на рижскій магистратъ, допускавшій раскольниковъ къ замѣщенію открывающихся въ амтѣ вакансій, находя, съ своей стороны, это замѣщеніе „неудобнымъ, какъ по разномыслію раскольниковъ, такъ равно и по чинимому ими раздору". Государь Императоръ изволилъ найти разъясненіе старшины амта „весьма справедливымъ" и на будущее время повелѣлъ въ точности руководиться постановленіемъ отъ 8 октября 1835 года, допуская раскольниковъ въ члены амта въ томъ только случаѣ, когда „не найдется уже никого изъ православныхъ", но старшинами амта всегда должны быть непремѣнно православные [1]). Въ концѣ тридцатыхъ годовъ въ московской и псковской губерніяхъ возникли новыя затрудненія относительно городскихъ выборовъ и опредѣленія раскольниковъ въ общественныя должности. Тогда въ дополненіе къ постановленію отъ 8 октября 1835 года было издано новое Высочайшее распоряженіе, въ которомъ указывались поименно самыя должности, доступныя для раскольниковъ. По этому новому указу (11 апр. 1840 г.) раскольники, какъ члены общества, не лишались права участвовать какъ въ городскихъ выборахъ, такъ и вообще въ дѣлахъ общественныхъ; но въ присяжные-повѣренные, которые на основаніи 951 ст. III т. Св. Зак., составляютъ голосъ цѣлаго общества, разрѣшалось допускать только изъ пріемлющихъ священство и притомъ не болѣе четвертой доли противъ числа присяжныхъ-повѣренныхъ изъ православныхъ, потому, какъ говорилось въ указѣ, что умноженіе присяжныхъ-повѣренныхъ изъ раскольниковъ сдѣлало бы голосъ общества голосомъ раскольниковъ и подвергло бы православныхъ распоряженію раскольниковъ (п. 1-й)". Раскольниковъ разрѣшалось избирать и опредѣлять въ слѣдующія должности: 1) въ ратманы

[1]) Сбор. пост. по ч. раск., стр. 182—183, пост. 28 ноября 1836 г.

магистрата, ратуши и сиротскаго суда, 2) въ старосты для составленія городской обывательской книги, 3) въ депутаты для составленія раскладки земскихъ повинностей, 4) въ депутаты городскихъ квартирныхъ комиссій, 5) въ члены комитета объ уравненіи городскихъ повинностей, 6) въ члены комиссіи оцѣнки имущества для уравненія постойной повинности, 7) въ помощники мѣщанскихъ старостъ, 8) въ управные старшины и старшинскіе товарищи и 9) въ смотрители за перекупомъ и справочными цѣнами (п. 2-й). Въ посадахъ и мѣстечкахъ, состоявшихъ на городскомъ положеніи и въ заштатныхъ городахъ, не имѣющихъ особой городской полиціи, губернскому начальству предоставлялось опредѣлять изъ раскольниковъ, къ какому бы сословію и сектамъ они ни принадлежали, въ сотскіе и десятскіе для полиціи. Для исполненія означенныхъ должностей раскольники могли нанимать за себя, но отвѣтственность за поведеніе и исправность нанятаго оставалась всетаки на нихъ (п. 3-й). Состоящіе въ расколѣ купцы 1-й, 2-й и 3-й гильдій, въ случаѣ избранія и опредѣленія ихъ по этимъ правиламъ въ какія бы то ни было низшія противъ ихъ званія должности, не имѣли права отказываться отъ нихъ, а должны были принимать ихъ безпрекословно (п. 4-й). При осуществленіи этихъ правилъ повелѣвалось соблюдать уже извѣстное намъ общее правило—„чтобы во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ допускается выборъ раскольниковъ, число православныхъ было болѣе, нежели изъ раскольниковъ" (п. 5-й) [1]).

Таковы же по своему характеру были распоряженія касательно выбора раскольниковъ въ должности сельскихъ общинъ и относительно занятія должностей на горныхъ заводахъ. Въ казенныхъ селеніяхъ и станицахъ раскольники, жившіе среди православнаго населенія, не имѣли права на занятіе какихъ либо высшихъ

[1]) Собр. пост. по ч. раск., стр. 281—282.

должностей: для нихъ не были доступны должности волостнаго старшины, сельскаго старосты и т. п. [1]). въ станицахъ—должности атамановъ, судей, засѣдателей въ войсковой уголовный и гражданскій суды и въ окружныя и сыскныя начальства, станичныхъ писарей [2]), а также писарскія должности въ войсковомъ коммерческомъ и торговомъ словесныхъ судахъ и у смотрителей задонскихъ степей и рыбныхъ ловель [3]).

На частныхъ заводахъ и фабрикахъ владѣльцамъ ихъ первоначально не воспрещалось назначать въ начальническія должности и раскольниковъ съ тѣмъ только, чтобы они не злоупотребляли своей властью и не пользовались ею, какъ средствомъ для угнетенія православныхъ и совращенія ихъ въ расколъ [4]). Но вскорѣ къ правительству стали поступать донесенія о притѣсненіяхъ, которымъ подвергались православные и особенно единовѣрцы со стороны начальствующихъ при заводахъ—управляющихъ и приказчиковъ изъ раскольниковъ. Такъ, напр., въ 1834 г. пермскій архіепископъ донесъ оберъ-прокурору Свят. Синода, что единовѣрцы Невьянскаго завода, въ особенности тѣ изъ нихъ, кои въ недавнемъ времени присоединились къ единовѣрческой церкви, терпятъ крайнее стѣсненіе отъ управляющихъ и приказчиковъ-раскольниковъ [5]). Тогда правительство время отъ времени стало дѣлать заводчикамъ внушенія, чтобы въ начальническія должности при заводахъ были назначаемы преимущественно право-

---

1) Тамъ же, стр. 250, пост. 17 февраля 1839 г.

2) Если на перечисленныя должности въ извѣстную станицу не найдется въ этой подходящихъ лицъ изъ православныхъ, то ихъ повелѣно было избирать изъ другой станицы (Собр. пост. по ч. раск., стр. 312, постан. 17 апрѣля 1842 г. п. 2 и 3).

3) Тамъ же, стр. 312 и 352; пост. 17 апрѣля 1842 г. и 5 января 1845 г.

4) Тамъ же, стр. 107—108; пост. 24 февраля 1831 г.

5) Собр. пост. по ч. раск., стр. 127.

славные и единовѣрцы [1]), пока, наконецъ, это не было узаконено положительнымъ указомъ отъ 25 октября 1847 года. Этимъ указомъ воспрещается назначать раскольниковъ въ должности—управляющихъ, заводскихъ приказчиковъ, помощниковъ тѣхъ и другихъ, смотрителей при работахъ, полицейскихъ надзирателей, старшинъ въ селеніяхъ, смотрителей лѣсовъ и караванныхъ приказчиковъ [2]).

Всѣ поименованныя должности въ селеніяхъ, станицахъ, на заводахъ, какъ соединенныя съ большею или меньшею властію, для лицъ, ихъ занимающихъ, открывали возможность такого или иного вліянія на подчиненныхъ, а потому онѣ и были закрыты для раскольниковъ. Для раскольниковъ оставались должности исполнительныя, „не сопряженныя съ вліяніемъ на общество“ и заключающія въ себѣ одну лишь *повинность*. Такъ, „пріемлющіе священство и бракъ и молящіеся за царя“ имѣли право занимать должности сборщиковъ податей, ихъ помощниковъ и смотрителей запасныхъ магазиновъ [3]), въ станицахъ, кромѣ этого, —должность станичныхъ брандмейстеровъ [4]). Высшія должности означенные раскольники получали въ видѣ исключенія и въ томъ случаѣ, когда жили среди вреднѣйшихъ сектъ: безпоповцевъ, молоканъ, духоборцевъ и т. п. [5]). Приверженцы этихъ послѣднихъ сектъ допускались въ самыя низшія должности: по назначенію отъ сельскаго начальства, они служили въ полѣсовщикахъ, десятскихъ, сторожахъ и т. п. [6]).

---

1) Тамъ же, стр. 127—128, пост. 26 марта и 6 мая 1834 г.

2) Тамъ же, стр. 389.

3) Собр. пост. по ч. раск., стр. 251, постан. 17 февраля 1839 г.

4) Тамъ же, стр. 313, пост. 17 апрѣля 1842 г.

5) Тамъ же, стр. 252.

6) Но при опредѣленіи вреднѣйшихъ раскольниковъ въ эти низшія должности повелѣвалось соблюдать слѣдующее

Разсмотрѣнныя постановленія относительно занятія раскольниками общественныхъ должностей касались только мѣстъ со смѣшаннымъ населеніемъ (изъ православныхъ и раскольниковъ), но они не распространялись на селенія исключительно раскольническія, каковыя находились, напр., въ таврической губерніи. Общества, состоящія изъ однихъ раскольниковъ, управлялись своими единовѣрцами „съ тѣмъ однако предвареніемъ, что, при первомъ нарушеніи ими обязанностей въ отношеніи къ общественному порядку, они будутъ, примѣняясь къ 297 ст. Высочайше утвержденнаго учрежденія палаты государственныхъ имуществъ, немедленно подчинены особому управленію со стороны палаты" [1]). Исключались также изъ общихъ постановленій и нѣкоторыя мѣстности со смѣшаннымъ населеніемъ. Такъ, въ г. Новозыбковѣ, раскольническихъ слободахъ и посадахъ черниговской губерніи, по незначительности въ нихъ православныхъ жителей, отправленіе общественныхъ должностей только православными и единовѣрцами было для нихъ настолько обременительно, что нѣкоторые изъ присоединившихся было къ православной церкви переходили снова въ расколъ. Поэтому, Высочайшимъ указомъ отъ 20 нояб-

условіе. Число лицъ, назначаемыхъ изъ раскольниковъ въ низшія исполнительныя должности, должно было соотвѣтствовать числу лицъ, избранныхъ изъ православныхъ въ высшія общественныя должности, при равномъ количествѣ ревизскихъ душъ тѣхъ и другихъ въ обществѣ; въ случаѣ же неравенства, назначались бы раскольники въ означенныя низшія должности соразмѣрно ревизскому числу ихъ. Такъ, напр., если изъ сельскаго общества въ 1000 душъ слѣдуетъ 8 полѣсовщиковъ и 8 должностныхъ лицъ, и если въ обществѣ 500 православныхъ и 500 раскольниковъ, то избирается 8 должностныхъ лицъ изъ правосл., а 8 полѣсовщ. назначается изъ раскольниковъ; затѣмъ въ прочія низшія должности десятскихъ и сторожей назначаются люди изъ православныхъ и раскольниковъ поровну (Тамъ же, стр. 250).

[1]) Собр. пост. по ч. раск., стр. 252.

ря 1849 года было разрѣшено занимать здѣсь общественныя должности и раскольникамъ; только должности бургомистровъ, высшихъ въ посадѣ, должны были занимать непремѣнно православные [1]). По тѣмъ же самымъ обстоятельствамъ разрѣшалось избирать изъ раскольниковъ всѣхъ вообще сектъ въ должности сотскихъ и десятскихъ въ селеніяхъ и волостяхъ государственныхъ крестьянъ мезенскаго и кемскаго уѣздовъ архангельской губерніи [2]). Въ г. Ржевѣ, „во вниманіе слишкомъ малаго тамъ числа православныхъ сравнительно съ раскольниками", послѣдніе, съ Высочайшаго соизволенія, допущены были въ гласные мѣстной Думы [3]).

При вступленіи въ какую либо общественную должность, по выбору или по назначенію, раскольники, какъ и православные, приводились къ присягѣ. Присяга эта производилась въ православной церкви православнымъ священникомъ преимущественно предъ старо-печатнымъ евангеліемъ и стариннаго устроенія крестомъ [4]). Съ 1842 года, кромѣ присяги, вступленіе на общественную должность обставлено было для раскольниковъ еще однимъ условіемъ, которое они необходимо должны были соблюдать. Изъ дѣлъ министерства внутреннихъ дѣлъ было усмотрѣно, что раскольники нѣкоторыхъ вредныхъ сектъ, въ особенности скопцы, показываютъ себя православными, бываютъ на исповѣди и у св. причастія и, скрывая, такимъ образомъ, свою принадлежность къ расколу, успѣваютъ иногда достигать общественныхъ должностей. Въ предупрежденіе подобныхъ злоупотребленій, Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ: „предварительно допущенія къ общественнымъ должностямъ

[1]) Тамъ же, стр. 407.

[2]) Тамъ же, стр. 445, пост. 27 декабря 1851 г.

[3]) Собр. пост. по ч. раск., пост. 17 апрѣля 1842 г. стр. 308—309).

[4]) Тамъ же, стр. 167, пост. 11 марта 1836 г.

по городамъ и посадамъ, выбранныхъ лицъ обязывать подписками въ томъ, что они не принадлежатъ ни къ какой изъ раскольническихъ сектъ и что они не скопцы; за утайку же принадлежности къ расколу или скопчеству, въ случаѣ ея обнаруженія, виновные должны подлежать строгой отвѣтственности предъ закономъ“ [1]). За ложныя подписки особымъ секретнымъ комитетомъ постановлено было ссылать въ отдаленный край восточной Сибири подъ строжайшій надзоръ мѣстнаго начальства [2]). Вызванное собственными злоупотребленіями раскольниковъ и значительно ограничившее для нихъ доступъ къ общественнымъ должностямъ, это распоряженіе послужило первою подготовительною ступенью къ окончательному лишенію ихъ названнаго права. Высочайше утвержденнымъ 10 іюня 1853 года журналомъ особаго секретнаго комитета было постановлено: „на будущее время не утверждать въ зависящихъ отъ общественныхъ выборовъ должностныхъ людей, не принадлежащихъ ни къ православной церкви или безусловно или на правахъ единовѣрія, ни къ другимъ, терпимымъ въ государствѣ исповѣданіямъ“ [3]).

Закрывъ для раскольниковъ доступъ къ общественнымъ должностямъ, правительство постепенно лишило ихъ и права на полученіе знаковъ отличій и почетныхъ званій. Высочайшимъ повелѣніемъ 13 февраля 1837 года было постановлено: 1) чтобы члены сектъ болѣе вредныхъ совсѣмъ не имѣли права на общественныя отличія и 2) чтобы члены сектъ менѣе вредныхъ не были украшаемы почетными званіями и отличіями въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ того не требуетъ точно превосходная заслуга или общеполезный подвигъ [4]).

[1]) Тамъ же, стр. 322—323; пост. 31 декабря 1842 г.

[2]) Тамъ же, стр. 492.

[3]) Собр. пост. по ч. раск., стр. 471.

[4]) Тамъ же, стр. 192.

12 апрѣля того же года, въ дополненіе и разъясненіе къ этому довольно обще изложенному распоряженію, были изданы Высочайше утвержденныя правила касательно порядка представленія и удостоенія наградъ лицъ, принадлежащихъ къ разнымъ раскольническимъ сектамъ. По силѣ вновь изданныхъ правилъ, безусловно лишались права на полученіе какихъ бы то ни было общественныхъ отличій духоборцы, молокане, іудействующіе и вообще послѣдователи тѣхъ сектъ, которые не принимаютъ священства и брака и не молятся за царя. Поповцы могли быть удостоиваемы наградъ, за исключеніемъ тѣхъ, которые были замѣчены или даже „сильно заподозрѣны“ въ распространеніи раскола. Поэтому начальникамъ губерній вмѣнялось въ обязанность при представленіи раскольниковъ къ почетному гражданству и другимъ наградамъ увѣдомлять министерство внутреннихъ дѣлъ о томъ, не принадлежитъ ли представляемое къ наградѣ лице къ одной изъ вышеозначенныхъ вредныхъ сектъ и не было ли замѣчено въ совращеніи православныхъ. Въ томъ и другомъ случаѣ представленія оставлялись безъ послѣдствій [1]). Въ 1841 году раскольники были лишены права на полученіе орденовъ, украшеніе которыми признано было для нихъ „неприличнымъ“ [2]). Въ 1853 году вопросъ о наградахъ для раскольниковъ, какъ и вопросъ объ общественныхъ должностяхъ, былъ рѣшенъ отрицательно. Особый секретный комитетъ, принимая во вниманіе, что раскольники, какъ „не дающіе искренней присяги на вѣрность службы, признаются неспособными къ отправленію общественныхъ должностей“, полагалъ „не удостоивать ихъ на будущее время ни по какимъ случаямъ знаками отличія и почетными титулами именитыхъ купцовъ и почетныхъ гражданъ“.

[1]) Собр. пост. по ч. раск., стр. 205—207; сравн. цирк. мин. внутр. дѣлъ 6 мая 1845 и 24 апрѣля 1852 г. стр. 413 и 448—449.

[2]) Тамъ же, стр. 300, пост. 25 іюля 1841 г.

Мнѣніе комитета (10 іюня 1853 года) было удостоено Высочайшаго утвержденія. Чтобы лишить раскольниковъ возможности какими бы то ни было путями достигнуть полученія награды, Государь Императоръ секретнымъ предписаніемъ обязалъ начальниковъ губерній, „при представленіи къ наградамъ знаками отличія и почетными титулами, прилагать о каждомъ представляемомъ свидѣтельство о принадлежности его къ православной церкви безусловно или на правахъ единовѣрія и объ исполненіи по оной христіанскихъ обязанностей“ [1]).

Въ качествѣ свидѣтелей по судебнымъ дѣламъ, касающимся православныхъ, раскольники допускались только въ Курляндіи и Лифляндіи, по исключительному положенію въ отношеніи судопроизводства этихъ областей [2]). Во всѣхъ же остальныхъ мѣстахъ раскольники допускались къ свидѣтельству подъ присягою только въ дѣлахъ между собою и противъ не христіанъ [3]). У своихъ же только единовѣрцевъ раскольники допускались къ свидѣтельству духовныхъ завѣщаній,—и то лишь въ качествѣ частныхъ лицъ. Удостовѣренія же за ихъ подписью, какъ духовныхъ отцовъ, о времени кончины завѣщателей никакой законной силы не имѣли, а должны были основываться на показаніяхъ полиціи [4]). Св. Синодъ, основываясь на 123 ст. городоваго положенія, гдѣ сказано: *всякъ да присягаетъ по своей вѣрѣ* (п. 17), указомъ отъ 31 окт. 1829 года повелѣваетъ, чтобы раскольники при сви-

---

1) Тамъ же, стр. 472.

2) Собр. пост. по ч. раск., стр. 140 и 215, пост. 4 февр. 1835 г. и 28 февр. 1838 г.

3) Свод. зак. гражд. т. X, ст. 1.782 и свод. зак. угол. т. XV, ст. 947; сравн. Собр. пост. по ч. раск. по в. св. син. II, стр. 233—234 и 235—236, пост. 31 окт. и 7 дек. 1829 г.

4) Собр. пост. по ч. раск. по мин. вн. д. стр. 98; пост. 10 дек. 1828 г.;—по в. св. син. II, стр. 224, пост. 31 декабря 1828 г.

дѣтельскихъ показаніяхъ приводились къ присягѣ „по ихъ раскольническому обряду“ [1]). Но такъ какъ ни въ статьѣ городоваго положенія, ни въ приведенномъ синодскомъ постановленіи не обозначены точно самыя лица, долженствующія приводить раскольниковъ къ присягѣ, то, естественно, что на практикѣ этотъ пробѣлъ вызывалъ въ мѣстныхъ начальствахъ затрудненія и недоумѣнія. Въ концѣ 1830 года вятская гражданская палата двумя сообщеніями въ мѣстную консисторію требовала побудить священниковъ г. Сарапула привести къ очистительной присягѣ, по долговымъ дѣламъ, тамошнихъ раскольниковъ купца Ивана Зайцова и мѣщанъ Ивана Судакова и купца Демида Зайцова по старообрядчеству. Консисторія, чрезъ мѣстнаго преосвященнаго Кирилла, за разрѣшеніемъ возникшаго затрудненія обратилась въ Св. Синодъ. Св. Синодъ на томъ основаніи, что „православные священники должны приводить къ присягѣ по обрядамъ и установленіямъ православной церкви, раскольники же чуждаются православной церкви, таинствъ и служителей ея“, указомъ отъ 29 января 1831 года постановилъ, что и „приводимы быть къ присягѣ православными священниками они не могутъ“ [2]). Но вскорѣ же самъ Синодъ долженъ былъ поступиться своими требованіями. Въ 1834 году, по дѣлу о денежномъ искѣ московской купеческой вдовы Настасьи Корчагиной и ея дочери Авдотьи Хлудовой съ купца Козьмы Корчагина, правительствующій сенатъ опредѣлилъ дать послѣднему очистительную присягу съ тѣмъ, что если онъ ее приметъ, то освободить его отъ взысканія присуждаемой съ него суммы (19.000 руб.), если же нѣтъ, то обязать его заплатить. Московское епархіальное начальство отказало въ назначеніи церкви и священника для приведенія Корчагина къ присягѣ, съ одной стороны, потому,

---

1) Тамъ же, по в. св. син. II, стр. 234.

2) Тамъ же, стр. 245—247.

что онъ по исповѣднымъ книгамъ за многіе годы показывался раскольникомъ, а съ другой, имѣя въ виду собственное заявленіе Корчагина, соглашавшагося дать присягу „только на старообрядческомъ Рогожскомъ кладбищѣ“. Тогда правительствующій сенатъ это дѣло передалъ на разрѣшеніе Св. Синода. Между тѣмъ московскій митрополитъ Филаретъ представилъ при донесеніи Св. Синоду полученное имъ отъ тамошняго купца Адріана Озерского письмо, съ изъясненіемъ, что, въ случаѣ допущенія купца Корчагина къ принятію очистительной присяги на Рогожскомъ кладбищѣ, чрезъ раскольническаго попа, надлежитъ опасаться большаго соблазна, такъ какъ обстоятельства разсматриваемаго дѣла уже обратили вниманіе многихъ. Послѣдовавшимъ указомъ Св. Синода отъ 10 марта 1834 года на имя московскаго митрополита было предписано, „чтобы касательно приведенія, по требованію свѣтскаго правительства, къ очистительной присягѣ, состоящаго въ расколѣ, московскаго купца Козьмы Корчагина было поступлено согласно съ указомъ отъ 15 марта 1725 г., которымъ велѣно *приводить и раскольниковъ къ присягѣ въ тѣхъ же церквахъ, гдѣ прочіе присягаютъ*“ [1]). Въ 1836 году циркуляромъ министерства внутреннихъ дѣлъ было распубликовано Высочайшее повелѣніе о приводѣ раскольниковъ къ очистительной присягѣ въ православной церкви, „*преимущественно* употребляя для того старопечатное евангеліе и стариннаго устроенія крестъ, къ коимъ раскольники оказываютъ болѣе благоговѣнія“ [2]). Этого же порядка было Высочайше повелѣно держаться и при приведеніи раскольниковъ къ свидѣтельской присягѣ по военно-суднымъ и слѣдственнымъ дѣламъ, какъ между собою, такъ и противъ не христіанъ [3]). Въ 1854 году такое же буквально

[1]) Собр. пост. по ч. раск., по в. Св. Син. II, стр. 268—270.

[2]) Собр. пост. по ч. раск., по м. вн. д., стр. 157, пост. 17 января.

[3]) Тамъ же, стр. 243—244 и 451, пост. 3 ноября 1838 г. и 15 мая 1852 г.

постановленіе относительно приведенія раскольниковъ къ очистительной и свидѣтельской присягѣ состоялось и по вѣдомству Св. Синода [1]).

Кромѣ разсмотрѣнныхъ нами должностей, положеній и званій, раскольники не могли быть еще опекунами [2]), кураторами и ассистентами по дѣламъ и имуществамъ лицъ православнаго исповѣданія [3]).

Въ 1847 году (25 октября) вышло Высочайшее повелѣніе, которымъ предписывалось, „чтобы раскольники всѣхъ вообще толковъ ни въ какомъ случаѣ не могли пріобрѣтать въ остзейскихъ губерніяхъ ни въ потомственную собственность, ни во временное владѣніе никакихъ населенныхъ имѣній или земель, на коихъ существуетъ или можетъ существовать населеніе“ [4]).

Исходя изъ той мысли, что „основаніемъ воспитанія юношей должны быть истинныя правила религіи“, правительство воспретило выдавать раскольникамъ, какъ находящимся въ религіозномъ заблужденіи, свидѣтельства на право обученія дѣтей. Во избѣжаніе какихъ либо съ ихъ стороны обмановъ, всѣ, желающіе получить означенное свидѣтельство, въ числѣ другихъ своихъ документовъ должны были предъявлять учебному начальству удостовѣреніе о своемъ вѣроисповѣданіи [5]). „Для вящшаго предупрежденія всякихъ запрещенныхъ закономъ неприличныхъ изображеній на иконахъ“, раскольникамъ (всѣхъ сектъ) воспрещено было записываться въ иконописные чехи, а записанныхъ, по невѣдѣнію или обманомъ, повелѣно было немедленно исключать, подвергая послѣднихъ кромѣ того наказа-

[1]) Собр. пост. по ч. раск. по вѣд. Свят. Синод. II, стр. 555—556, пост. 11 февраля.

[2]) Собр. пост. по ч. раск., по в. м. вн. д., стр. 336—337 и 386—387, пост. 10 окт. 1843 и 25 окт. 1847 г. пун. 2-й.

[3]) Тамъ же, стр. 450, пост. 15 мая 1852 г.

[4]) Собр. пост. по ч. раск., стр. 390.

[5]) Тамъ же, стр. 269—270, 342—343, пост. 28 ноября 1831 г. и 8 янв. 1844 г.

нію, опредѣленному законами за ложное показаніе предъ судомъ [1]). Принимать раскольниковъ въ купеческія гильдіи дозволено было только на „временномъ правѣ“ [2]).

Выдача раскольникамъ паспортовъ на отлучки также была ограничена [3]), а за границу и совсѣмъ воспрещена [4]). Въ свою очередь и заграничные раскольники не допускались въ Россію [5]). Обнаруживаемые заграничные выходцы изъ раскольниковъ подвергались обычно обратной высылкѣ [6]), а если они не были иностранными подданными и принадлежали къ вреднѣйшимъ сектамъ, то ссылались за Кавказъ [7]).

Раскольники вредныхъ сектъ лишены были права нанимать за себя въ рекруты кого-либо не только изъ православныхъ, но и вообще изъ „не принадлежащихъ къ симъ сектамъ“, а могли отбывать военную службу чрезъ охотниковъ „только изъ среды себя“ [8]); относительно же раскольниковъ г. Риги было постановлено, чтобы они „отправляли рекрутскую повинность не иначе, какъ лично“ [9]).

Наконецъ, кромѣ установленныхъ общими законами податей и повинностей, раскольники были обложены еще особыми денежными сборами [10]). По Высо-

---

1) Тамъ же, стр. 348—349, пост. 5 янв. 1845 г.

2) Тамъ же, стр. 472, пост. 10 іюня 1853 г.

3) Тамъ же, стр. 326, постан. 27 марта 1843 г.

4) Тамъ же, стр. 356, пост. 14 апрѣля 1845 г.

5) Тамъ же, стр. 103—104 и 132—133, пост. августа 1830 г. и 18 сентября 1834 г.

6) Тамъ же, стр. 364, пост. 15 января 1847 г.

7) Тамъ же, стр. 408—409, пост. 20 ноября 1849 г.

8) Тамъ же, стр. 340 и 462 пост. 24 декабря 1843 г. и 19 января 1853 г.

9) Тамъ же, стр. 387, пост. 25 октября 1847 г. п. 3.

10) *Особыми* эти сборы были лишь въ томъ смыслѣ, что они не взимались съ православныхъ. Но для раскольниковъ они не были *особыми* въ строгомъ смыслѣ, такъ какъ они устанавливались взамѣнъ тѣхъ повинностей, отъ которыхъ

чайше утвержденному 6 ноября 1844 года штату городового положенія, въ Солецкомъ посадѣ Псковской губерніи, на жалованье должностнымъ лицамъ назначено было 4200 руб. въ годъ, съ тѣмъ, чтобы сборъ этой суммы производимъ былъ съ раскольниковъ означеннаго посада, которые по закону не участвовали въ отправленіи общественныхъ службъ [1]). Съ совершеннымъ устраненіемъ раскольниковъ отъ отбыванія общественной повинности личною службою этотъ денежный сборъ на содержаніе должностныхъ лицъ былъ распространенъ и на другія мѣста. Особый секретный комитетъ постановилъ, чтобы въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ раскольники составляютъ не менѣе четвертой части народонаселенія, жалованье должностнымъ лицамъ, для уравненія повинностей, производилось изъ сбора съ раскольниковъ на томъ же основаніи, на какомъ оно введено было въ Солецкомъ посадѣ (съ купеческихъ капиталовъ 1-й и 2-й гильдіи по 4%, 3-й гильдіи по 2%, а съ мѣщанъ по 2 рубля съ ревизской души [2]).

раскольники освобождались и которыя отбывали за нихъ православные. Эти сборы служили, такимъ образомъ, лишь для *уравненія повинностей* и были лишь требованіемъ *справедливости* (Собр. постан. по ч. раск., стр. 471; Сборн. Кельсіева, вып. II, стр. 195).

1) Собр. пост. по ч. раск., стр. 391.

2) Тамъ же, стр. 471, постан. 10 іюня 1853 г. Въ войскѣ Донскомъ вознагражденіе православнымъ, отправляющимъ за раскольниковъ общественныя должности, производилось на слѣдующемъ основаніи: 1) въ тѣхъ станицахъ, общества которыхъ состоятъ, большею частію, изъ раскольниковъ, или гдѣ вовсе не будетъ православныхъ, избираемымъ въ оныя изъ другихъ станицъ атаманамъ и судьямъ, кромѣ предоставляемыхъ имъ, на основаніи 148 и 156 ст. XII т., Св. зак. гражд. уст. о благоустр. въ казач. сел., изд. 1842 г., поземельныхъ и другихъ орудій въ мѣстахъ жительства, назначается и въ тѣхъ станицахъ, въ которыхъ они будутъ отправлять должности за раскольниковъ: атаману штабъ-офицерскаго чина по 6-ти, а нижнимъ чинамъ по 4; судьямъ же по 2 пая. Вознагражденіе это производится соб-

Сверхъ того, особый секретный комитетъ, выходя изъ того соображенія, что сооруженіе и поддержаніе церквей (православныхъ) составляетъ важнѣйшую общественную потребность, которая удовлетворяется пожертвованіями и усердіемъ прихожанъ, находилъ *справедливымъ*, чтобы и раскольники помогали также данной общественной потребности и вносили бы по 1 р. с. съ ревизской души въ пользу приходской церкви съ тѣмъ, чтобы этотъ сборъ производился полиціею, безъ всякаго участія духовенства, но съ объявленіемъ, что онъ производится въ пользу церкви [1]. Впрочемъ, это послѣднее постановленіе, хотя и было утверждено Государемъ, но въ исполненіе приведено не было [2].

ственно изъ тѣхъ участковъ, какіе будутъ доставаться на часть раскольниковъ. Сверхъ того атаману и судьямъ, отправляющимъ должности за раскольниковъ, отводятся отъ станицы квартиры и производится установленное штатомъ жалованье. 2) Въ станицахъ, гдѣ общества состоятъ изъ православныхъ и раскольниковъ, или гдѣ число раскольниковъ, хотя и превышаетъ число православныхъ, но правители будутъ избраны изъ лицъ православнаго исповѣданія, станичнымъ правителямъ, сверхъ слѣдующихъ по общему положенію паевъ, даются оные изъ участковъ раскольничьихъ: атаману штабъ-офицерскаго чина по 4, оберъ-офицерскаго по 3, нижнимъ чинамъ по 2, а судьямъ по одному паю. 3) Въ станицахъ, гдѣ общества состоятъ изъ большаго числа православныхъ и, слѣдовательно, станичные правители могутъ быть избираемы изъ нихъ же безъ всякаго затрудненія, атаманамъ и судьямъ никакого особаго вознагражденія не предоставляется; и 4) Такое же пособіе, наравнѣ съ станичными судьями, предоставляется и писарямъ, которые изъ другихъ станицъ будутъ опредѣлены въ станицы, населенныя раскольниками. Вообще однакожъ такое пособіе станичнымъ правителямъ дается въ томъ только случаѣ, если въ станицѣ будетъ православныхъ менѣе двухъ третей всего общества; если же православныхъ будетъ двѣ трети или болѣе, то означенное пособіе не производится (Собр. пост. по ч. раск., по вѣд. Св. Сунода, II, стр. 394—495; пост. 26 января 1844 г.).

[1]) Тамъ же.

[2]) Русск. Вѣстн. 1868 г. II, стр. 403 (въ примѣч.).

III.

Семейное положеніе раскольниковъ. Семейное положеніе раскольниковъ въ предшествующее время и въ началѣ царствованія Николая I. Измѣненіе въ положеніи съ половины 30-хъ годовъ. Ограниченія: а) замѣна метрическихъ книгъ полицейскими списками, б) лишеніе права на усыновленіе, в) отрицаніе раскольнической семьи. Невыдержанность отрицанія по отношенію къ поповцамъ. Исключеніе изъ общаго положенія уральскихъ казаковъ. Цѣль семейственныхъ ограниченій и ихъ государственная аномалія.

Во время предшествующихъ царствованій Екатерины II и Александра I вопросъ о правовомъ положеніи раскольнической семьи не получилъ яснаго и опредѣленнаго разрѣшенія. Сколько по началамъ терпимости, столько же и по вполнѣ понятнымъ требованіямъ государственныхъ интересовъ и жизни, правительство этихъ царствованій дѣлало распоряженія, граничащія съ признаніемъ раскольническаго брака терпимымъ съ этической и законнымъ съ гражданской точекъ зрѣнія. Такъ, указомъ 3 марта 1764 года повелѣвалось, чтобы раскольники, при подачѣ о себѣ ревизскихъ сказокъ, „въ тѣхъ сказкахъ писали всѣхъ, какъ мужескій, такъ и женскій полъ по семейству своему, какого бы они званія ни были безъ малѣйшей утайки“ [1]). Въ концѣ XVIII и началѣ XIX вѣка для записи раскольническихъ браковъ при московской Покровской часовнѣ велась особая „Брачная книга“, и записанные въ эту книгу, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыми властями признавались за законныхъ супруговъ [2]). Указомъ

---

[1]) Полн. собран. законовъ т. XVI, № 12067.

[2]) Нильскій. Семейн. жизнь въ р. расколѣ I, стр. 219. 379.

12 августа 1805 года полиціи предписывалась вести метрическія книги раскольниковъ, именуя эти книги, во избѣжаніе соблазна „невѣжествующихъ сихъ людей“ „списками о родившихся, бракомъ сочетавшихся и умершихъ“ [1]). Правилами же 26 марта 1822 года бѣглымъ попамъ и самимъ предоставлялось право на веденіе метрическихъ книгъ [2]), а это, по собственному разъясненію правительства, уже значило, что, „признавались законныя требы, совершенныя тѣми попами“ [3]). Однако и либеральное правительство Екатерининскаго и Александровскаго времени не могло совершенно отрѣшиться отъ отрицательнаго церковнаго взгляда на раскольническій бракъ, какъ „любодѣйное сопряженіе“, и потому, съ одной стороны, оно не рѣшалось перевести своихъ снисходительныхъ распоряженій въ положительное узаконеніе, а съ другой, оставляло въ силѣ совершенно противоположныя имъ распоряженія и дѣйствія церковной власти. Церковная власть съ своей точки зрѣнія считала, понятно, раскольническіе браки не дѣйствительными: „по требованію мѣстнаго духовнаго начальства“ они подвергались расторженію, и сами раскольники постоянно требовались „для отвѣта“ по дѣламъ о бракахъ, съ передачей ихъ „за блудное сожитіе“ суду гражданскому [4]). Такимъ образомъ въ результатѣ по данному вопросу въ дѣйствіяхъ предшествующаго правительства получалась крайняя запутанность и неопредѣленность: выходило, что правительство раскольническій бракъ какъ будто признавало и отрицало, терпѣло и преслѣдовало.

---

1) Собр. пост. по ч. раск., стр. 31—33.

2) Тамъ же, стр. 69.

3) Тамъ же, стр. 473, пост. 10 іюня 1853 г.

4) Собр. пост. по ч. раск. по вѣд. Св. Синода II, стр. 77—78, пост. $\frac{\text{мая 20}}{\text{іюня 10}}$ 1808 г., стр. 97—98, пост. 26 августа 1814 г., стр. 133—134, пост. $\frac{\text{іюня 10}}{\text{іюля 24}}$; 174—175, $\frac{\text{августа 11}}{\text{сентября 16}}$ 1824 г.; по вѣд. мин. вн. д., стр. 84, пост. 13 февр. 1826 г.

Въ положеніи той же невыясненности, неопредѣленности и несогласованности дѣйствующихъ распоряженій вопросъ о раскольнической семьѣ оставался первоначально и при императорѣ Николаѣ I. Въ своемъ принципіальномъ воззрѣніи на раскольническій бракъ Николаевское правительство съ самаго же начала заявило о своей полной солидарности съ церковной отрицательной точкой зрѣнія. Въ сенатскомъ указѣ 19 іюля 1827 года распубликовано было „для единообразнаго и повсемѣстнаго исполненія“ одно изъ прежнихъ синодскихъ распоряженій, по которому браки, вѣнчанные „внѣ церкви, въ домахъ и часовняхъ и неизвѣстными бродягами,... не могутъ признаны быть за браки законные, а за сопряженія любодѣйныя“ и, какъ „таковыя преступленія“, „подлежатъ суду гражданскому“ [1]). Переводя этотъ взглядъ въ свои распоряженія, правительство отрицаетъ за раскольниками право на формальный разводъ. На возбужденное отставнымъ канцеляристомъ Карташевымъ дѣло о разводѣ его съ женою, вѣнчанною съ нимъ, „по обряду поморской секты“, 16 мая 1836 года послѣдовало такое Высочайшее повелѣніе: „дѣло оставить безъ дальнѣйшаго производства, ибо когда не было правильнаго брака, то нѣтъ мѣста разсуждать и о разводѣ“ [2]). Если одинъ изъ супруговъ-раскольниковъ присоединялся къ церкви, а другой оставался въ расколѣ и не желалъ освятить супружество „вѣнчаніемъ въ церкви по чиноположенію“, то присоединившемуся церковной властью разрѣшалось вступить въ новый *законный* бракъ съ православнымъ безпрепятственнымъ лицемъ [3]), и солидарная съ нею гра-

---

1) Собр. пост. по ч. раск., стр. 93.

2) Тамъ же, стр. 171.

3) Собр. пост. по ч. раск. по вѣд. Св. Син. II, стр. 368—370, пост. 31 окт. 1839 г. стр. 531—532. п. $\frac{\text{іюня 24}}{\text{іюля 16}}$ 1853 г.

жданская власть съ своей стороны вполнѣ раздѣляла справедливость такихъ распоряженій [1]). Но, съ другой стороны, среди дѣйствующихъ распоряженій перваго времени мы видимъ и такія, которыя съ отрицательнымъ взглядомъ на раскольническій бракъ, какъ „любодѣйное сопряженіе" уже вовсе не гармонировали. На вопросъ, возбужденный московскимъ губернскимъ правленіемъ: слѣдуетъ-ли обнародованный 19 іюля 1827 года синодальный указъ „о непризнаваніи раскольническихъ браковъ за законные распространять на прошедшее время?" Государственный Совѣтъ Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ разъяснилъ, что указъ „не простирается на раскольническіе браки вообще" [2]). И когда въ 1834 году въ донской войсковой концеляріи возникло затрудненіе, какъ считать дѣтей свободной казачки и крѣпостного крестьянина, вѣнчанныхъ „въ простомъ домѣ неизвѣстнымъ иргизскимъ попомъ"— свободными или крѣпостными, то комитетъ министровъ, выходя, между прочимъ, изъ даннаго разъясненія, Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ положилъ: „дѣти должны оставаться крѣпкими помѣщику по отцѣ", т. е. раскольническій бракъ признанъ былъ дѣйствительнымъ, такъ какъ рожденныя отъ него дѣти пріобрѣтали права отца[3]). При 8-й народной переписи въ 1833 году какъ жены поповцевъ, такъ равно и „сожительницы раскольниковъ безпоповщинской секты, даже ѳедосѣевской показаны были въ семействахъ мужей своихъ женами ихъ" [4]). Разрѣшеніе бѣглымъ попамъ вести метрическія книги внесено было въ сводъ законовъ 1832 г. (т. XIV, ст. 51), получивъ, такимъ образомъ, значеніе коренного государственнаго закона.

---

[1]) Собр. пост. по ч. раск., стр. 256—257, пост. 17 февр. 1839 г.

[2]) Собр. пост. по ч. раск., стр. 97—98, пост. 10 декабря 1828 г.

[3]) Тамъ же, стр. 126—127, пост. 27 февр. 1834 г.

[4]) Нильскій. Семейн. жизнь въ р. расколѣ II, стр. 14—15.

Такая нерѣшительность и двойственность въ отношеніяхъ къ одному и тому же вопросу, обусловленная, видимо, разнообразными побужденіями и неодинаковой точкой зрѣнія на предметъ, ставила подчасъ само правительство въ крайне затруднительное положеніе, такъ что, вмѣсто категорическихъ отвѣтовъ, оно поневолѣ вынуждалось ограничиваться лишь указаніемъ ихъ „неудобства". Въ данномъ отношеніи любопытно по своему содержанію и исходу слѣдующее дѣло. Присоединившійся изъ раскола къ единовѣрію нижегородскій мѣщанинъ Хвальковскій обратился къ духовному начальству съ просьбою о разрѣшеніи вступить ему въ бракъ, такъ какъ бывшая жена его по расколу оставила его. Нижегородская духовная консисторія, признавая брачное сожитіе просителя въ расколѣ „блуднымъ", удовлетворила его просьбу, дѣло же о дѣтяхъ и о преданіи суду его „женки" предоставила разсмотрѣнію губернскаго правленія. Не имѣя опредѣленныхъ руководительныхъ указаній въ существующихъ распоряженіяхъ, нижегородскій губернаторъ и обратился въ министерство внутреннихъ дѣлъ съ вопросомъ: „какъ поступать съ дѣтьми тѣхъ раскольниковъ, кои, при вступленіи въ другой законный бракъ, объявляютъ ихъ незаконнорожденными?" Дѣло доложено было Государю. Государь, „находя неудобнымъ изъ частнаго случая выводитъ общій вопросъ", повелѣлъ „оставить означенное дѣло безъ послѣдствій и за рѣшеніемъ духовной консисторіи считать оное оконченнымъ" [1]).

Только съ половины 30-хъ годовъ отношеніе правительства къ семейственному вопросу въ расколѣ стало постепенно опредѣляться. Послѣ 10-ти лѣтнихъ колебаній, по связи съ общимъ направленіемъ и духомъ своихъ распоряженій, правительство и въ данномъ вопросѣ рѣшило вступить на путь ограниченій, направляя

---

[1]) Собр. пост. по ч. раск., стр. 256—257, пост. 17 февр. 1839 г.

ихъ къ возможно полному согласованію своихъ отрицательныхъ воззрѣній съ дѣйствующей практикой. Началось съ ограниченій формальнаго характера.

„Дабы не подать раскольникамъ повода мыслить, что ихъ беззаконная жизнь облекается въ законную форму предъ гражданскимъ судомъ подобно православнымъ, пользующимся тѣмъ посредствомъ метрикъ“, правительство замѣнило для нихъ метрическія книги простыми полицейскими списками лишь „для ихъ численности“ [1]. Первое распоряженіе въ этомъ смыслѣ, какъ мы уже видѣли, сдѣлано было еще при Александрѣ I—о безпоповцахъ Преображенскаго кладбища. Въ 1-мъ пунктѣ правилъ 24 марта 1823 года было сказано: „метрическихъ книгъ по Преображенскому богадѣленному дому не заводить...., а завести подъ вѣдомствомъ полиціи списки всѣхъ живущихъ въ домѣ“ [2]. При императорѣ Николаѣ I подобное распоряженіе сдѣлано было сначала о рижскихъ безпоповцахъ. Высочайшимъ повелѣніемъ 29 января 1834 года рижскому военному губернатору для зависящаго отъ него распоряженія предписывалось: „а) шнуровыхъ метрическихъ книгъ больше самимъ раскольникамъ не выдавать и б) для записки рождаемыхъ и умершихъ раскольниковъ вести особую книгу въ полиціи“ [3]. Но черезъ два года, по поводу выданныхъ безпоповцамъ Солецкаго посада, по распоряженію губернатора, изъ мѣстной полиціи книгъ „за скрѣпою и печатью“ „для вписыванія въ оныя всѣхъ семействъ ихъ—рождающихся, умирающихъ и бракомъ сочетавающихся“, это распоряженіе повторилось снова, съ распространеніемъ дѣйствія его уже на всѣхъ безпоповцевъ [4]. За безпоповцами тому-же ограниченію подверглись и поповцы—и также сначала мо-

[1]) Собр. пост. по ч. раск., стр. 286, пост. 11 апр. 1840 г.

[2]) Собр. пост. по ч. раск., стр. 71.

[3]) Тамъ же, стр. 124.

[4]) Тамъ же, стр. 158, пост. 17 янв. 1836 г.

сковскіе. Послѣ того, какъ въ 1834 году старшинамъ Рогожскаго кладбища воспрещено было выдавать свидѣтельства о духовныхъ требахъ [1], жены и дѣти московскихъ поповцевъ наравнѣ съ безпоповщинскими, согласно Высочайше одобреннымъ распоряженіямъ московскаго секретнаго комитета, стали вноситься въ полицейскія книги и на основаніи этихъ книгъ выдавались для нихъ нужныя (для причисленія къ семействамъ) свидѣтельства. Веденіе же поповцами собственныхъ метрическихъ книгъ и выдача по нимъ свидѣтельствъ комитетомъ были отмѣнены, какъ могущія „давать расколу видъ законности и чрезъ то служитъ къ его укрѣпленію“ [2]. Новымъ порядкомъ московскіе поповцы остались недовольны; тѣмъ болѣе, что онъ находился въ прямомъ противорѣчіи съ основнымъ закономъ. 51 ст. XIV т. Св. Зак. раскольническимъ священникамъ предоставляла право вести метрическія книги. Опираясь на эту статью, московскіе поповцы возбудили предъ правительствомъ рядъ ходатайствъ о томъ, чтобы имъ опять предоставлено было „право выдавать самимъ свидѣтельства, какъ о рождающихся и умирающихъ, такъ равно и совершаемыхъ бракахъ“ [3]. Тогда, какъ бы въ отвѣтъ на эти ходатайства, въ смыслѣ приведенныхъ сепаратныхъ распоряженій послѣдовало уже измѣненіе самаго закона. Въ новой редакціи 51 статья касалась уже всѣхъ раскольниковъ и гласила слѣдующее: „мѣстныя полиціи (городскія, земскія и сельскія по принадлежности) обязаны вести именные списки о рождающихся и умирающихъ раскольникахъ и вообще о числѣ ихъ представлять вѣдомости ежегодно гражданскому начальству“ [4].

[1]) Собр. пост. по ч. раск., стр. 126, пост. 29 янв. п. II.

[2]) Тамъ же, стр. 203—204 и 208, пост. 4 апр. и 18 іюня 1837 г.

[3]) Тамъ же, стр. 204.

[4]) Тамъ же, стр. 263, пост. 5 мая 1839 г.

Именные полицейскіе списки, замѣнившіе для раскольниковъ метрическія книги, не могли уже имѣть той юридической силы, какъ эти послѣднія. О бракахъ раскольниковъ въ нихъ совсѣмъ не упоминалось, чтобы не дать имъ „вида законности" [1]). и дѣти, по нимъ къ семействамъ раскольниковъ причисленныя. не могли вводиться „во всѣ права. законнымъ дѣтямъ предоставленныя" [2]). Въ новой редакціи 51 ст. XIV т. Св. Зак. принята была. по Высочайшему указанію, „къ руководству для веденія числимости о раскольникахъ" [3]). Отсюда формальное ограниченіе семейственныхъ правъ раскольниковъ естественно повлекло за собою ихъ ограниченіе и по существу.

Какъ не имѣющіе съ правительственной точки зрѣнія *законной* семьи. раскольники лишены были права на усыновленіе, хотя бы усыновитель и усыновляемый не только принадлежали къ одному сословію и раскольническому толку, но даже были близкіе родственники. Такъ ржевскій купеческій сынъ Мясниковъ-поповецъ просилъ объ усыновленіи „съ передачею своей фамиліи" своего воспитанника „купеческаго-же сына Николая Дьякова, состоящаго въ расколѣ той же секты". На просьбу послѣдовалъ отрицательный отвѣтъ съ такимъ разъясненіемъ, что „изложенныя въ Св. Зак. постановленія о дозволеніи купцамъ усыновлять ихъ воспитанниковъ и вводить таковыхъ во всѣ права, законнымъ дѣтямъ предоставленныя, не относятся къ раскольникамъ, ибо браки ихъ не освящаются св. церковью и дѣти ихъ не принимаютъ св. крещенія по обрядамъ оной, а причисляются къ ихъ семействамъ только по полицейскимъ спискамъ" [4]). Въ другой разъ бѣлицкій 2-й гильдій купецъ Рыкуловъ—раскольникъ

[1]) Собр. пост. по ч. раск., стр. 208, пост. 18 іюня 1837 г.

[2]) Тамъ же, стр. 401, пост. 28 января 1849 г.

[3]) Тамъ же, стр. 263, пост. 5 мая 1839 г.

[4]) Тамъ же, стр. 401, пост. 28 янв. 1849 г.

просилъ объ усыновленіи своего родного племянника. Просьба также не была удовлетворена [1]).

Отрицаніе самой семьи у раскольниковъ началось съ безпоповцевъ. 28 ноября 1839 года для пермской и тобольской губерній издано было Высочайшее распоряженіе, чтобы „сведенныхъ", т. е. состоящихъ въ безсвященнословномъ бракѣ „не признавать супругами" [2]). Данное первоначально для двухъ губерній это распоряженіе стало примѣняться потомъ еще въ двухъ—оренбургской и вятской [3]). Въ половинѣ 40-хъ годовъ московской казенной палатой возбужденъ былъ вопросъ, давшій правительству поводъ въ томъ же отрицательномъ смыслѣ только еще съ большею рѣшительностью высказаться о московскихъ безпоповцахъ. Вопросъ такого содержанія: „могутъ-ли выдаваемыя раскольникамъ изъ полиціи свидѣтельства служить, вмѣсто метрикъ, основаніемъ при причисленіи къ семействамъ женъ и дѣтей ихъ"? Московскій секретный комитетъ далъ о безпоповцахъ Преображенскаго кладбища слѣдующее отрицательное заключеніе: „что до раскольниковъ Преображенскаго кладбища (безпоповской секты), кои бракъ вовсе отвергаютъ и имѣютъ дѣтей, только прижитыхъ внѣ брака, то сіи послѣднія, на основаніи полицейскихъ свидѣтельствъ, должны причисляться къ семействамъ раскольниковъ, какъ *незаконнорожденныя*, а матери ихъ, по случаю отверженія ими брака, *женами* раскольниковъ Преображенской секты *записываться не могутъ*". Государь Императоръ нашелъ заключеніе комитета „правильнымъ" и самъ лично положилъ начало его практическому примѣненію. На доложенное ему одновременно ходатайство московскаго мѣщанина Андрея Сорокина о зачисленіи къ нему въ семейство его сожительницы по расколу и прижитыхъ съ нею дѣтей

[1]) Собр. пост. по ч. раск., стр. 451, пост. 15 мая 1852 г.

[2]) Тамъ же, стр. 270.

[3]) Тамъ же, стр. 290, пост. 21 ноября 1840 г.

онъ Высочайше повелѣть соизволилъ: „мѣщанину Андрею Сорокину, какъ принадлежащему къ безпоповщинской сектѣ, въ просьбѣ его отказать“ [1]). Въ слѣдующемъ году рижскій генералъ-губернаторъ представилъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ особую записку, гдѣ въ числѣ другихъ мѣръ, „для достиженія благодѣтельной цѣли искорененія раскола въ г. Ригѣ“, онъ предлагалъ „непризнаваніе женщинъ, живущихъ съ раскольниками по вѣнчальному ихъ обряду или вовсе безъ вѣнца, и дѣтей, отъ нихъ рожденныхъ,—женами и дѣтьми тѣхъ раскольниковъ, неприписку оныхъ къ ихъ семействамъ и неозначеніе въ выдаваемыхъ паспортахъ ихъ женами и дѣтьми“. Отвѣтомъ на данное предложеніе было распространеніе на рижскихъ безпоповцевъ распоряженія о безпоповцахъ московскихъ [2]). Одновременно „подобныя предположенія“ стали возникать и по другимъ губерніямъ, такъ что со стороны правительства потребовалось уже „окончательное разрѣшеніе сего дѣла“, послѣдовавшее въ 1850 году при 9-й народной переписи. На вопросъ начальниковъ губерній: „какимъ образомъ слѣдуетъ записывать въ ревизскія сказки женщинъ, вступившихъ съ раскольниками въ браки по обрядамъ ихъ сектъ, и дѣтей, прижитыхъ въ таковыхъ бракахъ?“—о безпоповцахъ дано было слѣдующее уже общее распоряженіе: „въ отношеніи раскольниковъ безпоповщинской секты, кои бракъ вовсе отвергаютъ и имѣютъ дѣтей, прижитыхъ внѣ брака, то таковыхъ дѣтей, на основаніи полицейскихъ свидѣтельствъ или обывательскихъ книгъ, показывать по ревизіи въ семействахъ *незаконнорожденными*, а матерей ихъ, по случаю отверженія ими брака, *женами* раскольниковъ безпоповщинской секты *не записывать*, но вносить въ списки тѣхъ семействъ, къ которымъ онѣ принадлежатъ по рожденію“ [3]). Сила этого распо-

---

[1]) Собр. пост. по ч. раск., стр. 361—362, пост. 8 дек. 1846 г.

[2]) Тамъ же, стр. 386, пост. 25 окт. 1847 г. п. I-й.

[3]) Тамъ же, стр. 428, пост. 10 іюня 1850 г.

ряженія распространялась и на „тѣхъ сожительницъ раскольниковъ безпоповщинской секты, которыя по 8-й ревизіи были показаны въ семействахъ названныхъ мужей своихъ женами ихъ“. Высочайшимъ указомъ 8 декабря 1850 года повелѣвалось: „всѣхъ женщинъ, блудно живущихъ съ раскольниками безпоповщинскаго толка, какъ бы ни были онѣ показаны по 8 ревизіи, вносить въ сказки 9-й переписи на точномъ основаніи повелѣнія 10 іюля 1850 года“ [1]).

Такимъ образомъ, въ итогѣ своихъ распоряженій о безпоповщинскихъ бракахъ правительство пришло не только къ отрицанію у безпоповцевъ всякихъ семейныхъ связей, но и къ оффиціальному отверженію самаго факта сожительства супруговъ-безпоповцевъ. Не рѣшилось оно лишь приступить насильственнымъ образомъ къ дѣйствительному ихъ разлученію, находя, что это „вдругъ потрясло-бы многія семейства и было-бы несообразно съ цѣлію кроткаго вразумленія“ [2]). И когда послѣ постановленія 10 іюня 1850 года возникъ вполнѣ естественный вопросъ: „гдѣ должны проживать жены и дѣти раскольниковъ безпоповщинской секты?“—то послѣдовало такое его рѣшеніе: „дѣтямъ безпоповщинскихъ раскольниковъ и женщинамъ, состоящимъ въ безбрачномъ съ ними сожитіи, разрѣшить оставаться по прежнему при семействахъ означенныхъ сектаторовъ“, при томъ только новомъ условіи, чтобы паспорты на отлучки сожительницы безпоповцевъ брали отъ начальствъ уже по мѣсту своей записи [3]).

Въ отрицаніи семьи у поповцевъ правительство было уже не такъ рѣшительно и послѣдовательно. О поповщинскихъ бракахъ заявлялось, что хотя они „не признаются законными, однакожъ остаются терпимыми въ отношеніи гражданскомъ“ [4]). Но объявивъ ихъ „тер-

---

[1]) Собр. пост. по ч. раск., стр. 437.

[2]) Тамъ же, стр. 284, пост. 11 апрѣля 1840 г.

[3]) Тамъ же, стр. 437—438, пост. 8 дек. 1850 г.

[4]) Тамъ же, стр. 208, пост. 18 іюня 1837 г.

пимыми“, правительство фактически долгое время не измѣняло ихъ положенія и предъ закономъ. Такъ, полицейскія свидѣтельства, утратившія всякое значеніе для безпоповцевъ, для поповцевъ продолжали служить почти до самаго конца царствованія Николая I, „вмѣсто метрикъ, основаніемъ при причисленіи къ семействамъ женъ ихъ и дѣтей“. На вышеприведенный вопросъ московской казенной палаты о значеніи полицейскихъ свидѣтельствъ въ вопросѣ о семейномъ положеніи раскольниковъ, давшій отрицательный отвѣтъ о безпоповцахъ московскій секретный комитетъ о поповцахъ отвѣтилъ утвердительно: „при причисленіи къ семействамъ женъ и дѣтей раскольниковъ Рогожскаго кладбища (поповской секты) руководствоваться полицейскими свидѣтельствами“ [1]). Также и при 9-й ревизіи повелѣвалось: „женъ и дѣтей раскольниковъ, пріемлющихъ священство показывать таковыми въ ревизскихъ сказкахъ, на основаніи полицейскихъ свидѣтельствъ или обывательскихъ книгъ, не требуя въ семъ случаѣ другихъ доказательствъ о дѣйствительности браковъ тѣхъ женщинъ и о законности происхожденія дѣтей ихъ“ [2]). Существенное измѣненіе въ правовомъ положеніи поповщинскихъ браковъ произошло только въ 1853 году, благодаря постановленію особаго секретнаго комитета. Подчиняя раскольниковъ дѣйствію общихъ государственныхъ законовъ, комитетъ, между прочимъ, постановилъ „въ случаяхъ дѣлъ о бракахъ и дѣтяхъ раскольниковъ“, требовать и отъ нихъ, на общемъ основаніи, представленія метрическихъ свидѣтельствъ, сообщая послѣднія для удостовѣренія ихъ дѣйствительности на предварительное разсмотрѣніе епархіальнаго начальства [3]). А такъ какъ раскольники, не исключая и поповцевъ, мог-

---

[1]) Собр. пост. по ч. раск., стр. 361—362, пост. 8 дек. 1846 г.

[2]) Тамъ же, стр. 428, пост. 10 іюня 1850 г.

[3]) Тамъ же, стр. 473—474, пост. 10 іюня 1853 г.

ли представить требуемыя свидѣтельства только при условіи повѣнчанія своихъ браковъ въ церкви [1]), то, такимъ образомъ, и поповщинскіе браки, послѣ означеннаго распоряженія, утрачивали предъ закономъ всякое значеніе.

Нельзя однако не замѣтить, что и послѣ даннаго распоряженія, уравнивающаго предъ закономъ семейное положеніе всѣхъ раскольниковъ, отрицаніе поповщинскихъ браковъ фактически все-же не доведено было до тѣхъ крайнихъ и рѣшительныхъ выводовъ, какъ отрицаніе сводныхъ сожительствъ безпоповцевъ. Въ то время, какъ семейные безпоповцы всѣ безъ изъятія объявлены были отвергающими бракъ [2]) и блудно живущими, ихъ дѣти показаны въ полицейскихъ спискахъ и ревизскихъ сказкахъ незаконнорожденными, а жены—дѣвицами въ семействахъ по происхожденію, жены и дѣти поповцевъ продолжали значиться подъ этими именами по указаннымъ записямъ, хотя и лишались соединенныхъ съ симъ положеніемъ юридическихъ правъ. Мало того. Сводные браки объявлялись преступленіемъ на ряду съ „развратомъ“ и подверглись уголовному преслѣдованію: совершители ихъ стали караться, какъ совратители, а участники отдаваться „въ рекруты въ зачетъ по наборамъ“ [3]). Между тѣмъ поповцы только стѣснены были въ свободѣ совершенія своихъ браковъ. Такъ бѣглымъ попамъ, проживающимъ при часовняхъ въ г. Ростовѣ и посадѣ Дубовскомъ, „подъ благовиднымъ предлогомъ“ воспрещалось вѣн-

---

[1]) Собр. пост. по ч. раск. по в. Св. Син. II, стр. 387—388, пост. 25 мая 1842 г.

[2]) Тогда какъ прежде само правительство различало между безпоповцами пріемлющихъ браки (Собр. пост. по ч. раск., стр. 62, пост. 27 мая 1820 г.; стр. 194—195, пост. 13 февр. 1837 г.; стр. 319, пост. 9 дек. 1842 г.).

[3]) Тамъ же, стр. 270, пост. 28 нояб. 1839 г. стр. 366—367, пост. 15 марта 1847 г.

чать браки раскольниковъ войска донского [1]). На московскомъ Рогожскомъ кладбищѣ разрѣшалось вѣнчать только раскольниковъ московской губерніи, и это правило принято было „въ руководство для разрѣшенія частныхъ представленій мѣстныхъ начальствъ по тому-же предмету“ въ другихъ губерніяхъ [2]).

Такъ нерѣшительно и непослѣдовательно въ данномъ случаѣ правительство дѣйствовало относительно поповцевъ по соображеніямъ особой политики. Дѣло въ томъ, что въ отрицаніи сводныхъ безпоповщинскихъ сожительствъ правительство находило полное внутреннее оправданіе въ сознаніи значительной части самихъ безпоповцевъ. Извѣстно, что безбрачные безпоповцы сами смотрятъ на безсвященнословные браки, какъ на блудъ, не считаютъ ихъ вполнѣ правильными и безпоповцы брачные. Иное дѣло поповцы, вѣнчанные бѣглыми попами. Объявленіе ихъ открытыми блудниками, дѣтей ихъ незаконнорожденными, преслѣдованіе ихъ супружескихъ сожительствъ, какъ разврата, глубоко возмутило и оскорбило бы ихъ религіозно-нравственныя чувства и, нѣтъ сомнѣнія, вызвало бы среди нихъ ропотъ и волненія. Имѣя это въ виду, правительство и не рѣшалось примѣнить къ поповцамъ во всей полнотѣ тѣ мѣры, какія оно прилагало къ безпоповцамъ. Что именно только данными соображеніями руководилось правительство, это съ очевидностью выразилось по слѣдующему случаю.

Во время пребыванія Государя въ г. Чугуевѣ харьковской губерніи ему подана была мѣстнымъ генералъ-губернаторомъ докладная записка, въ которой тотъ „испрашивалъ разрѣшенія всѣхъ вообще раскольниковъ ввѣреннаго ему края, кои не представятъ законныхъ доказательствъ о бракѣ, не показывать въ сказкахъ 9-й народной переписи женатыми, но записывать женъ ихъ въ прежнія семейства, считая дѣтей отъ сихъ браковъ незаконнорожденными“. Государь передалъ записку на заключеніе петербургскаго секретнаго комитета. Комитетъ далъ отрицательное заключеніе, полагая, что „принятіе предлагаемой генералъ-губернаторомъ мѣры, дабы раскольниковъ всѣхъ сектъ, какъ признающихъ священство, такъ и не признающихъ оное, записывать одинаково, т. е. женъ въ ихъ семействахъ по происхожденію, а дѣтей незаконнорожденными, можетъ имѣть чрезвычайно вредныя послѣдствія и возбудить сильный ропотъ и неудовольствіе между многочисленнымъ населеніемъ раскольниковъ поповщинской секты“ [1]).

¹) Собр. пост. по ч. раск., стр. 316, пост. 13 окт. 1842 г.
²) Тамъ же, стр. 255, пост. 17 февр. 1839 г.

Нѣтъ сомнѣнія, что въ видахъ той же политики, разсчитанной на поддержаніе среди поповцевъ надлежащаго спокойствія и порядка, изъ постановленія особаго секретнаго комитета объ обязательности метрическихъ свидѣтельствъ на законность раскольническихъ браковъ сдѣлано было исключеніе для Уральскихъ казаковъ. Здѣсь и безъ представленія метрическихъ свидѣтельствъ, браки, „совершенные въ раскольническихъ часовняхъ и домахъ“, оставлены были „въ прежней силѣ“, и такой порядокъ признано необходимымъ „соблюдать безъ измѣненія и на будущее время“ [2]).

Ограниченіями раскольниковъ въ семейственномъ отношеніи имѣлось въ виду принудить ихъ вѣнчаться въ церкви. Мѣстнымъ властямъ поставлялось въ „особую и непремѣнную обязанность, чтобы онѣ со всевозможнымъ тщаніемъ (но безъ принужденія) внушали раскольникамъ, сколь для нихъ важно и необходимо совершать обрядъ правильнаго вѣнчанія, служащій для нихъ самихъ и для ихъ потомства вѣрнымъ ручательствомъ въ огражденіи правъ по семейству, по имуще-

¹) Собр. пост. по ч. раск., стр. 436—437, пост. 8 дек. 1850 г.
²) Тамъ же, стр. 463—464, пост. 26 янв. 1853 г.

ству и по состоянію“ [1]). Съ повѣнчаніемъ въ церкви права законныхъ браковъ для раскольниковъ дѣйствительно возстановлялись въ полной силѣ: дѣти ихъ считались уже „законными безъ различія—рождены-ли они до вѣнца или послѣ“ [2]). А чтобы „дать раскольникамъ болѣе побужденій обращаться отъ незаконныхъ сожитій къ бракамъ законнымъ“, ихъ разрѣшалось вѣнчать въ единовѣрческой и православной церквахъ, „не простирая къ нимъ никакихъ дальнѣйшихъ требованій“, т. е. не требуя отъ нихъ предварительнаго присоединенія къ единовѣрію или православію [3]).

Но допущенныя единственно изъ соображеній церковно-догматическихъ и съ ихъ точки зрѣнія вполнѣ естественныя и неизбѣжныя, эти ограниченія въ государственномъ отношеніи являлись, разумѣется, уже *аномаліей*, сдѣлавши цѣлыя тысячи людей совершенно безправными. Такъ именно и смотрятъ на нихъ юристы послѣдующаго времени [4]).

---

[1]) Собр. пост. по ч. раск., стр. 270, пост. 28 ноября 1839 г. п. II; стр. 327, пост. 24 апрѣля 1843 г. п. I; стр. 393, пост. 16 ноября 1847 г. п. 2.

[2]) Тамъ же, стр. 438—439, пост. 8 дек. 1850 г.

[3]) Тамъ же, стр. 311, пост. 17 апр. 1842 г.; стр. 393, 16 ноября 1847 г.;—по вѣд. Св. Син. II, стр. 374, пост. 23 сент. 1840 г.; стр. 380—384, пост. 14 мая и 19 дек. 1841 г.; стр. 387—392, пост. 25 мая и 24 окт. 1842 г.

[4]) Побѣдоносцевъ К. П. Курсъ гражданскаго права. II, стр. 60.

ГЛАВА III.

Отношеніе правительства къ религіозной сторонѣ жизни раскола.

Въ религіозномъ отношеніи правительство императора Николая I не хотѣло нарушать касательно раскола основного принципа отношеній къ нему своихъ предшественниковъ—*терпимости*. Какъ и тогда, раскольники не преслѣдовались за мнѣнія о вѣрѣ. „По благостнымъ нашимъ законамъ“, заявляло Николаевское правительство: „никто не преслѣдуется за заблужденія о вѣрѣ, если только не нарушаетъ правилъ благочинія“ [1]). Поэтому, напр., по дѣлу объ одномъ бродягѣ, котораго въ мѣстномъ судѣ судили „за неимѣніе письменнаго вида и *содержаніе раскола*“, комитетъ министровъ Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ положилъ: „*за содержаніе раскола оставить безъ преслѣдованія*, но за бродяжество долгое время безъ письменнаго вида и упорное сокрытіе своего происхожденія предоставить губернскому начальству поступить съ нимъ на точномъ основаніи существующихъ на сей предметъ узаконеній“ [2]). И всякій разъ, когда въ дѣйствіяхъ мѣстныхъ властей замѣчались подобнаго рода уклоне-

---

[1]) Собр. пост. по ч. раск. стр. 181. пост. 28 ноября 1836 г.; Св. Зак. изд 1842 г. т. XIV, ст. 60.

[2]) Тамъ же, стр. 213, пост. 31 авг. 1837 г.

нія, со стороны высшихъ инстанцій слѣдовали въ этомъ же родѣ разъясненія и подтвержденія. Губернаторы получали секретныя предписанія, чтобы „судебныя и полицейскія мѣста ввѣренныхъ имъ губерній, при производствѣ дѣлъ о раскольникахъ, дѣйствовали на точномъ основаніи постановленныхъ для сего правилъ, отнюдь не привлекая къ отвѣтственности людей, не подлежащихъ никакому взысканію по существу производимыхъ дѣлъ“ [1]). Но, „являя христіанское милосердіе къ заблуждающимъ, имѣющимъ нужду въ просвѣщеніи и вразумленіи“, правительство вовсе не желало внушать имъ чрезъ то „ложное мнѣніе, будто они суть общество признанное и покровительствуемое“ [2]). Задача его, напротивъ, была та, чтобы „при соблюденіи безвредной терпимости къ разномыслящимъ, по возможности направлять ихъ къ сближенію съ церковью и не давать способовъ распространяться вреднымъ ученіямъ“ [3]). Для достиженія же этой цѣли правительство считало необходимымъ „соединить духъ терпимости съ необходимыми мѣрами строгости“ [4]). Въ какой формѣ выразилось подобное соединеніе, — это наглядно покажетъ частное и попредметное изложеніе правительственныхъ распоряженій относительно религіозной стороны раскола.

I.

О совершеніи богослуженія и требъ церковныхъ. Свобода и нелегальность раскольническихъ религіозныхъ дѣйствій. Требованія и условія, касающіяся ихъ совершенія.

Какъ не преслѣдуемые за мнѣнія о вѣрѣ, раскольники, „на основаніи изданныхъ о нихъ постановленій“,

---

[1]) Собр. пост. по ч. р. стр. 339, цирк. м. вн. д. 26 ноября 1843 г.; стр. 402—403, цирк. м. вн. д. 29 марта 1849 г.

[2]) Сборн. Кельсіева II, стр. 192—193; Собран. пост. по ч. раск. стр. 226.

[3]) Собр. пост. по ч. раск. стр. 109, пост. 25 іюня 1831 г. п. 4. [4]) Тамъ же.

могли „спокойно исполнять принятые ими обряды“ [1]). На донесеніе пермскаго губернатора объ опредѣленіи уголовной палаты „по дѣлу о совершенныхъ между тамошними старообрядцами бракахъ, крещеніи дѣтей ихъ и погребеніи умершихъ неизвѣстными попами“, комитетъ министровъ разъяснилъ, что „мѣстнымъ начальствамъ не должно входить ни въ какія изслѣдованія о таковыхъ сторообрядцахъ“ [2]). Въ другой разъ, по поводу просьбы екатеринбургскихъ старшинъ, чтобы „вѣнчанные старообрядческими священниками между сословіемъ ихъ браки не были подвергаемы, по требованіямъ мѣстнаго духовнаго начальства, расторженію“, губернаторамъ и архіереямъ сдѣлано было секретное предписаніе, чтобы „людей сихъ ни мѣстныя полиціи, ни духовныя начальства не тревожили понапрасну“ [3]). Правительство не придавало лишь религіознымъ дѣйствіямъ раскольниковъ *законнаго* значенія. Не будучи „тревожимы въ исполненіи ихъ обрядовъ“, раскольники, по словамъ одного указа: „не должны однакоже быть къ тому ободряемы, и нельзя имъ даже давать вида, что дѣйствія ихъ правильны“ [4]). У рижскихъ раскольниковъ, при крещеніи дѣтей, по установившемуся порядку, присутствовалъ полицейскій чиновникъ. Этотъ порядокъ Высочайше отмѣненъ былъ, какъ могущій раскольникамъ дать „поводъ предполагать, что совершаемый ими обрядъ крещенія — чрезъ ихъ наставника, есть законный“ [5]). По той же самой причинѣ правительство не давало раскольникамъ *формальнаго* разрѣшенія на совершеніе ихъ духовныхъ требъ. О такомъ разрѣшеніи, напр., ходатайствовали раскольники г. Пскова, Солецкаго посада и некрасов-

---

[1]) Собр. пост. по ч. раск. стр. 265, пост. 5 мая 1839 г. п. I.

[2]) Тамъ же, стр. 81—82, пост. 9 янв. 1826 г.

[3]) Тамъ же, стр. 84, пост. 13 февр. 1826 г.

[4]) Тамъ же, стр. 158, пост. 17 января 1836 г.

[5]) Тамъ же, стр. 227, пост. 9 апр. 1838 г.

скіе казаки. На ходатайство первыхъ Государь Императоръ 5 января 1845 года Высочайше повелѣть соизволилъ: „раскольникамъ г. Пскова и Солецкаго посада объявить, что закономъ дозволяется открыто исправлять духовныя требы только лицамъ духовнаго званія, по церковнымъ правиламъ для того уполномоченнымъ, а потому и домогательство ихъ о формальномъ дозволеніи избраннымъ изъ среды ихъ гражданамъ исправлять требы, какъ совершенно неумѣстное и противное церковнымъ и гражданскимъ уставамъ, не можетъ быть удовлетворено" [1]). Некрасовцамъ, просившимъ о „дозволеніи имъ отправлять богослуженіе по правиламъ старообрядческой секты и имѣть своихъ священниковъ", было отвѣчено, что „по учрежденному въ государствѣ порядку, можетъ быть опредѣленъ къ ихъ церкви, по ихъ избранію, священникъ, рукоположенный архіереемъ, который будетъ совершать богослуженіе... по правиламъ единовѣрческихъ церквей; ибо другихъ священниковъ въ государствѣ нѣтъ, а лица, исправляющія у раскольниковъ духовныя требы, не признаются священниками"... Но при этомъ „особо и секретно" бессарабскому губернатору предписывалось, „для оказанія возможнаго снисхожденія и покровительства" некрасовцамъ „не мѣшать имъ отправлять богослуженіе по своимъ обрядамъ" [2])...

Самое совершеніе раскольническихъ богослужебныхъ дѣйствій со стороны правительства обставлялось слѣдующими требованіями и условіями. Во-первыхъ, чтобы они совершались въ кругу однихъ послѣдователей раскола, тѣхъ, кои „издавна состоятъ въ старообрядчествѣ", отнюдь не задѣвая интересовъ православія [3]). Во-вторыхъ, чтобы при ихъ совершеніи не было публичнаго оказательства раскола на соблазнъ

[1]) Собр. пост. по ч. раск. стр. 349.

[2]) Тамъ же, стр. 248—249, пост. 10 дек. 1838 г.

[3]) Тамъ же, стр. 81—82, пост. 9 янв. 1826 г.

православныхъ. Такъ, по возбужденному бессарабскимъ губернаторомъ вопросу: „должно-ли воспрещать раскольникамъ исправлять явно духовныя требы по своимъ обрядамъ?" послѣдовало такое Высочайшее повелѣніе: „о тѣхъ раскольникахъ, кои совершаютъ таинства и мірскія требы по обряду своей ереси, само собою не слѣдуетъ входить ни въ какое изслѣдованіе, а надлежитъ только наблюдать, дабы они отнюдь не отправляли оныя публично и съ явнымъ оказательствомъ ученія и богослуженія ихъ секты" [1]). „Руководствуясь постановленіями", читаемъ въ цѣломъ рядѣ другихъ тождественныхъ повелѣній: „слѣдуетъ оставлять безъ вниманія отправленіе богослуженія раскольниками по ихъ обрядамъ, не дозволяя только публичнаго оказательства въ соблазнъ православнымъ" [2]). Подъ публичнымъ оказательствомъ разумѣлось „вообще всякое дѣйствіе, подающее поводъ къ какому-либо соблазну для православныхъ". Такъ, напр., — подъ „внѣшнимъ оказательствомъ ереси при раскольническихъ погребеніяхъ" разумѣлось публичное отпѣваніе, сопровожденіе тѣла на кладбище „съ крестами, фонарями, пѣніемъ, — людьми въ мантіяхъ, клобукахъ или иныхъ какихъ-либо особенныхъ одѣяніяхъ" [3]). Не допуская „своевольства, противнаго общимъ государственнымъ постановленіямъ, которыя каждый изъ вѣрноподданныхъ обязанъ исполнять въ точности", правительство, наконецъ, слѣдило, чтобы раскольники, при совершеніи своихъ религіозныхъ дѣйствій, „ни подъ

[1]) Собр. пост. по ч. раск. стр. 134, пост. 5 дек. 1834 г.

[2]) Тамъ же, стр. 227, пост. 9 апр. 1838 г.; стр. 124, пост. 29 янв. 1834 г.; стр. 233—234, пост. 30 апрѣля 1838 г.; стр. 264—265, пост. 5 мая 1839 г.; стр. 303—304, пост. 19 дек. 1841 г.; стр. 375, пост. 18 апрѣля 1847 г.; стр. 430, пост. 10 іюня 1850 г. п. 3.

[3]) Тамъ же, стр. 297, пост. 16 апр. 1841 г. п. 4; стр. 338, пост. 10 окт. 1843 г. Св. Зак. о предупр. и пресѣч. прест. изд. 1842 г. т. XIV, ст. 77.

какимъ видомъ не уклонялись отъ наблюденія общихъ правилъ благоустройства, законами опредѣленныхъ“ [1]). „Чтобы раскольники не были свободнѣе отъ законовъ, нежели православные“, правительство не оставляло безъ отвѣтственности, напр., тѣхъ изъ нихъ, которые вступали въ бракъ въ несовершенныхъ лѣтахъ, погребали умершихъ ранѣе трехъ дней, скоропостижно скончавшихся безъ объявленія полиціи [2]). Не входя поэтому въ обсужденіе самыхъ обрядовъ, по которымъ совершались данныя религіозныя дѣйствія раскольниковъ, правительство тѣмъ не менѣе съ извѣстныхъ сторонъ и на общемъ основаніи подчиняло ихъ своему контролю. Такъ, къ „отвращенію незаконныхъ браковъ“ между раскольниками войска донского, въ руководство наказному атаману и мѣстному преосвященному даны были слѣдующія правила: 1) родители жениха и невѣсты предъ бракомъ обязаны были „непремѣнно“ брать отъ станичнаго начальства свидѣтельства объ ихъ возрастѣ; 2) повѣнчанные несовершеннолѣтними, безъ этихъ свидѣтельствъ, въ случаѣ обнаруженія, немедленно разлучались отъ совмѣстнаго сожительства, заключались подъ стражу и предавались суду, какъ нарушители закона; 3) родители или опекуны брачившихся также предавались суду, какъ ослушники закона и наказывались одинаково съ соблазнителями противъ вѣры, исключая лишь тѣхъ случаевъ, когда такіе браки заключались безъ ихъ вѣдома и о нихъ своевременно они доводили до свѣдѣнія мѣстнаго начальства [3]). — Хоронить умершихъ раскольниковъ разрѣшалось не иначе, какъ по „освидѣтельствованіи оныхъ мѣстною полиціею и подъ ея наблюденіемъ“, чтобы, такимъ образомъ, „не могли скрыться престу-

[1]) Собран. пост. по ч. раск. стр. 125, пост. 29 янв. 1834 г. п. 1; стр. 124, пост. 29 янв. 1834 г.

[2]) Тамъ же, стр. 194, пост. 13 февр. 1837 г. п. 6.

[3]) Собран. пост. по ч. раск. по в. Св Син. II, стр. 388—389, пост. 24 окт. 1842 г.

пленія насильственной смерти и нарушеніе закона о непогребеніи до трехъ дней по смерти“ [1]). Согласно съ цѣлію освидѣтельствованіе состояло въ „простомъ осмотрѣ, нѣтъ-ли на умершемъ видимыхъ знаковъ насилія, и только въ случаѣ основательнаго подозрѣнія или доноса о томъ — слѣдовало распорядиться, на основаніи общихъ законовъ, о производствѣ судебно-медицинскаго осмотра“ [2]). Если же, при осмотрѣ тѣла, на немъ не было замѣчено „признаковъ насильственной смерти“, то родственникамъ умершаго немедленно выдавалось за подписью осматривавшихъ чиновъ полиціи свидѣтельство въ томъ, что „къ преданію его землѣ нѣтъ препятствій“ [3]).

II.

О молитвенныхъ зданіяхъ и церковно-богослужебныхъ принадлежностяхъ. Общій взглядъ на молитвенныя зданія. Распоряженія касательно ихъ названія, внѣшняго и внутренняго вида. Запрещенія постройки новыхъ, починки старыхъ и обращенія въ молельни жилыхъ помѣщеній. Оффиціальная статистика молитвенныхъ зданій. Молитвенныя зданія, подлежащія закрытію и уничтоженію. Правила о порядкѣ закрытія. Исключеніе изъ общихъ постановленій вилковскихъ и некрасовскихъ раскольниковъ. Положеніе скитовъ и монастырей. Объ имуществѣ уничтожаемыхъ монастырей. Распоряженія относительно церковно-богослужебныхъ принадлежностей.

Молитвенныя зданія раскольниковъ, какъ мѣста ихъ незаконныхъ, хотя и терпимыхъ дѣяній, не могли, разумѣется, пользоваться правами *легальнаго* существованія. „Законы государственные“, естественно-логически заявлялось въ указахъ: „не признаютъ существованія и правъ монастырей и церквей или часовенъ

[1]) Собран. пост. по ч. раск. стр. 246. пост. 3 ноября 1838 г.; стр. 399, пост. 5 дек. 1848 г.

[2]) Тамъ же, стр. 269, пост. 28 ноября 1839 г.; стр. 446, пост. 27 дек. 1851 г.

[3]) Тамъ же, стр. 400, пост. 5 дек. 1848 г.

раскольническихъ наравнѣ съ правами Высочайшею
властію утвержденными въ пользу монастырей и цер-
квей православнаго исповѣданія" [1]). И правительство
обращало свое „предохранительное вниманіе" на то,
какъ-бы „сихъ правъ непримѣтно, подъ видомъ обы-
чая, не восхитили себѣ раскольническія заведенія" [2]).
Потому, напр., просьбы раскольниковъ о „причисленіи
къ часовнямъ" отклонялись [3]), выставлять доски съ
надписями о Высочайшемъ посѣщеніи ихъ скитовъ
воспрещалось [4]). Самое названіе раскольническихъ мо-
литвенныхъ зданій церквами, какъ „присвоенное соб-
ственно православнымъ и единовѣрческимъ храмамъ",
было отмѣнено. Во всѣхъ оффиціальныхъ документахъ
ихъ указывалось именовать просто „моленными или
часовнями" [5]). Совнѣ и внутри они лишались всего,
чѣмъ могли походить на православные храмы. Съ нихъ
сняты были кресты, какъ „принадлежность православ-
ныхъ церквей" [6]). Употребленіе колокольнаго звона
поставлено было „въ числѣ внѣшнихъ оказательствъ
раскола" и, значитъ, дѣйствій воспрещенныхъ [7]). Въ
случаѣ же нарушенія раскольниками даннаго требованія,
дѣлались распоряженія „о снятіи колоколовъ и пере-
дачѣ ихъ въ православныя и единовѣрческія церкви".
Только власти при этомъ обязывались соблюдать „осо-
бенную предосторожность". Слѣдя за „неупотребле-
ніемъ раскольниками колокольнаго звона", губернаторы
не должны были предпринимать о томъ „нарочныхъ
по губерніямъ розысканій", а ограничиваться лишь

1) Собран. пост. по ч. раск., стр. 163 и 186, пост. 11 марта и 31 дек. 1836 г.

2) Тамъ же, стр. 163, пост. 11 марта 1836 г.

3) Тамъ же, стр. 129—130, пост. 26 мая 1834 г.

4) Тамъ же, стр. 143, пост. 14 марта 1835 г.

5) Тамъ же, стр. 315—316, пост. 13 окт. 1842 г.

6) Тамъ же, стр. 186, пост. 31 дек. 1836 г.

7) Тамъ же, стр. 306, пост. 19 февр. 1842 г. п. 2.

случаями, „когда они сами то усмотрятъ или получатъ
достовѣрныя о томъ донесенія". Въ затруднительныхъ
случаяхъ слѣдовало предварительно обращаться за
руководственными указаніями въ министерство вну-
треннихъ дѣлъ. Въ Петербургѣ же и Москвѣ власти
могли приступать къ снятію колоколовъ „не иначе,
какъ съ разрѣшенія секретныхъ комитетовъ" [1]). Рас-
кольникамъ разрѣшалось имѣть только небольшіе коло-
кольчики внутри молитвенныхъ зданій. На одномъ
журналѣ петербургскаго секретнаго комитета Государь
написалъ: „считаю достаточнымъ отобрать только тѣ
колокола, которые висятъ на открытомъ воздухѣ; коло-
кольчики внутри покоевъ отбирать будетъ, кажется,
излишнимъ" [2]). Внутри раскольническихъ часовенъ вос-
прещалось устроять престолы, какъ „принадлежность
православныхъ церквей". Оставлялись только престолы,
„устроенные уже прежде въ часовняхъ, коихъ суще-
ствованіе дозволено на основаніи законовъ" [3]). Въ ча-
совняхъ воспрещались продажа свѣчей и кружечные
сборы, какъ „исключительное право православныхъ
церквей" [4]).

Съ другой стороны, мѣры правительства направля-
лись къ постепенному упраздненію раскольническихъ
молатвенныхъ зданій. Въ пермской геберніи мѣстное
начальство предполагало назначить „одинъ общій срокъ
для существованія моленныхъ и потомъ вдругъ уни-
чтожить ихъ". Но петербургскій секретный комитетъ
нашелъ это предположеніе „неудобнымъ" для осуще-
ствленія потому, что „раскольники почтутъ сіе за го-
неніе" [5]). По данному вопросу правительство рѣшило
въ точности слѣдовать правиламъ 26 марта 1822 года.

1) Собр. пост. по ч. раск. стр. 291, пост. 21 ноября 1840 г.

2) Тамъ же, стр. 299, пост. 27 апрѣля 1841 г.

3) Тамъ же, стр. 170, пост. 28 апрѣля 1836 г.

4) Тамъ же, стр. 358—359, пост. 13 января 1846 года.

5) Тамъ же, стр. 216, пост. 10 марта 1838 г.

На самыхъ же первыхъ порахъ новаго царствованія губернаторы получили подтвержденіе: „раскольникамъ, на основаніи общихъ правилъ 26 марта 1822 года изданныхъ, отнюдь не дозволять вновь ничего строить похожаго на церкви, но существующія ихъ церкви и молельни оставить въ настоящемъ ихъ положеніи, не дѣлая имъ притѣсненій“ [1]). Предписывая не дѣлать „никакихъ притѣсненій“ уже существовавшимъ у раскольниковъ моленнымъ, правительство однако воспретило „поддерживать ихъ починкою“ [2]). На запросъ тамбовскаго губернатора: можно-ли дозволить просившимъ его раскольникамъ „перестройку издавна существующаго молитвеннаго дома ихъ?“ — послѣдовало второе разъяснительное распоряженіе, „на точныхъ словахъ“ предыдущаго подтвержденія основанное, что „домы сіи должны оставаться въ томъ же положеніи до самаго ихъ разрушенія“ — безъ „передѣлокъ или возобновленій“. Держаться такого взгляда правительство считало „нужнымъ“ особенно потому, что „раскольники, по извѣстному ихъ упорству и ожесточенію въ своихъ заблужденіяхъ, легко могутъ, подъ предлогомъ поправокъ или передѣлокъ въ молельняхъ своихъ, устроивать оныя вновь“ [3]). Окончательную формулировку правительственныя отношенія къ раскольническимъ молитвеннымъ зданіямъ съ разсматриваемой стороны получили въ новой редакціи 48 ст. XIV т. Св. Зак. Примѣнительно къ смыслу приведенныхъ распоряженій эта статья законодательства изложена была такимъ образомъ: „раскольническія часовни и молитвенные домы подъ разными именованіями, построенные до 17 сентября 1826 года [4]), оставляются въ томъ положеніи, въ какомъ они въ то время были;

[1]) Собр. пост. по ч. раск стр. 89, пост. 19 августа 1826 г.

[2]) Тамъ же, стр. 11, пост. 23 іюня 1837 г. п. 3.

[3]) Тамъ же, стр. 92, пост. 5 іюля 1827 г.

[4]) День опубликованія пост. 19 авг. 1826 г. въ сенатскомъ указѣ.

послѣ же того не только вновь строить что-либо похожее на церкви, но и передѣлка и возобновленіе старыхъ подобныхъ зданій ни по какому случаю не дозволяется“ [1]).

Лишенные права на построеніе новыхъ и какую бы то ни было ремонтировку старыхъ моленъ раскольники по селамъ стали было приспособлять для нихъ жилыя помѣщенія. Объ одномъ изъ такихъ случаевъ министръ внутреннихъ дѣлъ вошелъ съ представленіемъ въ комитетъ министровъ. Тогда, согласно положенію послѣдняго, послѣдовало новое Высочайшее повелѣніе: „сообщить всѣмъ начальникамъ губерній, чтобы впредъ крестьянскія избы не были обращаемы въ публичныя молельни“ [2]).

Наличнымъ молитвеннымъ зданіямъ раскольниковъ велась оффиціальная статистика. Вѣдомости объ ихъ числѣ ежегодно представлялись въ министерство внутреннихъ дѣлъ вмѣстѣ съ вѣдомостями о раскольникахъ [3]). Цѣль статистики стоитъ въ тѣсной связи съ только что изложенными распоряженіями и ясно выражена въ Высочайшей резолюціи, во исполненіе которой она была начата. — На журналѣ комитета министровъ объ уничтоженіи одной самовольно возобновленной раскольниками моленной Государь написалъ: „согласенъ; во избѣжаніе впредъ подобныхъ случаевъ собрать свѣдѣнія вездѣ о всѣхъ молельняхъ, часовняхъ и проч., но сколь можно безгласно“ [4]).

Производя ежегодный подсчетъ раскольническимъ молитвеннымъ зданіямъ, правительство „неослабно“ наблюдало, чтобы „подвергались уничтоженію всѣ мѣста моленія, устроенныя вопреки закону“ [5]). Дѣло

[1]) Тамъ же, стр. 314, пост. 13 окт. 1842 г.; Св Зак. изд. 1842 г. о предупр. и пресѣч. прест. ст. 62.

[2]) Тамъ же, стр. 170, пост. 28 апр. 1836 г.

[3]) Тамъ же, стр. 151—152, пост. 8 окт. 1835 г.; стр. 279—281, пост. 11 апр. 1840 г.

[4]) Тамъ же, стр. 88, пост. 17 авг. 1826 г.

[5]) Тамъ же, стр. 194, пост. 13 февр. 1837 г. п. 1.

о вновь построенной колокольнѣ въ Иргизскомъ монастырѣ оставлено было „безъ послѣдствій“ только потому, чтобы „не возродить новыхъ безпокойствъ на Иргизѣ“. Но саратовскій губернаторъ получилъ „строгій выговоръ“ за допущеніе этой постройки „въ поддержаніе и потворство раскола“ [1]. Тѣ моленныя, которыя за ветхостью или пожарными поврежденіями оказывались негодными къ употребленію, также закрывались [2]. Въ округахъ военнаго поселенія раскольническія моленныя запечатывались, а по истеченіи года совсѣмъ уничтожались, „по смерти или выбытіи по какому-либо случаю“ служившихъ при нихъ наставниковъ [3].

Закрытіе раскольническихъ моленныхъ указывалось производить съ „надлежащею предосторожностью“ и „всевозможною осмотрительностію“. Губернское начальство обязывалось приступать къ запечатанію раскольническихъ молитвенныхъ домовъ „не иначе, какъ по точномъ дознаніи о незаконности существованія или о возобновленіи оныхъ“ [4]. „Для исполненія существующаго закона съ надлежащею предосторожностью, но безъ ослабленія силы онаго“ даны были слѣдующія руководящія правила: 1) губернское начальство, по дознаніи, запечатываетъ противозаконно построенную или возобновленную часовню или моленную и съ точнымъ изложеніемъ обстоятельствъ и своимъ мнѣніемъ о дальнѣйшемъ желательномъ направленіи дѣла доноситъ министерству внутреннихъ дѣлъ [5]; 2) министер-

[1]) Собран. пост. по ч. раск. стр. 237—238, пост. 30 апр. 1838 г.

[2]) Тамъ же, стр. 193, пост. 13 февр. 1837 г. п. 3; стр. 344—345 и 347, пост. 21 марта и 25 апрѣля 1844 г.

[3]) Тамъ же, стр. 298, пост. 16 апрѣля 1841 г. п. 5.

[4]) Тамъ же. стр. 304, пост. 19 дек. 1941 г.

[5]) Это правило не простиралось на остзейскія губерніи, гдѣ губернское начальство само не имѣло права запечатывать раскольническихъ моленныхъ, предварительно не испросивъ

ство внутреннихъ дѣлъ, соображаясь съ тѣмъ, насколько „рѣзко было нарушеніе закона и какого вреда опасаться можно“ отъ дальнѣйшаго существованія моленной, полагаетъ мнѣніе объ оставленіи ея запечатанной или о совершенномъ уничтоженіи и представляетъ свое мнѣніе на усмотрѣніе петербургскаго секретнаго комитета. 3) Если часовня, оставленная запечатанной, будетъ своевольно распечатана, или „съ употребленіемъ подлога“ въ ней обнаружены будутъ раскольническія собранія, то она безусловно подлежитъ уничтоженію [1]. 4) Между запечатаніемъ часовни и совершеннымъ ея уничтоженіемъ во всякомъ случаѣ должно пройти „значительное время“, въ томъ разсчетѣ, что „послѣ нѣкоторой привычки видѣть ее въ бездѣйствіи“, будетъ „менѣе сильно впечатлѣніе уничтоженія“. 5) Самое уничтоженіе часовни, по полученіи на то разрѣшенія министерства, слѣдовало производить, „по избраніи удобнѣйшаго времени, со всевозможною осмотрительностію и безъ предварительной огласки, могущей подать поводъ къ народнымъ скопищамъ“ [2]).

на то разрѣшенія министерства внутреннихъ дѣлъ. (Собран. пост. по ч. раск. стр. 230—231, пост. 9 апр. 1838 г.). Въ концѣ царствованія Николая I, вслѣдствіе произведеннаго раскольниками при закрытіи двухъ моленныхъ въ полоцкомъ уѣздѣ буйства, подобный же порядокъ закрытія установленъ былъ въ губерніяхъ витебской, могилевской и смоленской. Мѣстное начальство, не приступая само къ запечатанію противозаконно устроенной, возобновленной или пришедшей въ ветхость раскольнической моленной, должно было доносить о томъ главному начальнику края, который сообщаетъ министру внутреннихъ дѣлъ, а „сей послѣдній съ своей стороны представляетъ обстоятельства дѣла на окончательное рѣшеніе особо установленнымъ порядкомъ“ (Тамъ же, стр. 314, пост. 13 окт. 1842 г. стр. 466, пост. 1 мая 1853 г.).

[1]) Такъ, когда, напр., ѳедосѣевцы, по запечатаніи моленной Косцова (13 ноября 1842 г.), снова стали собираться сюда для молитвы, избравъ для этого нѣкоторыя комнаты въ верхнемъ этажѣ, — моленная была совершенно уничтожена. (Нильскій. Семейн. жизнь въ р. раск. II, 119).

[2]) Собран. пост. по ч. раск. стр. 261—262, пост. 5 мая 1839 г.

Исключеніе изъ дѣйствія разсмотрѣнныхъ общихъ постановленій о раскольническихъ молитвенныхъ зданіяхъ составляли только некрасовскіе и вилковскіе раскольники. По политическимъ соображеніямъ, имъ разрѣшалась постройка и починка ихъ церквей. Такъ, некрасовцамъ, переселившимся въ Россію изъ Бабадагской области, дозволено было въ „приличномъ, по назначенію новороссійскаго генералъ-губернатора, мѣстѣ, въ окрестностяхъ г. Измаила", построить церковь,— сначала было деревянную, а потомъ, вмѣсто предполагавшейся деревянной, „согласно ихъ желанію", на томъ же мѣстѣ, новую каменную [1]). Высочайшимъ повелѣніемъ 28 апрѣля 1850 года, „по уваженію исключительнаго политическаго положенія вилковскихъ и некрасовскихъ раскольниковъ... *и не въ примѣръ другимъ раскольникамъ*", — первымъ разрѣшено было построить, вмѣсто сгорѣвшаго, новый молитвенный домъ, а вторыхъ допустить къ производству починокъ, когда въ нихъ встрѣтится надобность [2]).

Въ положеніи раскольническихъ *скитовъ* и *монастырей* за время царствованія императора Николая I можно различать два періода. До 1853 года скиты и монастыри оставались въ общемъ въ томъ же положеніи, какъ и прочія молитвенныя зданія: не допускалось ни умноженіе ихъ чрезъ открытіе новыхъ, ни поддержаніе чрезъ поправку и починку старыхъ зданій. Въ ихъ пользу воспрещались сборы пожертвованій, какъ производимые лишь на „предметы, законами дозволенные" [3]). Пріемъ въ нихъ новыхъ обитателей не допускался, а постепенно пустѣвшія такимъ образомъ зданія сламывались [4]). Поэтому ежегодныя вѣдомости о

[1]) Собран. пост. по ч. раск. стр. 107, пост. 25 ноября 1830 г.; стр. 110, пост. 7 іюля 1831 г.

[2]) Тамъ же, стр. 419.

[3]) Тамъ же, стр. 212—213, пост. 24 іюня 1837 г.; стр. 285, пост. 11 апрѣля 1840 г. п. 2.

[4]) Тамъ же, стр. 443, пост. 19 мая 1851 г.

раскольническихъ молитвенныхъ зданіяхъ представлялись въ министерство внутреннихъ дѣлъ „съ показаніемъ числа живущихъ въ мужескихъ и женскихъ монастыряхъ и скитахъ" [1]). Изъ Семеновскихъ скитовъ въ нижегородской губерніи высланы были, напр., всѣ, не приписанные къ нимъ по 9-й ревизіи, а опустѣвшія зданія назначены въ продажу на сносъ въ шестимѣсячный срокъ [2]). Въ самыхъ монастыряхъ не допускалось „ничего, противнаго уставамъ благочинія" [3]). За проживающими въ нихъ раскольниками установленъ былъ „бдительный надзоръ" [4]). Правительство не признавало „монашествующихъ раскольниковъ", разсматривая ихъ, какъ „обыкновенныхъ простолюдиновъ", а потому они не имѣли права носить монашеское платье и называться пустынножителями, скитниками и другими подобными, равно какъ и иноческими именами [5]). Одной московской мѣщанкѣ, „принявшей на себя званіе раскольнической схимонахини", Высочайше повелѣвалось объявить, что она введена будетъ во владѣніе завѣщаннымъ ей родною сестрою имуществомъ въ томъ лишь случаѣ, если „оставитъ свое мнимое монашество и предъявитъ свои права по настоящему ея происхожденію" [6]).—Выселеннымъ изъ скитовъ и замѣченнымъ „въ какихъ-либо новыхъ безпорядкахъ по расколу" воспрещались отлучки [7]).

[1]) Тамъ же, стр. 152, пост. 8 окт. 1835 г.

[2]) Тамъ же, стр. 468—469, пост. 1 мая 1853 г.

[3]) Тамъ же, стр. 285, пост. 11 апр. 1840 г. п. 4.

[4]) Тамъ же, стр. 216, пост. 16 марта 1838 г. п. 2.

[5]) Свод. Зак. т. XIV о предупр. и пресѣч. прест. ст. 61, изд. 1842 г.; Собран. пост. по ч. раск., стр. 430, пост. 10 іюня 1850 г. п. 3; стр. 468, пост. 1 мая 1853 г. п. 1;—по вѣд. Св. Син. II, стр. 197—199, пост. 17 мая 1827 г.

[6]) Собран. пост. по ч. раск. стр. 238—239, пост. 30 апрѣля 1838 г.

[7]) Тамъ же, стр. 470—471, пост. 10 іюня 1853 г.

Таково было положеніе раскольническихъ скитовъ и монастырей до 1853 года. Въ этомъ году о нихъ издано было новое распоряженіе, благодаря которому въ положеніи ихъ произошло существенное измѣненіе къ худшему. Если прежде они были терпимы, хотя и въ извѣстныхъ условіяхъ, то послѣ даннаго распоряженія они подверглись уже прямому запрещенію. Правительство вызвано было на это распоряженіе собранными имъ свѣдѣніями о расколѣ. „Приведеніе всѣхъ сторонъ раскола въ извѣстность привело къ убѣжденію, какъ о своевременности, такъ и необходимости приступить къ распоряженіямъ о постепенномъ упраздненіи раскольническихъ сборищъ, существующихъ подъ названіемъ скитовъ, монастырей, кладбищъ и т. под." [1]). 10 іюня 1853 года послѣдовало Высочайше утвержденное положеніе особаго секретнаго комитета, предоставляющее министру внутреннихъ дѣлъ „постепенное упраздненіе скитовъ, монастырей, кладбищенскихъ заведеній и прочихъ противозаконныхъ раскольническихъ сборищъ, подъ какимъ бы видомъ они не существовали, безъ всякаго исключенія", а „для ускоренія" дѣла, тѣхъ изъ нихъ обитателей, которые имѣли свыше 60 лѣтъ, переводить въ заведенія приказовъ общественнаго призрѣнія, „при первой къ тому возможности" [2]).

Имущество уничтожаемыхъ раскольническихъ монастырей шло на построеніе и содержаніе новыхъ церквей. Такъ, напр., Государь повелѣть соизволилъ: „имущество уничтоженнаго Новопокровскаго раскольническаго монастыря продать, и вырученныя деньги употребить на устройство въ посадахъ Свяцкой и Тимошкиномъ Перевозѣ церквей; земли же обратить въ пользу церкви и причта посада Свяцкой" [3]). Церковныя и богослужебныя принадлежности—*книги, иконы, церковная утварь* со всѣми цѣнными украшеніями на нихъ изъ уничтожаемыхъ раскольническихъ моленныхъ также передавались въ распоряженіе духовнаго начальства, какъ „собственно принадлежность церкви" и, по его усмотрѣнію, распредѣлялись въ единовѣрческіе храмы [1]). Такой же участи подлежали предметы церковно-богослужебнаго обихода, отбираемые полиціей при обыскахъ частныхъ раскольническихъ домовъ. Передаваемые на разсмотрѣніе духовнаго начальства, они распредѣлялись послѣднимъ такимъ образомъ: церковныя вещи, „по неприличію имѣть оныя у себя частнымъ людямъ", передавались въ церкви; церковныя книги, въ которыхъ не находилось „ничего, противнаго религіи и вообще неприличнаго", или передавались для употребленія въ церкви, или же возвращались по принадлежности, если того требовала свѣтская власть; все же, найденное „противнымъ православію", удерживалось или же уничтожалось [2]).

При такомъ положеніи дѣла само собой понятно, что у раскольниковъ отбирались иконы — „писанныя неискусно и въ соблазнительномъ видѣ" [3]), или выдаваемыя ими за чудотворныя. Такъ, взяты были и положены на храненіе въ ризницахъ каѳедральныхъ соборовъ—„выдаваемая за чудотворную" икона Казанской Божіей Матери изъ раскольнической часовни въ д. Ефимкахъ малмыжскаго уѣзда и икона Днѣпрскія Пресв. Богородицы — у старицы Верхнепокровскаго раскольническаго скита, чтимая скитниками и раскольниками окрестныхъ селеній „явленною и чудотворною": пер-

[1]) Кельсіевъ В. Сборникъ правительственныхъ свѣдѣній о раскольникахъ, вып. II, стр. 200.

[2]) Собр. пост. по ч. раск. стр. 470.

[3]) Тамъ же, стр. 481, пост. 31 окт. 1853 г.

[1]) Тамъ же, стр. 209, пост. 18 іюня 1837 г.; стр. 278—279, пост. 11 апр. 1840 г.; стр. 441, пост. 3 мая 1851 г.

[2]) Собран. пост. по ч. раск. по вѣд. Св. Син. II, стр. 325—326, пост. 21 дек. 1837 г.; — по мин. вн. д. стр. 95—96, пост. 14 ноября 1827 г.

[3]) Тамъ же, стр. 451, пост. 31 іюля 1847 г.

вая—по Высочайшему повелѣнію [1]); а послѣдняя—по опредѣленію Св. Синода [2]).

III.

О совершителяхъ богослуженія и духовныхъ требъ. Общая задача правительственныхъ распоряженій по данному вопросу. Ограничительныя распоряженія о безпоповщинскихъ и поповщинскихъ требосовершителяхъ. Домогательства поповцевъ о полученіи самостоятельныхъ священниковъ: характеръ этихъ домогательствъ и отношеніе къ нимъ правительства. Мѣры противъ австрійской іерархіи.

Распоряженіями о совершителяхъ раскольническаго богослуженія и духовныхъ требъ правительство стремилось ограничить ихъ незаконныя дѣйствія и возможно больше сократить ихъ наличный составъ.

Безпоповщинскихъ требосовершителей воспрещалось отмѣчать въ паспортахъ *уставщиками, наставниками* и т. под. званіями, какъ правительствомъ за ними непризнаваемыми [3]). Они не могли и выдавать свидѣтельствъ о бракахъ, такъ какъ „право сіе имѣютъ только духовныя лица, признанныя и утвержденныя въ такомъ санѣ правительствомъ“ [4]). Какъ „произвольно принявшіе званіе раскольническихъ наставниковъ“, они не допускались „явно исправлять требы“ своихъ одновѣрцевъ въ заведенія приказовъ общественнаго призрѣнія и тюрьмы—„гдѣ во всемъ существуетъ законный порядокъ“. Исключеніе дѣлалось только для тяжело больныхъ и приговоренныхъ къ смертной казни. Чтобы не лишать тѣхъ и другихъ „послѣдняго предъ

---

1) Собр. пост. по ч. раск. стр. 185, пост. 31 дек. 1836 г.

2) Собран. пост. по ч. раск. по вѣд. Св. Син. II, стр. 312, пост. $\frac{\text{17 февр.}}{\text{9 марта}}$ 1837 г.

3) Собран. пост. по ч. раск. стр. 326, пост. 27 марта 1843 г.; стр. 349, пост. 5 янв. 1845 г.

4) Тамъ же, стр. 227, пост. 9 апр. 1838 г.

смертію утѣшенія“, имъ разрѣшалось призывать по желанію „изъ своихъ единомышленниковъ для бесѣды или прощанія, безъ публичнаго оказательства ихъ обрядовъ“ [1]). Совершать богослуженіе и духовныя требы безпоповщинскіе наставники могли лишь въ мѣстахъ своего постояннаго жительства, такъ какъ „отлучаться по письменнымъ видамъ“ имъ разрѣшалось „только для законныхъ ихъ надобностей: по торговлѣ, промышленности или по ремеслу“. Въ случаѣ же обнаруженія, что „подъ предлогомъ таковыхъ надобностей они занимаются исправленіемъ требъ и совершеніемъ обрядовъ или не будутъ имѣть надлежащихъ письменныхъ видовъ“, то они „немедленно“ высылались въ общества по принадлежности, съ учрежденіемъ здѣсь надъ ними „надлежащаго надзора“ [2]). Въ округахъ военнаго поселенія оставлены были на своихъ мѣстахъ только наличные наставники, но избраніе новыхъ на мѣсто выбывшихъ, по смерти или по какой другой причинѣ, безусловно воспрещалось [3]).

Бѣглопоповство, какъ явленіе, не соотвѣтствующее „ни достоинству господствующей церкви, ни гражданскому устройству“ [4]), вызвало противъ себя еще болѣе рѣшительныя мѣры. Съ самаго же начала правительство высказалось о бѣглыхъ попахъ отрицательно. Екатеринбургскимъ раскольникамъ, подавшимъ жалобу на „невозвращеніе къ нимъ трехъ бѣглыхъ священниковъ“ было отвѣчено, что имъ могутъ дать священниковъ „отъ епархіальнаго вѣдомства“, но что „иныхъ священниковъ имѣть не дозволяется“ [5]). Въ то же время на

---

1) Собран. постан. по ч. раск. стр. 230 и 234, пост. 9 и 30 апр. 1838 г.; стр. 374, пост. 18 апр. 1847 г.

2) Тамъ же, стр. 217, пост. 10 марта 1838 г.; стр. 246—247, пост. 3 ноября 1838 г.; стр. 326, пост. 27 марта 1843 г.

3) Тамъ же, стр. 298, пост. 16 апрѣля 1841 г. п. 5.

4) Тамъ же, стр. 110, пост. 31 янв. 1832 г.

5) Тамъ же, стр. 94, пост. 7 авг. 1827 г.

мѣстныя власти возлагалось разъяснить раскольникамъ,
что такъ какъ „всякій побѣгъ есть преступленіе про-
тивъ общественнаго порядка и закона, то и побѣга
священника отъ своего законнаго мѣста нельзя не по-
читать преступленіемъ“, а потому и „государственное
правосудіе не можетъ навсегда попустить того снисхо-
жденія къ бѣглымъ священникамъ раскольническимъ, ко-
торое до времени оказываемо было только въ надеждѣ
вразумленія и обращенія ихъ къ порядку“ [1]). Но такъ
какъ, съ другой стороны, „таковое снисхожденіе, по
необходимости правительствомъ допущенное, уже обра-
тилось по секретнымъ правиламъ 1822 года въ поста-
новленіе и руководство для гражданскихъ начальствъ“,
то правительство не находило возможнымъ сразу на-
чать съ „общихъ“ распоряженій по данному предмету.
Оно намѣревалось „постепенно прекратить противо-
законные побѣги священниковъ къ раскольникамъ“, а
въ этихъ видахъ признано было „полезнымъ“ „въ част-
ныхъ случаяхъ дѣлать распоряженія, чтобъ *вновь не
появлялись у раскольниковъ бѣглые попы*“ [2]). Первое
такое распоряженіе сдѣлано было въ 1827 году о мо-
сковскихъ поповцахъ. На отношеніе московскаго гене-
ралъ-губернатора князя Голицына „о бѣглыхъ священ-
никахъ, находящихся въ Москвѣ при старообрядческомъ
кладбищѣ“, послѣдовало Высочайшее повелѣніе: „увѣдо-
мить князя Голицына: чтобъ нынѣ находящихся оста-
вилъ въ покоѣ, но новыхъ не дозволять отнюдь при-
нимать“ [3]). Распространенное затѣмъ на петербургскую
и пермскую губерніи [4]), это распоряженіе, согласно
положенію петербургскаго секретнаго комитета, съ

[1]) Собран. пост. по ч. раск. стр. 194, пост. 13 февраля 1837 г. п. 2.

[2]) Тамъ же, стр. 110 и 112, пост. 31 янв. и 23 апрѣля 1832 г.

[3]) Тамъ же, стр. 95, пост. 8 ноября.

[4]) У Варадинова кн. VIII, стр. 209.

1832 года стало примѣняться, по мѣрѣ возможности
и надобности, и по другимъ губерніямъ. „Для посте-
пеннаго установленія порядка, свойственнаго благо-
устроенному государству“, комитетъ положилъ „при-
нять къ руководству по гражданской части правиломъ:
когда дойдетъ до свѣдѣнія правительства о вновь
бѣжавшемъ къ раскольникамъ попѣ, то таковаго воз-
вращать въ епархію, въ распоряженіе епархіальнаго
архіерея, какъ то уже и дѣлалось, а со временемъ рас-
пространить и на всѣ губерніи послѣдовавшее Высо-
чайшее повелѣніе для С.-Петербурга, Москвы и перм-
ской губерніи, чтобъ вновь не дозволять появляться
бѣглымъ попамъ у раскольниковъ, но прежнихъ оста-
вить въ покоѣ, какъ давно живущихъ на мѣстахъ“ [1]).
Приведеніе въ дѣйствіе положенія комитета возлагалось
на министра внутреннихъ дѣлъ, который, „не дѣлая
его никому извѣстнымъ“, каждый разъ, при распро-
страненіи его на новую губернію, долженъ былъ ис-
прашивать на то Высочайшаго разрѣшенія [2]).

Извѣстно, что бѣглые попы допускаются расколь-
никами къ священнодѣйствію и исполненію требъ ме-
жду ними только послѣ предварительной „исправы“
ихъ. Въ то время подобная исправа священнослужи-
телей якобы „кривовѣрныхъ“ въ „прововѣрные“ про-
изводилась, какъ оффиціально дознано было, попре-
имуществу въ иргизскихъ монастыряхъ, получавшихъ,
такимъ образомъ, первостепенное значеніе въ поддер-
жаніи бѣглопоповства. Озабоченное его искорененіемъ,
правительство обязало настоятелей иргизскихъ мона-
стырей „подписками — впредь не принимать въ сіи
монастыри на исправу бѣглыхъ поповъ“, подъ угро-
зою, что участники будутъ предаваться суду, какъ
„распространители ереси“ [3]).

[1]) Собран. пост. по ч. раск. стр. 110—111, пост. 31 янв. 1832 г. [2]) Тамъ же, стр. 112, пост. 23 апр. 1832 г.

[3]) Тамъ же, стр. 158—160, пост. 17 янв. 1836 г.

Самое возвращеніе отъ раскольниковъ запрещенныхъ для нихъ священнослужителей происходило съ большими предосторожностями. О каждомъ, вновь бѣжавшемъ къ раскольникамъ попѣ, епархіальные архіереи увѣдомляли губернаторовъ. Губернаторы принимали мѣры къ *отысканію* бѣглеца. но „отыскавъ и учредивъ за нимъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ находится, секретный полицейскій надзоръ“. они должны были доносить о томъ министерству внутреннихъ дѣлъ и отсюда уже ожидать распоряженій о дальнѣйшемъ. Образъ же дѣйствій министерства, въ свою очередь, каждый разъ опредѣлялся указаніями петербургскаго секретнаго комитета [1]). Возвращаемые такимъ путемъ священнослужители карались очень строго. Еще въ 1820 году. когда правила 1822 года были въ дѣйствіи, Св. Синодъ на запросъ министерства внутреннихъ дѣлъ: „какія преступленія по отношенію къ бѣглымъ священникамъ надлежитъ считать уголовными?“ между другими указалъ. что. „какъ мѣсто. которому ввѣрено охраненіе ненарушимости священныхъ правилъ и церковнаго благочинія“, онъ „не можетъ не признать самаго побѣга священника отъ своего мѣста и должности за преступленіе тяжкое. требующее неопустительнаго правосудія“ [2]). Въ Высочайше утвержденномъ въ 1841 году уставѣ духовныхъ консисторій побѣгъ священника къ раскольникамъ. дѣйствительно. поставленъ уже на ряду съ уголовными преступленіями. По нему священнослужители. отступившіе въ ересь или расколъ, подлежатъ лишенію сана, съ исключеніемъ изъ духовнаго званія, наравнѣ съ тѣми изъ нихъ, которые „обличены въ уголовныхъ преступленіяхъ и присуждены къ таковому наказанію уголовными присутственными

---

[1]) Собран. пост. по ч. раск. стр. 138, пост. 24 декабря 1834 г.; стр. 144, пост. 2 апр. 1835 г.

[2]) Собран. пост. по ч. раск. по в. Св Син. II, стр. 202, пост. $\frac{\text{28 окт.}}{\text{11 ноября}}$ 1827 г.

мѣстами“ [1]). По суду гражданскому, „сверхъ воспрещенія вступать въ государственную службу“, имъ не дозволялось „никогда имѣть пребываніе. а тѣмъ менѣе приписываться къ городскимъ или сельскимъ обществамъ“ въ столицахъ и тѣхъ губерніяхъ, гдѣ они священствовали и находились у раскольниковъ. Въ соблюденіи этихъ требованій съ нихъ бралась подписка. Нарушители подписокъ ссылались въ Закавказье „на всегдашнее пребываніе“ [2]).

Оставленные у раскольниковъ въ покоѣ доживать свой вѣкъ бѣглые попы прежняго времени [3]) ограничены были въ своихъ правахъ и дѣйствіяхъ. Не тревожа ихъ. какъ „давно живущихъ на мѣстахъ“, правительство однако далеко было отъ мысли считать ихъ положеніе легальнымъ. На просьбу некрасовцевъ о дозволеніи у нихъ бѣглымъ попамъ отправлять богослуженіе и требы. правительство, какъ видѣли мы, отвѣчало имъ предложеніемъ единовѣрческаго священника, разъяснивши, что „другихъ священниковъ въ государствѣ нѣтъ, а лица, исправляющія у раскольниковъ духовныя требы. не признаются священниками“ [4]). Для правительства они, дѣйствительно, какъ бы не существовали. На вопросъ пермскаго губернатора: „слѣдуетъ-ли вносить въ ревизскія сказки бѣглыхъ священниковъ, находящихся у раскольниковъ?“ послѣдовало Высочайшее повелѣніе: „чтобъ о бѣглыхъ попахъ.

---

[1]) Собран. постан. по ч. раск. стр. 378. пост. 27 марта 1841 г.

[2]) Тамъ же, стр. 149—150, пост. 8 окт. 1835 г.

[3]) Но снисхожденіе въ этомъ смыслѣ не простиралось на бѣглыхъ діаконовъ и монаховъ. Ихъ велѣно было „не медля, высылать за карауломъ къ архіерею той епархіи, изъ которой они бѣжали, для поступленія по законамъ“ (Собран. пост. по ч. раск. стр. 167, пост. 11 марта 1836 г., стр. 199—200, пост. 19 марта 1837 г.).

[4]) Собран. пост. по ч. раск. стр. 248—249, пост. 10 дек. 1838 г.

у раскольниковъ находящихся, ревизскихъ сказокъ вовсе не было принимаемо“ [1]). Въ оффиціальныхъ документахъ они не назывались раскольническими *священниками*, по непризнанію за ними этого званія, а „остающійся у раскольниковъ *попъ* или *исправляющій у раскольниковъ духовныя требы*“ [2]). Какъ и безпоповщинскіе наставники, они могли исправлять у раскольниковъ требы „только въ мѣстахъ ихъ жительства“ [3]). Переѣзды ихъ изъ уѣзда въ уѣздъ, а тѣмъ болѣе изъ губерніи въ губернію съ цѣлію требосовершенія „рѣшительно“ воспрещались. Имъ не давали „никакихъ видовъ“, какъ „бѣглецамъ“, а при неимѣніи ими „надлежащихъ письменныхъ видовъ“, въ случаѣ переѣздовъ ихъ, съ ними поступали на общемъ основаніи, какъ съ „бродягами“ [4]). Въ частности, бѣглые попы изъ другихъ мѣстъ не допускались въ центръ поповщины—Москву, тѣмъ болѣе не могли имѣть „вре-

---

1) Собран. пост. по ч. раск. стр. 129, пост. 6 мая 1834 г.

2) Тамъ же, стр. 260, пост. 5 мая 1839 г.

3) Тамъ же, стр. 128, пост. 6 мая 1834 г. Изъ этого правила были однако исключенія, допускаемыя правительствомъ „единственно по снисхожденію къ заблужденіямъ раскольниковъ, или въ надеждѣ, что они, восчувствовавъ благость къ нимъ правительства, обратятся на путь истины и воспользуются законными правами, всѣмъ вообще вѣрноподданнымъ дарованными“. (Тамъ же, стр. 265, пост. 5 мая 1839 г. п. 4). Такъ у бѣглаго попа въ г. Ржевѣ разрѣшалось исправлять требы раскольникамъ *тверской* губерніи, новоторжскаго уѣзда, горской волости, *смоленской* г. пississовскаго приказа и андреевской волости и *новгородской* г. демяновскаго у. семеновской волости (Тамъ же, стр. 303, пост. 19 дек. 1841 г., стр. 290, пост. 21 ноября 1840 г., стр. 340—341, пост. 24 дек. 1843 г.). Раскольникамъ калужской губерніи разрѣшалось исправлять требы у бѣглыхъ поповъ въ черниговской губерніи (Тамъ же, стр. 302—303, пост. 19 дек. 1841 г.).

4) Тамъ же, стр. 90—91, пост. 24 мая 1827 г.; стр. 138, пост. 24 дек. 1834 г.

менное пребываніе“ или заниматься требоисправленіемъ
на Рогожскомъ кладбищѣ [1]).

Предупреждая новыя уклоненія священнослужите-
лей въ расколъ карательными мѣрами, правительство
прежде бѣжавшихъ старалось. напротивъ, возвращать
въ ограду церкви милостями. Въ случаѣ добровольнаго
возвращенія ихъ „съ чистосердечнымъ раскаяніемъ“,
правительство находило „справедливымъ и полезнымъ“
давать имъ полное прощеніе ихъ проступка. Губерна-
торы Высочайше уполномочены были сообщить имъ
о томъ „не формальнымъ порядкомъ, но, по ихъ усмо-
трѣнію, чрезъ довѣренныхъ лицъ“. и если „сіи попы
изъявятъ наклонность предстать къ своему началь-
ству съ искреннимъ раскаяніемъ въ ихъ проступкѣ,
то таковымъ оказывать всевозможное пособіе къ испол-
ненію ихъ намѣренія“ [2]). Добровольно возвращающимся
священнослужителямъ изъ числа оставленныхъ у ра-
скольниковъ. по опредѣленію св. Синода, опять дава-
лись соотвѣтственныя ихъ сану мѣста въ православ-
ныхъ приходахъ. Такъ. напр., въ 1836 году получили
прощеніе и, по надлежащемъ испытаніи, опредѣлены
были въ православные приходы принесшіе раскаяніе—
священникъ Яковъ Николаевъ и діаконъ Степанъ Ти-
ховъ [3]). По представленію черниговскаго преосвящен-
наго, Св. Синодъ въ 1838 году разрѣшилъ совершать
богослуженіе „на правилахъ единовѣрческихъ“ добро-
вольно возвратившемуся изъ раскола къ церкви свя-
щеннику Лазаревскому [4]).

Извѣстно, что подъ видомъ бѣглыхъ поповъ обя-
занности требосовершителей у раскольниковъ иногда
брали на себя разные проходимцы, среди которыхъ

---

1) Тамъ же, стр. 123, пост. 4 января 1834 г.

2) Тамъ же, стр. 141—142, пост. 14 марта 1835 г.

3) Собран. пост. по ч. раск. по в. Св. Син. II, стр. 302—304, пост. $\frac{\text{23 сент.}}{\text{16 окт.}}$ и 20 ноября 1836 г.

4) Тамъ же, стр. 329, пост. 19 марта 1838 г.

чаще всего встрѣчались разстриженные за пороки православные священнослужители и монахи. Это явленіе имѣло мѣсто особенно въ обозрѣваемое царствованіе, когда поповцы въ выборѣ своихъ требосовершителей, благодаря изложеннымъ мѣропріятіямъ о нихъ, по необходимости, дѣлались менѣе разборчивы. Въ 1846 году саратовскій губернаторъ донесъ министру внутреннихъ дѣлъ, что „всѣ вообще требы у тамошнихъ раскольниковъ исправляются сосланными туда изъ разныхъ мѣстъ разстригами, которые, приписываясь къ городскимъ и сельскимъ обществамъ, получаютъ билеты и паспорты отъ этихъ обществъ, и находящимися у нихъ поддѣльными и настоящими видами обманываютъ въ одно время легковѣрныхъ раскольниковъ и избѣгаютъ преслѣдованія мѣстныхъ властей“ [1]). По докладѣ объ этомъ Государю, министръ получилъ повелѣніе: „никакихъ, лишенныхъ духовнаго званія лицъ въ саратовской губерніи не терпѣть и нынѣ же, отыскавъ, выслать въ другія безвредныя мѣста“. Тогда, во исполненіе даннаго повелѣнія, министръ представилъ Государю докладъ, въ которомъ предлагалъ для исключаемыхъ изъ духовнаго званія лицъ всѣ вообще прежнія мѣста ихъ ссылки-губерніи: саратовскую, оренбурскую, вологодскую и олонецкую—„гдѣ находится значительное число раскольниковъ“, замѣнить Закавказьемъ. Докладъ мотивированъ былъ тѣми соображеніями, что ссылка такихъ лицъ въ поименованныя губерніи „сильно препятствуетъ водворенію между тамошними раскольниками единовѣрія“, давая имъ возможность совершать чрезъ нихъ всѣ духовныя требы. Докладъ былъ одобренъ и, согласно ему, издано Высочайшее повелѣніе: „исключаемыхъ изъ духовнаго вѣдомства за пороки ссылать въ Закавказскій край и водворять тамъ по распоряженію намѣстника кавказскаго“. Сюда же повелѣвалось выселить и всѣхъ сосланныхъ уже въ поименованныя губерніи. „Подъ строгимъ полицейскимъ

[1]) Собран. пост. по ч. раск. по в. Св. Син. II, стр. 433.

надзоромъ“ разрѣшалось оставить лишь такихъ, „которые пріобрѣли (тамъ) постоянную осѣдлость и не замѣчены ни въ чемъ противозаконномъ“ [1]).

Столь рѣшительныя мѣры Николаевскаго правительства о поповщинскихъ требосовершителяхъ породили два весьма крупныхъ явленія въ поповщинскомъ мірѣ: подъ опасеніемъ остаться безъ поповъ 1) рядъ многократныхъ и настойчивыхъ домогательствъ со стороны поповцевъ получить самостоятельныхъ, независимыхъ отъ духовнаго начальства, священниковъ и, въ связи съ безуспѣшностью такихъ домогательствъ, 2) учрежденіе такъ назыв. австрійской іерархіи.

Вопросъ о дарованіи самостоятельныхъ раскольникамъ священниковъ былъ однимъ изъ серьезнѣйшихъ, по своей насущности, вопросовъ того времени. Онъ волновалъ раскольническій поповщинскій міръ болѣе 30-ти лѣтъ, а въ одно время (конецъ царствованія Николая I и начало Александра II) имъ сильно занято было и само правительство. Мы не будемъ излагать подробной исторіи этого вопроса, прямого отношенія къ нашей задачѣ не имѣющей и въ литературѣ разсмотрѣнной уже довольно подробно [2]). Отмѣтимъ лишь общій характеръ составляющихъ её раскольническихъ домогательствъ и отношеніе къ нимъ со стороны правительства.

Во главѣ поповцевъ, добивающихся отъ правительства полученія *легальнымъ* образомъ независимыхъ отъ духовнаго начальства священниковъ, стояли мо-

[1]) Тамъ же, стр. 475—476, пост. 15 дек. 1849 г.; — по мин. вн д. стр. 442—443, пост. 3 мая 1851 г.

[2]) Интересующихся этой исторіей отсылаемъ къ статьямъ —Мельникова „Историческіе очерки поповщины“ (Русск. Вѣстн. т. 51 и 65), Петрова—„Дѣла о московскихъ старообрядцахъ четверть вѣка тому назадъ“ (Тамъ же, т. 156), Надеждина—„Старшины Екатеринбургскаго раскольническаго общества“ (Брат Слово 1889, II) и особенно къ книгѣ В. Бѣликова—„Дѣятельность московскаго митрополита Филарета по отношенію къ расколу“ (стр. 274—365).

сковскіе (рогожскіе) и екатеринбургскіе старообрядцы. Побуждаемые въ существѣ дѣла однѣми причинами и преслѣдуя одну конечную цѣль, рогожскіе и екатеринбургскіе поповцы, по характеру своихъ домогательствъ, первоначально однако существенно различались. Поставленные строгостями переживаемаго времени въ „прискорбное для души" положеніе въ настоящемъ и „съ горестію помышляя" о еще большихъ „неустройствахъ" въ будущемъ, рогожскіе поповцы первоначально хлопотали предъ правительствомъ о простомъ возстановленіи въ полной силѣ и дѣйствіи секретныхъ правилъ о бѣглыхъ попахъ 26 марта 1822 г. [1]) и только уже въ концѣ царствованія Николая I они существенно измѣнили характеръ своихъ просьбъ, ставши солидарными со старообрядцами екатеринбургскими [2]). Въ противоположность рогожскимъ поповцамъ, эти послѣдніе въ своихъ прошеніяхъ предлагали правительству цѣлые проекты новаго устройства раскольническихъ общинъ, нѣчто въ родѣ *новаго* единовѣрія, могущаго будто объединить всѣхъ старообрядцевъ между собою и примирить ихъ съ православною церковію. Они проектировали образованіе особенныхъ раскольническихъ приходовъ, отъ духовнаго начальства совершенно независимыхъ, а подчиненныхъ непосредственному управленію своихъ старшинъ и верховному надзору свѣтской власти. Екатеринбургскіе поповцы просили правительство предоставить имъ право свободнаго выбора священнослужителей (священниковъ и діаконовъ), по обоюдному согласію, съ полнымъ изъятіемъ избранныхъ изъ вѣдѣнія епархіальнаго архіерея и подчиненіемъ мѣстному гражданскому начальству—начальнику края или проектируемому ими особому „губернскому комитету о раскольникахъ". При этомъ они оставляли за собою право увольнять тѣхъ изъ по-

[1]) Русск. Вѣст. т. 65, стр. 40—46.

[2]) Бѣликовъ В. Дѣятельность московскаго митрополита Филарета по отношенію къ расколу, стр. 303—304.

ступающихъ къ нимъ священнослужителей, которые „по какимъ-либо дѣйствіямъ и поступкамъ, противнымъ совѣсти старообрядцевъ", окажутся имъ ненужными [1]). Соглашались екатеринбургскіе поповцы и на положеніе „старообрядцевъ, подчинившихся епархіальному вѣдомству", но при условіяхъ: чтобы архіереи располагали ихъ священниками „не какъ присоединившимися", чтобы послѣдніе не молились вмѣстѣ съ православными и единовѣрческими священниками и чтобы имѣющееся у нихъ якобы „древнее святое миро" оставлено было „безъ всякаго о немъ розысканія" [2]). Въ такомъ-то смыслѣ оказанное снисхожденіе и могло бы, по мнѣнію просителей, сплотить всѣхъ старообрядцевъ во едино и приблизить ихъ къ церкви. Въ началѣ своихъ домогательствъ они писали министру духовныхъ дѣлъ князю Голицыну: „Вашему Сіятельству не безызвѣстно, когда правительство, успокоивая старообрядцевъ, по разнымъ до сего жалобамъ, позволило имѣть церкви на пунктахъ митрополита Платона. Что изъ сего вышло? Изъ церквей сихъ нѣкоторыя запустѣли, другія остались при нѣсколькихъ семействахъ, — слѣдовательно, только разселили старообрядцевъ, а если-бъ оно тогда же позволило приблизиться болѣе къ коренному нашему положенію (о которомъ они просили), не было бы ни единаго раздѣленія, и нынѣ, чѣмъ ближе и неизмѣннѣе то у насъ останется, что было до лѣтъ Никона патріарха, тогда не только всѣ старообрядцы соединятся съ первородною древнею (церковью), но и самые перекрещенцы, безпоповщина и прочіе надежно убѣдятся (ихъ произвело одно и тоже гонительное время патріарха Никона); и духовное правительство узритъ однихъ прямо старообрядцевъ не по своимъ какимъ-либо умствованіямъ, но по тѣмъ же святымъ преданіямъ, догматамъ и уставамъ, отъ крещенія князя Владиміра до лѣтъ Никона свято и всѣми чтимыхъ" [3]).

[1]) Тамъ же, стр. 285, 288—290.

[2]) Тамъ же, стр. 294—295.

[3]) Русск. Вѣстн. т. 51, стр. 21.

Но правительство отнеслось къ домогательствамъ
раскольниковъ. какъ и слѣдовало ожидать, отрицатель-
но. Само собою разумѣется, что оно не могло возвра-
титься къ прежнему, отмѣненному имъ порядку, тер-
пѣвшему „прискорбное“ для православной церкви и
„постыдное“ для ея духовенства бѣглопоповство [1]).
Проекты екатеринбургскихъ поповцевъ успѣха также
не имѣли, хотя и встрѣчали у нѣкоторыхъ изъ высоко-
поставленныхъ лицъ сочувствіе и даже активное со-
дѣйствіе и поддержку. „Благочестивое правительство“
было вовсе „не расположено узаконить распоряженіе,
которое прямо вело бы священника къ отступничеству
отъ церкви“ [2]). Въ Собраніи постановленій по ч. рас-
кола мы находимъ два сюда относящіяся распоряженія:
одно является отвѣтомъ екатеринбургскимъ расколь-
никамъ. другое—примкнувшимъ къ нимъ впослѣдствіи
рогожскимъ. Въ первомъ правительство входитъ въ
подробное разсмотрѣніе предлагаемаго екатеринбург-
скими поповцами „новаго способа“ полученія ими свя-
щенниковъ и. на основаніи цѣлаго ряда церковнокано-
ническихъ и практическихъ соображеній, заключаетъ,
что „просьба ихъ, какъ неоднократно отвергнутая,
не можетъ быть и нынѣ удовлетворена“. Просьба ка-
залась правительству просто „дерзновенной“ съ ихъ
стороны попыткой, въ разсчетѣ „на непроницатель-
ность начальства“, „обмануть“ его „призракомъ сбли-
женія“. Но для правительства „ясно“ было „ихъ на-
мѣреніе держаться попрежнему въ видѣ общества, от-
дѣльнаго отъ церкви“ и „по-прежнему“ къ ней вра-
ждебнаго. Ясно было и то, что, подъ покровомъ внѣш-
няго сближенія. они въ существѣ дѣла добивались
„права безпримѣрнаго, съ благоустройствомъ управле-
нія несовмѣстнаго и намѣреніямъ правительства про-
тивнаго“. „Если предлагаемыя нынѣ раскольниками
правила о священникахъ“, говорится, между прочимъ,

[1]) Собран. пост. по ч. раск. стр. 159.

[2]) Тамъ же, стр. 221.

въ правительственномъ распоряженіи: „сравнить съ
извѣстными секретными правилами 1822 года: то ока-
жется, что они требуютъ не только того же. но и
гораздо бóльшаго. Ибо прежде отступающихъ отъ
церкви въ расколъ брали они украдкою. а правитель-
ство какъ бы не примѣчало сего, а теперь они хотятъ
тѣхъ же священниковъ брать открыто и формально.
и сему беззаконію священниковъ дать видъ законно-
сти“. И удовлетворить просителей,—это значило бы—
раскольникамъ, „которые теперь суть только толпа“.
дать возможность „мало по малу организоваться въ
отдѣльное, съ особыми формами общество“. По всему
этому екатеринбургскимъ поповцамъ правительство не
только отвѣчало отказомъ. но и обязало просителей
„подписками. чтобы они впредь не осмѣливались утру-
ждать начальство подобными ухищренными прось-
бами“ [1]). По поводу просьбы рогожскихъ поповцевъ
„о дозволеніи имѣть священство подъ вѣдѣніемъ од-
ного граждавскаго начальства“. Государь Императоръ
собственноручно написалъ: „на подобныя прихоти рас-
кольниковъ соглашаться не должно“. Почему со сто-
роны петербургскаго секретнаго комитета послѣдовало
имъ „внушеніе“. что ихъ „просьба и не могла быть
принята во вниманіе: ибо они домогаются того. что
противно не только церковнымъ. но и гражданскимъ
постановленіямъ“ [2]).

На помощь духовной нуждѣ поповцевъ, застав-
лявшей ихъ просить священниковъ, правительство раз-
считывало прійти инымъ путемъ. Его цѣлью было
„сближать ихъ съ православною іерархіею“ [3]). По-
чему. отклоняя просьбы раскольниковъ о своихъ свя-
щенникахъ, оно въ то же время старалось расположить
ихъ къ тому. чтобы они просили для себя „священ-

[1]) Собран. пост. по ч. раск. стр. 218—223, пост. 10 марта 1838 г.

[2]) Тамъ же, стр. 491, пост. 13 мая 1854 г.

[3]) Тамъ же, стр. 222.

ства на правилахъ единовѣрческихъ" [1]). Но къ достиженію своей цѣли правительство встрѣтило совершенно неожиданное и, какъ послѣ оказалось, уже непреодолимое препятствіе съ другой стороны. Разумѣемъ учрежденіе за границей въ октябрѣ 1846 года раскольничьей архіерейской каѳедры, положившей начало самостоятельной раскольничьей такъ назыв. *австрійской* іерархіи.

Понятно само собою, что новое раскольничье учрежденіе, грозившее правительственнымъ планамъ полнымъ крушеніемъ, должно было вызвать самыя энергическія противъ себя мѣры. Принятые мѣры разсчитаны были на то, чтобы разобщить русскихъ раскольниковъ съ заграничными и затѣмъ прекратить дальнѣйшее существованіе новоявленной іерархіи. Министръ внутреннихъ дѣлъ получилъ Высочайшее повелѣніе, при содѣйствіи шефа жандармовъ, „безотлагательно принимать мѣры къ прекращенію вредныхъ сношеній нашихъ раскольниковъ съ буковинскими", установивъ за ними неослабный секретный надзоръ. Заграничныхъ раскольниковъ, при появленіи ихъ въ предѣлахъ имперіи, повелѣвалось арестовывать „для секретнаго изслѣдованія ихъ вредныхъ замысловъ и поступленія по существующимъ законамъ" [2]). Почтовому вѣдомству сообщено было, чтобы письма русскихъ раскольниковъ въ Сереть и Бѣлокриницкій монастырь и оттуда въ Россію перелюстровывались и въ копіяхъ сообщались министерству [3]). Для наблюденія, въ частности, за Рогожскимъ кладбищемъ къ нему опредѣлены были изъ министерскихъ чиновниковъ смотритель и помощникъ, при чемъ послѣдній „постоянно жилъ въ зданіяхъ кладбища" [4]). Когда шефъ жандармовъ доложилъ Государю,

[1]) Тамъ же, стр. 223 и 491—492.

[2]) Тамъ же, стр. 378, пост. 13 мая 1847 г.

[3]) У Кельсіева, вып. I, стр. 145.

[4]) Собран. пост. по ч. раск. стр. 494, пост. 9 авг. 1854 г.

что „крестьяне разныхъ вѣдомствъ изъ саратовской губерніи покидаютъ свои жилища и толпами бѣгутъ за границу", то дано повелѣніе возвращать ихъ, „буде нужно, даже подъ конвоемъ войскъ" [1]). Въ видахъ прекращенія дальнѣйшаго существованія австрійской іерархіи, обращено было прежде всего вниманіе на родоначальника ея — греческаго митрополита Амвросія. Русское правительство категорически потребовало отъ австрійскаго немедленнаго удаленія м. Амвросія изъ Бѣлой Криницы и закрытія тамошняго раскольническаго монастыря. На переданной министру иностранныхъ дѣлъ графу Нессельроде „для дальнѣйшаго направленія" нотѣ Государь собственноручно написалъ: „сообщить г. Нессельроду, съ тѣмъ, чтобы повторилъ мое рѣшительное требованіе отъ австрійскаго правительства, чтобы мнимый монастырь былъ немедленно закрытъ, а самозванецъ епископъ высланъ, какъ бродяга, и объявить австрійскому правительству, что ежели я не получу скораго удовлетворенія въ справедливыхъ моихъ настояніяхъ, я вынужденъ буду прибѣгнуть къ другимъ, крайне мнѣ прискорбнымъ мѣрамъ" [2]). Требованіе русскаго Императора было удовлетворено: Бѣлокриницкій монастырь былъ закрытъ, а м. Амвросій, у котораго не доставало „духу" возвратиться въ патріархію, отправленъ былъ на пожизненную ссылку въ Цилли [3]). Получивъ удовлетвореніе своимъ требованіямъ за границей, русское правительство у себя дома приняло „не гласныя, но дѣятельныя мѣры къ отысканію скрывающихся раскольническихъ лжедуховныхъ лицъ" [4]).

[1]) Собр. пост. по ч. раск стр. 434—435, пост. 1 сент. 1850 г.

[2]) У Кельсіева I, стр. 152. Нота русскаго правительства напечатана въ Чтен. общ. истор. и древн. 1871 г. IV, стр. 173—177.

[3]) Тамъ же, стр. 153.

[4]) Собран. пост. по ч. раск. стр. 496, пост. 15 декабря 1854 г.

Но всѣ мѣры, принятыя противъ австрійской іерархіи, оказались уже запоздалыми и потому желательнаго для правительства успѣха онѣ не имѣли. Мѣры стали примѣняться въ то время, когда существованіе этой іерархіи чрезъ поставленіе Амвросіемъ преемника,—перваго въ строгомъ смыслѣ раскольническаго архіерея, являлось уже упроченнымъ. При такомъ положеніи аресты раскольническихъ архіереевъ и поповъ являлись безцѣльными, такъ какъ заарестованные въ избыткѣ замѣнялись новыми [1]). Благодаря принятымъ строгостямъ, австрійская іерархія при Николаѣ I не смѣла только заявить себя въ Россіи открыто, оставаясь, по выраженію московскаго митрополита Филарета, „кроющеюся въ норахъ лжеіерархіею" [2]).

IV.

О пропагандѣ раскола. Прекращеніе раскола, какъ конечная цѣль правительственной системы. Выраженіе этой цѣли въ изложенныхъ распоряженіяхъ. Мѣры противъ естественнаго нарожденія раскола. Охранительныя и карательныя мѣры противъ совращенія. Оффиціальныя духовныя увѣщанія. Льготы и поощренія для лицъ, присоединяющихся изъ раскола къ церкви и тому содѣйствующихъ. Распоряженія о вторично уклоняющихся въ расколъ.

Прекращеніе раскольнической пропаганды, а съ нею вмѣстѣ и самаго раскола составляло послѣднюю, конечную цѣль Николаевской системы дѣйствій по отношенію къ нему. Въ предыдущемъ изложеніи не трудно было видѣть, что къ этой именно цѣли съ логической послѣдовательностію направлялись всѣ мѣропріятія. Терпя расколъ statu quo, какъ явленіе застарѣлое, окрѣпшее, получившее даже права законности для своего существованія, правительство видимо стремилось во что бы то ни стало остановить его дальнѣйшій

[1]) Монастыревъ. Историч. очеркъ австрійскаго священства послѣ Амвросія стр. 51.

[2]) Собран. мн. и отз. т. IV, стр. 10—11.

ростъ, преграждая пути и средства къ его дальнѣйшему поддержанію и распространенію. Въ твердой увѣренности, что поставленный въ такое положеніе расколъ постепенно вымретъ и прекратится самъ собою, оно и отъ мѣстныхъ исполнительныхъ властей требовало „обращать попеченія свои болѣе на пресѣченіе раскольникамъ способовъ къ распространенію нелѣпыхъ ихъ вѣрованій и обрядовъ, нежели на искорененіе раскола между людьми, къ оному уже прилѣпившимися" [1]).

Расколъ поддерживается и распространяется, какъ извѣстно, двумя путями: чрезъ естественное нарожденіе и чрезъ совращеніе. Въ видахъ достиженія отмѣченной конечной цѣли, мѣры правительства разсчитаны были на возможно полное пресѣченіе того и другаго пути.

Къ мѣрамъ противъ естественнаго нарожденія раскольниковъ правительство приступило „со всевозможною осторожностію и осмотрительностію", примѣняя ихъ дѣйствіе „не вдругъ во всей ихъ силѣ и пространствѣ, но исподоволь такъ, чтобы не произвести между сими людьми тревоги и озлобленія" [2]). Опытъ начатъ былъ съ такихъ лицъ, которыя находились въ наиболѣе безпомощномъ и беззащитномъ положеніи. Такъ, для перваго раза правительство взяло „на свое попеченіе" молодѣтнихъ круглыхъ сиротъ, воспитывавшихся въ рижской раскольнической богадѣльнѣ и школѣ и въ судиславльской богадѣльнѣ Папулина. Чтобы „преподать имъ способы выйти изъ того заблужденія, въ которомъ они воспитываются раскольниками", правительство распорядилось изъ нихъ мальчиковъ „сдать въ баталіоны военныхъ кантонистовъ", а дѣвочекъ распредѣлить въ „благонадежныя мѣста и благотворительныя заведенія, по распоряженію приказовъ общественнаго призрѣнія". Заявленія отъ попечителей, „что они сами берутъ на свою отвѣтственность

[1]) Собран. пост. по ч. раск. стр. 225.

[2]) Тамъ же.

воспитаніе и устроеніе судьбы таковыхъ сиротъ", не принимались, и при рижской богадѣльнѣ закрыто было послѣ того самое сиротское отдѣленіе [1]). Еще правительство Александра I, ограничивая московскихъ ѳедосѣевцевъ, требовало, какъ мы въ своемъ мѣстѣ видѣли, чтобы на Преображенскомъ кладбищѣ не держались воспитанники старше 14 лѣтъ [2]). Обнаруженное неисполненіе этого требованія послужило для Николаевскаго правительства основаніемъ къ тому, что оно „приняло само на себя обязанность пещись объ участи сихъ сиротъ",—и не только уже Преображенскаго кладбища, но и Рогожскаго. Всѣ подкидыши и сироты, поступающіе для воспитанія на московскія раскольническія кладбища,—мальчики стали считаться военными кантонистами. Въ помѣщеніяхъ кладбищъ разрѣшено было держать ихъ только до 3-хъ лѣтъ: въ возрастѣ отъ 3-хъ лѣтъ сначала до 12-ти, а потомъ до 15-ти отдавались въ воспитательный домъ, гдѣ указано было „размѣщать ихъ такъ, чтобы они росли и воспитывались подъ надзоромъ учрежденнаго начальства, а не отдавать ихъ въ стороннія руки"; старше же 15-ти лѣтъ зачислялись въ учебные карабинерные полки. О малолѣтнихъ дѣвочкахъ были тѣ же правила, что и о мальчикахъ; взрослыхъ начальство старалось „пристроить по возможности", а которымъ не находилось „приличнаго житія", оставлялись въ воспитательномъ домѣ [3]). Закрытіе въ 1835 году на Рогожскомъ кладбищѣ училища дало правительству поводъ нѣсколько расширить принятую имъ на себя задачу. Учениковъ этого училища повелѣвалось раздать родителямъ или

1) Собран. пост. по ч. раск. стр. 101, пост. 23 января 1830 г.; стр. 113, пост. 14 мая 1832 г.; стр. 115—117, пост 24 февр. и 26 марта 1833 г.; стр. 428—429, пост. 10 іюня 1850 г.

2) См. стр. 13.

3) Собран. пост. по ч. раск. стр. 130—131, пост. 26 мая 1834 г.; стр. 138—139, пост. 24 дек. 1835 г.; стр. 142—143, пост. 14 марта 1835 г. п. 3.

родственникамъ, а „тѣхъ изъ нихъ, которыхъ нельзя надлежащимъ образомъ пристроить, по бѣдности родителей или родственниковъ или по неимѣнію оныхъ,—взять въ военные кантонисты" [1]). Такимъ образомъ, заботы правительства, кромѣ сиротъ, распространялись еще и на бѣдныхъ дѣтей. Отъ заботъ о воспитаніи въ православіи безродныхъ и бѣдныхъ дѣтей, призрѣваемыхъ въ общественныхъ раскольническихъ заведеніяхъ, правительство перешло къ подобнымъ же заботамъ о *незаконнорожденныхъ* дѣтяхъ „безсемейныхъ раскольничьихъ дѣвокъ и женщинъ, брошенныхъ тѣми, съ кѣмъ онѣ имѣли беззаконное сожительство". Этихъ послѣднихъ правительство распорядилось уже прямо крестить въ церкви, а чтобы „не дать укорениться (въ нихъ) раскольническимъ понятіямъ", своевременно отбирать у матерей: мальчиковъ, по достиженіи узаконеннаго возраста, зачислять въ военные кантонисты, а дѣвочекъ пристраивать, по усмотрѣнію приказовъ общественнаго призрѣнія [2]). Въ концѣ 30-хъ и началѣ 40-хъ годовъ приняты были слѣдующія мѣры „къ обращенію раскольниковъ въ православіе" въ округахъ военнаго поселенія. Для безпоповцевъ велѣно здѣсь „однажды и навсегда составить семейные списки" и „никакой прибыли" по нимъ уже не допускать. Удостовѣренные корпуснымъ командиромъ и подписанные членами окружныхъ комитетовъ, эти списки должны были храниться по экземпляру въ окружныхъ комитетахъ, у приходскихъ священниковъ и при молитвенныхъ домахъ „для отмѣтки по онымъ убыли и повѣрки раскольниковъ". Наставники обязывались „не умножать числа собратій своихъ". Позволившіе себѣ увеличить въ спискѣ число раскольниковъ или даже допустить въ молитвенный домъ „изъ такихъ людей, которые въ спискѣ у нихъ не значились, хотя бы они были и рас-

1) Собр. пост. по ч. раск. стр. 142, пост. 14 марта п. 2.

2) Тамъ же, стр. 232—233, пост. 30 апр. 1838 г.; стр. 388—389, пост. 25 окт. 1847 г. п. 8.

кольники“, предавались суду. Вѣнчаться раскольники обязаны были въ церкви и давать подписку, что дѣтей своихъ они будутъ воспитывать уже въ православной вѣрѣ. Вновь рождающихся у раскольниковъ дѣтей *вообще* (т. е. не только у безпоповцевъ, но и поповцевъ) велѣно крестить въ церкви и раскольниками ихъ уже не считать. Мальчики, не крещенные въ церкви, зачислялись въ военные кантонисты, „какъ незаконнорожденные“. На мѣстныя власти и приходскихъ священниковъ возлагалось „строго наблюдать“, чтобы „всѣ дѣти ходили въ церковь и свято наблюдали всѣ уставы православной церкви“. Поэтому и погребеніе раскольниковъ „по ихъ уставамъ“ разрѣшалось „только въ отношеніи къ людямъ въ расколѣ уже закоренѣлымъ“, но на дѣтей это разрѣшеніе „не распространялось“ [1]). Послѣднія правила касательно крещенія и погребенія раскольническихъ дѣтей и исполненія ими налагаемыхъ церковью христіанскихъ обязанностей одновременно велѣно было распространить кромѣ того на раскольниковъ тульскаго и ижевского оружейныхъ заводовъ—„только въ той мѣрѣ, въ какой это по мѣстнымъ обстоятельствамъ будетъ возможно и удобно, безъ опасенія какихъ-либо вредныхъ послѣдствій, по видамъ сохраненія порядка и благоустройства въ оружейномъ обществѣ“ [2]).

Логикой своихъ распоряженій правительство вызывалось посредствомъ принятыхъ мѣръ и на дальнѣйшую и болѣе широкую борьбу съ естественнымъ нарожденіемъ раскола. Такъ, послѣ объявленія всѣхъ семейныхъ безпоповцевъ блудниками, ихъ дѣти, какъ *незаконнорожденныя*, очевидно, подлежали крещенію въ церкви и зачисленію въ кантонисты. Но въ отно-

---

[1]) Собр. пост. по ч. раск. стр. 224—225, пост. 11 марта 1838 г.; стр. 297—298, пост. 16 апр. 1841 г.; стр. 327, пост 24 апр. 1843 г. п. 2;—по в. Св. Син. II, стр. 403—404, пост. 8 дек. 1844 г.

[2]) Тамъ же, стр. 224—225, пост. 11 марта 1838 г.; стр. 240, пост. 10 іюня 1838 г.

шеніи другихъ мѣстъ правительство ограничилось лишь разрѣшеніемъ священникамъ „совершать святое крещеніе надъ тѣми изъ раскольническихъ дѣтей, которыя будутъ для того къ нимъ приносимы“, и наблюденіемъ, чтобы „таковыя дѣти впослѣдствіи исполняли христіанскія обязанности по правиламъ православной церкви“ [1]). Не возбранялось и „погребать бывшихъ въ расколѣ съ отпѣваніемъ священническимъ“, но единственно „въ предположеніи, что или сами они предъ смертію раскаялись въ своемъ заблужденіи, или родственники ихъ будутъ о томъ просить, согласно съ желаніемъ умершаго присоединиться къ церкви, предупрежденнымъ смертію“ [2]). Принципъ *осторожности*, который въ данномъ случаѣ стоялъ на первомъ планѣ, не позволилъ итти дальше. Мало того, во избѣжаніе „тревоги и озлобленія“ раскольниковъ, правительство вынуждено было на этотъ разъ даже поступиться своимъ взглядомъ. По поводу запроса рижскаго генералъ-губернатора „касательно крещенія незаконно прижитыхъ раскольницами дѣтей“ послѣдовалъ отвѣтъ: „что вездѣ незаконнорожденными признаются дѣти, рожденныя отъ лицъ женскаго пола, *не сожительствующихъ мужу по правиламъ своего вѣрованія* или подкинутыя для сокрытія виновниковъ преступнаго рожденія, на которыхъ единственно и должно распространяться“ требованіе о крещеніи. Очевидную фальшь и неискренность этого отвѣта, вынужденнаго безвыходностью положенія, хорошо, разумѣется, сознавало и само правительство, чѣмъ и объясняется данное вмѣстѣ съ отвѣтомъ „къ собственному руководству“ губернатора слѣдующее любопытное наставленіе: „не слѣдуетъ возбуждать вопросовъ и желать точности въ такихъ предметахъ, которые негласно допускаются, какъ изъятія изъ общихъ законовъ“ [3]). Этимъ назиданіемъ прави-

---

[1]) Собран. пост. по ч. раск. стр. 341, пост. 24 декабря 1843 г.;—по в. Св. Син. II, стр. 251—254, пост. $\frac{23\ \text{февр.}}{17\ \text{мая}}$ 1838 г.

[2]) Тамъ же, стр. 246, пост. 3 ноября 1838 г. п. 2.

[3]) Тамъ же, стр. 265, пост. 5 мая 1839 г. п. п. 3 и 4.

тельство, очевидно, хотѣло впредь устранить неизбѣжность съ своей стороны подобныхъ же отвѣтовъ.

Остановить или, по крайней мѣрѣ, ослабить естественный приростъ раскола въ массѣ правительство разсчитывало, видимо, другими средствами. Именно: оно обѣщало возстановленіе раскольническихъ дѣтей во всѣхъ правахъ законныхъ дѣтей, если они присоединятся къ церкви и дадутъ „обязательство неуклонно состоять въ православіи или единовѣріи“. будетъ-ли присоединеніе при жизни или по смерти родителей — это безразлично. Въ первомъ случаѣ родители-раскольники обязывались „подпискою, чтобы они отнюдь не осмѣливались совращать обратившихся на путь истины дѣтей въ свою ересь и даже оказывать оную между ними, подъ опасеніемъ за противное быть преданными суду и наказанными какъ совратители“ [1]. Сверхъ того, чтобы „подать благій примѣръ къ оставленію раскольническихъ заблужденій“, обратившимся въ православіе дѣтямъ раскольниковъ правительство считало „необходимо нужнымъ оказывать особое покровительство и защиту“. Родителямъ ихъ, напр., внушалось административнымъ порядкомъ не лишать ихъ „за дѣло совѣсти“ наслѣдства, дѣти, пожаловавшіяся на притѣсненіе со стороны родителей за переходъ въ православіе, отдѣлялись отъ нихъ, причемъ также принимались, нужно думать, мѣры къ обезпеченію отдѣляемыхъ въ матеріальномъ отношеніи, къ лишенію родныхъ возможности отнять у обращенныхъ причитающіяся имъ доли наслѣдства, хотя прямо въ распоряженіи объ этомъ и не говорится [2].

Мѣры, направленныя противъ *совращенія* въ расколъ-пропаганды въ собственномъ смыслѣ были, частію, охранительныя, частію, карательныя.

Самъ Государь смотрѣлъ на охраненіе „ненарушимости православной вѣры въ своихъ вѣрноподданныхъ“,

[1]) Собр. пост. по ч. р. стр. 449—450, пост. 15 мая 1852 г.

[2]) Тамъ же, стр. 135—136, пост. 5 дек. 1834 г.; стр. 162—163, пост. 11 марта 1836 г.

какъ на одну „изъ великихъ обязанностей, возложенныхъ на него Провидѣніемъ“ [1]. Его охранительныя заботы простирались не только на Россію, но и за предѣлы ея. Наше посольское духовенство обязано было „по возможности дознавать и доводить до свѣдѣнія своего начальства, для сообщенія министерству внутреннихъ дѣлъ, о тѣхъ россійскихъ подданныхъ, проживающихъ за границею, которые совратятся изъ православія“ [2]. Внутри Россіи, помимо общаго усиленнаго надзора, предпринятъ былъ цѣлый рядъ отдѣльныхъ охранительныхъ мѣропріятій. Такъ, смѣшанные браки-православныхъ съ раскольниками дозволялись только подъ условіемъ присоединенія послѣднихъ къ церкви, „съ отобраніемъ отъ нихъ подписки, что до конца жизни они пребудутъ въ православіи твердыми и дѣтей будутъ воспитывать въ православной вѣрѣ“ [3]. Если же браки раскольниковъ съ православными вѣнчались „въ раскольническихъ церквахъ, домахъ и часовняхъ“, то съ раскольниками и совершителями такихъ браковъ поступалось, „какъ съ совратителями“ [4]. Поэтому, напр., о бракахъ раскольниковъ съ единовѣрцами въ Забайкальскомъ краѣ, совершенныхъ по раскольническому обряду, Государь повелѣлъ произвести „строгія изслѣдованія“ [5]. Смѣшанныя семейства (изъ православныхъ и раскольниковъ), какъ равно и тѣ раскольническія, гдѣ православные жили въ услуженіи, состояли подъ особымъ секретнымъ надзоромъ полиціи [6]. Раскольники вредныхъ сектъ

[1]) Собран. пост. по ч. раск. стр. 277, Высоч. ук. 21 марта 1840 г.

[2]) Тамъ же, стр. 276—277, пост. 21 марта 1840 г.

[3]) Тамъ же, стр. 173—174, пост. 7 авг. 1836 г.

[4]) Тамъ же, стр. 148, пост. 7 іюля 1835 г.

[5]) Собран. пост. по ч. раск. по в. Св. Син. II, стр. 384—386, пост. 19 февр. 1842 г.

[6]) Собран. пост. по ч. раск. стр. 181, пост. 28 ноября 1836 г.; стр. 377—378, пост. 18 апр. 1847 г.

(не пріемлющіе брака и молитвы за царя) совсѣмъ лишались права брать къ себѣ православныхъ дѣтей „подъ какимъ бы то видомъ ни было“ [1]). Если совращался въ расколъ владѣлецъ крѣпостныхъ, то его имѣніе поступало въ опеку „для охраненія православія состоящихъ въ немъ“. Самъ совратившійся не могъ уже имѣть у себя православную прислугу и жить въ помѣстьѣ съ православнымъ населеніемъ. Если у него были малолѣтнія дѣти, то „о мѣрахъ къ охраненію ихъ православія“ представлялось на Высочайшее усмотрѣніе [2]). Мѣстности, не безопасныя въ отношеніи пропаганды, изолировались отъ постороннихъ посѣтителей. Напр., раскольникамъ войска донскаго воспрещались отлучки въ посадъ Лужки, въ видахъ „прекращенія распространенія лужковской секты“. Потому, при увольненіи въ другія мѣста, въ паспортахъ „съ точностію“ указывалось, „куда и для чего они отправляются“ и строго наблюдалось за своевременнымъ ихъ возвращеніемъ [3]). Въ самомъ войскѣ донскомъ, подъ строгою отвѣтственностью станичныхъ властей, воспрещалось проживать такимъ изъ постороннихъ лицъ, которыя такъ или иначе могли содѣйствовать „къ утвержденію и распространенію раскола“ (напр., обученіемъ по старопечатнымъ книгамъ дѣтей грамотѣ, перепискою такихъ книгъ, отправленіемъ богослуженія) [4]). Расположенныя въ нѣкоторыхъ посадахъ черниговской губерніи для усиленія надзора войска время отъ времени смѣнялись въ тѣхъ видахъ, чтобы „не свыклись съ раскольниками и не подверглись ихъ вліянію въ религіозномъ отношеніи“ [5]). Въ пермской

---

[1]) Собр. пост. по ч. раск. стр. 336—337, пост. 10 окт. 1843 г.; стр. 386—387, пост. 25 окт. 1847 г. п. 2.

[2]) Тамъ же, стр. 277—278, Высоч. ук. 21 марта 1840 г.

[3]) Тамъ же, стр. 355—356, пост. 14 апр. 1845 г.

[4]) Тамъ же, стр. 342, пост. 24 дек. 1843 г.

[5]) Тамъ же, стр. 285, пост. 11 апр. 1840 г. п. 1.

и тобольской губерніяхъ „закоренѣлые“ раскольники постепенно перемѣщались на жительство въ богословскіе заводы [1]). Въ видахъ „пресѣченія раскола“ въ Сибири, ссыльно-каторжные раскольники вредныхъ сектъ, по окончаніи срока ссылки, не селились среди православныхъ, а „особо, въ отдаленныхъ мѣстахъ, съ запрещеніемъ отлучекъ далѣе своихъ волостей“. Раскольники же особенно вредныхъ сектъ и сосланные за совращенія совсѣмъ лишались отлучекъ [2]).

Пропаганда раскола нашимъ законодательствомъ, какъ извѣстно, всегда воспрещалась, подвергая виновныхъ уголовной отвѣтственности. Въ царствованіе императора Николая I, когда законъ, „по благой терпимости равно охранялъ и всѣ исповѣданія, признанныя правительствомъ“, воспрещалось распространять расколъ и среди иновѣрцевъ, не исключая евреевъ. Настоятель Топозерскаго раскольничьяго скита, совратившій въ расколъ лютеранина, преданъ былъ суду, какъ нарушитель закона, по коему „одна господствующая церковь имѣетъ право въ предѣлахъ государства убѣждать подданныхъ иновѣрцевъ къ принятію ея ученія о вѣрѣ“ [3]). Нѣсколько раньше этого въ могилев-

---

[1]) Собр. пост. по ч. раск. стр. 270—271, пост. 28 ноября 1839 г

[2]) Тамъ же, стр. 296, пост. 16 февр. 1841 г.

[3]) Тамъ же, стр. 272—273 г. пост. 11 февраля 1840 г.; Св. Зак. т. XIV, о предупр. и пресѣч. преступл. ст. 92 изд. 1842 г. Но относительно браковъ раскольниковъ съ лицами инославныхъ христіанскихъ исповѣданій правительство не входило ни въ какія разсужденія. Государь Императоръ, когда ему доложено было о бракахъ рижскихъ раскольниковъ съ лицами лютеранскаго и римско-католическаго исповѣданій и испрашивалось на нихъ Высочайшее воспрещеніе, рѣшилъ, что ни гражданскому, ни духовному начальству нѣтъ дѣла до этихъ браковъ. Что же касается лицъ инославныхъ исповѣданій, вступающихъ въ браки съ раскольниками, то это дѣло ихъ духовнаго начальства, такъ какъ римско-католическое и лютеранское исповѣданія „имѣютъ свои уставы“ (Тамъ же, стр. 258, пост. 17 марта 1839 г.).

ской губерніи два еврея крестились по раскольническому обряду. Согласно Высочайшему повелѣнію, поручено было увѣщаніе ихъ принять православіе, съ предупрежденіемъ, что иначе они лишатся тѣхъ льготъ и преимуществъ, которыя предоставлены евреямъ-христіанамъ, и такъ указывалось поступать впредь съ другими евреями, „увлеченными въ какіе-либо расколы". Совершители крещенія обязаны были строжайшею подпискою, чтобы на будущее время они ни подъ какимъ предлогомъ не осмѣливались крестить иновѣрцевъ, „подъ опасеніемъ неминуемой отвѣтственности и взысканія", а бывшіе при крещеніи воспріемники и свидѣтели получили подтвержденіе не участвовать болѣе при таинствахъ, которыя „не позволены закономъ" [1]).

Дѣла о совращеніяхъ во всѣхъ присутственныхъ мѣстахъ выводились изъ обыкновенной очереди [2]) и не подлежали даже дѣйствію Высочайшихъ манифестовъ [3]). „Давность въ дѣлахъ сего рода" не принималась „въ разсужденіе", такъ какъ „отступленіе отъ православія" являлось, по изъясненію секретнаго комитета, преступленіемъ „не только въ минуту отпаденія, но есть преступленіе продолжающееся во все то время, доколѣ отступившій не возвратится къ православію" [4]).

Фактъ совращенія обычно устанавливался предварительнымъ слѣдствіемъ, по возможности, ускореннымъ, особенно если совратители были не изъ мѣстныхъ жителей (§§ 17 и 19). Вполнѣ дознанный слѣдствіемъ совратитель заключался въ тюрьму (§ 26), но прежде суда подлежалъ увѣщанію „для обращенія въ нѣдра православной церкви". Если увѣщаніе достигало цѣли, то судебное дѣло прекращалось (§ 19). Если же

[1]) Собр. пост. по ч. р. стр. 241—242, пост. 5 іюля 1838 г.

[2]) Тамъ же, стр. 111, пост. 15 апр. 1832 г.

[3]) Тамъ же, стр. 144—146, пост. 22 апр. 1835 г,

[4]) Тамъ же, стр. 276, пост. 21 марта 1840 г. п. 3.

увѣщанія не имѣли успѣха, совратитель упорно оставался въ своемъ заблужденіи, то послѣ того онъ уже подвергался суду по законамъ (§ 20) [1]). По законамъ совратители подлежали „отчужденію отъ обществъ, на которыя они имѣли вредное вліяніе" [2]): годные къ военной службѣ отдавались въ кавказскій или сибирскій корпуса, а неспособные и женщины ссылались: изъ внутреннихъ губерній Россіи въ Закавказье, съ Кавказа—въ Сибирь, а изъ Сибири въ Якутскую область [3]). Таково было общее правило. Но случаи ссылки въ Сибирь бывали и изъ внутреннихъ губерній. Такъ, одинъ отставной солдатъ „за отступленіе отъ православія и совращеніе жены своей въ расколъ" лишенъ былъ ордена св. Анны и сосланъ „въ отдаленнѣйшія мѣста восточной сибири" [4]). Положеніе какъ присужденныхъ къ военной службѣ, такъ и сосланныхъ было довольно тяжелое. Присужденные къ военной службѣ зачислялись рядовыми „безъ выслуги": имъ не давалось ни временныхъ отпусковъ, ни отставки [5]). Сосланные въ закавказскія провинціи селились тамъ „въ мѣстахъ, представляющихъ менѣе физическихъ богатствъ и удобствъ къ жизни", и въ поселкахъ „изъ послѣдователей различныхъ сектъ, въ существѣ правилъ между собою несходныхъ": поповцы и безпоповцы, „заблужденія коихъ заключаются преимущественно въ привер-

[1]) Собр. пост. по ч. раск. стр. 420—426. Правила о порядкѣ производства въ войскѣ донскомъ духовныхъ увѣщаній, слѣдствій и суда надъ обратившимися изъ православія въ расколъ.

[2]) Тамъ же, стр. 145, пост. 22 апр. 1835 г.

[3]) Уложеніе о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ, ст. 206. изд. 1845 г.; Собран. пост. по ч раск. стр. 104, пост. 20 окт. 1830 г.; стр. 213—214, пост. 31 авг. 1837 г.; стр. 376, пост. 18 апр. 1847 г.

[4]) Собран. пост. по ч. раск. стр. 175—176, пост. 6 окт. 1836 г.

[5]) Уложеніе о наказаніяхъ... ст. 79 и 206; Собран. пост. по ч. раск. стр. 105, пост. 20 окт. 1830 г.

женности къ обрядамъ и наружнымъ предметамъ вѣрованія", селились съ духоборцами, „отвергающими всякіе обряды" [1]).

Что касается до совращенныхъ или уклонившихся въ расколъ [2]), то дѣло о нихъ ограничивалось въ большинствѣ одними духовными увѣщаніями [3]). Сначала увѣщанія производились на мѣстѣ—приходскимъ священникомъ, благочиннымъ или другимъ, нарочито для того назначеннымъ лицемъ, а потомъ, въ случаѣ неуспѣшности, увѣщанія производились въ духовныхъ правленіяхъ, консисторіяхъ или даже лично самимъ архіереемъ [4]). Увѣщанія должны были вестись „въ духѣ любви и кротости", отнюдь не выходя изъ границъ чисто духовнымъ мѣръ [5]). Поэтому, напр., Св. Синодъ отклонилъ ходатайство одного преосвященнаго, который, въ виду „замѣченной безуспѣшности увѣщаній безъ полицейскихъ чиновниковъ и, напротивъ, дѣйствительности вь присутствіи и при содѣйствіи" ихъ, просилъ разрѣшенія „увѣщевать при чиновникѣ полицей-

[1]) Собран. пост. по ч. раск. стр. 334. Инструкція мѣстнымъ начальствамъ по предмету переселенія раскольниковъ вредныхъ ересей въ Закавказскій край п. 22.

[2]) Признакомъ уклоненія въ расколъ могло служить „постоянное или долговременное нехожденіе въ церковь, особенно же небытность, безъ всякихъ причинъ, нѣсколько лѣтъ сряду, на исповѣди и у св. причастія. (Собр. пост по ч. раск. стр. 420, правила о порядкѣ производства д. увѣщаній... § 2). Удостовѣреніемъ отступленія отъ православія считалось а) собственное сознаніе совратившагося и б) обнаруженное слѣдствіемъ совращеніе. (Тамъ же, стр. 278, постан. 21 марта 1840 г. п. 5)

[3]) Уложеніе о наказаніяхъ... ст. 206.

[4]) Св. Зак. т. XIV, о предупр. и пресѣч. прест. ст. 75, изд. 1842 г.; Собран. пост. по ч. раск. стр. 324—325, пост. 6 янв. 1843 г.; стр. 416, пост. 28 апрѣля 1850 г. пп. 1 и 2, стр. 420 и д. §§ 1. 3. 14. 19;—по вѣд. Св. Син. II, стр. 379, пост. 27 марта 1841 г.

[5]) Правила о порядкѣ производства духовныхъ увѣщаній... § 9.

скомъ" [1]). Полицейское содѣйствіе допускалось лишь „для наблюденія за неуклонностью раскольниковъ отъ духовныхъ увѣщаній и для огражденія ихъ отъ вліянія стороннихъ лицъ, которыя старались бы поддержать въ нихъ заблужденіе". Но и въ этихъ случаяхъ содѣйствіе оказывалось „безъ всякой формальности и огласки", почему обращаться за нимъ, въ случаѣ надобности, слѣдовало „на словахъ" [2]).

Для увѣщаній на мѣстѣ слѣдовало „выбирать время, иногда удобное для призванія увѣщеваемаго, а иногда для посѣщенія его". На вызовъ съ тою же цѣлію въ городъ указывалось „назначать зимніе мѣсяцы, какъ болѣе свободные отъ сельскихъ работъ и не вызывать изъ семейства болѣе одного, а изъ селенія болѣе 10 человѣкъ заразъ, какъ бы велико ни было число лицъ, подлежащихъ увѣщанію". Увѣщаніе вызванныхъ и обратное возвращеніе ихъ домой предписывалось производить „безъ замедленія" [3]). Ярославская духовная консисторія возбуждала ходатайство о содержаніи вызванныхъ на увѣщаніе въ тюрьмѣ, „къ предотвращенію побѣговъ". Но высшей церковной и гражданской властію это ходатайство признано было не заслуживающимъ удовлетворенія [4]). Тюремному заключенію изъ увѣщеваемыхъ подвергались лишь „оказавшіе дерзость и неповиновеніе". — „сколь можно отдѣльно одинъ отъ другаго, дабы не имѣли возможности взаимно поддерживать себя и укрѣпляться въ заблужденіи". Всѣ же прочіе находились только подъ полицейскимъ надзоромъ [5]).

[1]) Собран. пост. по ч. раск. по в. Св. Син. II, стр. 505—506, пост. 12 мая 1852 г.

[2]) Правила о порядкѣ производства духовныхъ увѣщаній... §§ 5 и 10.

[3]) Собран. пост. по ч. раск. стр. 416, пост. 28 апр. 1850 г. пп. 3—6.

[4]) Собран. пост. по ч. раск. по в. Св. Син. II, стр. 493—495, пост. 11/22 окт. 1850 г.

[5]) Правила о порядкѣ производства духовныхъ увѣщаній... § 26.

Сколько времени должны были продолжаться увѣщанія въ случаѣ ихъ безуспѣшности, съ точностію не указывается. Говорится лишь, что на нихъ слѣдовало давать „сколь можно болѣе времени" [1]). Такъ, напр., въ первоначальной стадіи — чрезъ приходскаго священника они должны были продолжаться „не менѣе трехъ мѣсяцевъ" [2]). Архангельскій преосвященный Варлаамъ пытался просить у Синода болѣе опредѣленныхъ указаній насчетъ срока безуспѣшныхъ увѣщаній. Но Св. Синодъ отвѣтилъ, что слѣдуетъ продолжать увѣщанія „безъ стѣсненія сроками", „доколѣ не достигнется благая цѣль, или не получится твердое убѣжденіе въ ожесточенномъ уклоненіи отъ церкви" [3]). Тогда преосвященный, имѣя въ виду послѣднее указаніе, въ слѣдующемъ году снова запросилъ Синодъ: „чрезъ сколько лѣтъ можно считать совершенно отпадшими отъ церкви зараженныхъ духомъ раскола послѣ постоянныхъ, но безуспѣшныхъ увѣщаній"? Но и на этотъ разъ просвященный не получилъ желаемаго отвѣта. Синодъ указалъ ему руководствоваться прежними правилами, „не возбуждать никакихъ новыхъ вопросовъ, а наблюдать лишь неослабно, чтобы увѣщанія заблуждающимъ продолжались постоянно... до того времени, пока они не обратятся къ истинѣ, на что и невозможно назначать срока, но и не слѣдуетъ оставлять упованія, что рано или поздно послѣдуетъ ихъ возвращеніе къ церкви" [4]).

Если увѣщеваемые присоединялись къ церкви, то дѣлопроизводство о нихъ прекращалось (§§ 11 и 19). Съ нихъ бралась подписка „быть въ православіи твер-

[1]) Собран. пост. по ч. раск. стр. 416, пост. 28 апрѣля 1850 г. п. 3.

[2]) Правила о порядкѣ производства духовныхъ увѣщаній § 12.

[3]) Собран. пост. по ч. раск. по в. Св. Син. II, стр. 518—519, пост. 31 дек. 1852 г.

[4]) Тамъ же, стр. 554—555, пост. 31 дек. 1853 г.

дыми и съ раскольниками никакого согласія въ религіозныхъ мнѣніяхъ не имѣть" (§§ 11 и 13). Приходскіе священники обязаны были прилагать „пастырское попеченіе къ утвержденію ихъ въ православной вѣрѣ и къ исполненію ими христіанскихъ обязанностей, представляя архіерею ежегодно о всѣхъ обратившихся секретную вѣдомость впродолженіи трехъ лѣтъ", а мѣстная гражданская власть должна была наблюдать, „будетъ-ли обращенный въ православіе исполнять всѣ предписанныя уставомъ св. церкви христіанскія обязанности" (§ 16) [1]). О „непреклонныхъ" раскольникахъ сообщалось гражданскому начальству и дѣло о нихъ тогда получало уже „судебное окончаніе" [2]).

Принимая мѣры противъ новыхъ уклоненій въ расколъ, правительство не оставляло своими попеченіями и раскольниковъ. Кромѣ мѣръ „убѣжденія и кротости" [3]), правительство старалось расположить ихъ къ возвращенію „въ нѣдра церкви" милостями. Такъ, супружескія сожительства присоединяющихся къ церкви раскольниковъ получали силу законныхъ браковъ со всѣми, вытекающими отсюда для нихъ и ихъ дѣтей послѣдствіями [4]). Если раскольники присоединялись къ церкви во время производства надъ ними по преступленіямъ противъ вѣры слѣдствія и суда, то послѣднія немедленно прекращались [5]). Освобождались они и отъ „взысканія, назначаемаго по положеніямъ комитета министровъ за проступки по содержимой ими ереси", — безъ представленія о томъ комитету [6]). Даже доносы

[1]) Правила о порядкѣ производства духовныхъ увѣщаній...

[2]) Св. Зак. т. XIV, о предупрежд. и пресѣч. прест. ст. 75, изд. 1842 г.; Правила о порядкѣ производства духовныхъ увѣшаній... § 15.

[3]) Собран. постан. по ч. раск. стр. 403, пост. 29 марта 1849 г.

[4]) Тамъ же, стр. 474, пост. 10 іюня 1853 г.

[5]) Тамъ же, стр. 343, пост. 21 марта 1844 г.

[6]) Тамъ же, стр. 266—267, пост. 12 сент. 1839 г.

раскольниковъ на новоприсоединяемыхъ, что тѣ принадлежали къ бѣглымъ, жили въ ихъ обществахъ подъ чужими именами и фамиліями, оставлялись безъ послѣдствій [1]). Сосланные въ Закавказье по проступкамъ противъ вѣры, по обращеніи въ православіе, получали право возвращаться во внутреннія губерніи и здѣсь приписываться къ обществамъ, исключая прежнихъ, съ трехлѣтнею отъ податной повинности льготою. Сначала приписка дѣлалась по взаимному ихъ и избранныхъ ими обществъ согласію, но потомъ самимъ возвращающимся предоставлено было только „избрать губернію и податное состояніе", назначеніе же общества стало зависѣть отъ мѣстнаго губернатора, который не долженъ былъ допускать ихъ приписки лишь въ прежнія общества и „гдѣ не было православныхъ приходовъ" [2]). Добровольнымъ поселенцамъ изъ раскольниковъ въ Закавказьѣ, въ случаѣ присоединенія къ церкви, разрѣшалось возвращаться съ трехлѣтнею льготою отъ податной повинности, „по ихъ желанію, даже въ прежнія мѣста ихъ жительства и безъ согласія на то общества" [3]). Право свободной приписки къ обществамъ и трехлѣтняя льгота отъ податной повинности предоставлялись и тѣмъ изъ обратившихся къ церкви раскольниковъ, которые, по собственному желанію, оставались въ Закавказскомъ краѣ [4]), а въ 1853 году на нихъ распространена была подобная же 10-лѣтняя льгота, дарованная тамъ православнымъ переселенцамъ [5]).

---

[1]) Собр. пост. по ч. р. стр. 479, пост. 8 окт. 1853 г. п. 2.

[2]) Тамъ же, стр. 105, пост. 20 окт. 1830 г.; стр. 146—147, пост. 22 апр. 1835 г., стр. 267, пост. 14 ноября 1839 г.; стр. 363, пост. 18 дек. 1846 г. п. 2.

[3]) Тамъ же, стр. 363, пост. 18 дек. 1846 г. п. 1.

[4]) Тамъ же, стр. 175, пост. 22 сент. 1836 г.; стр. 265—266, пост. 12 мая 1839 г.

[5]) Тамъ же, стр. 478, пост. 8 окт. п. 1.

Съ другой стороны, считая борьбу съ расколомъ дѣломъ первостепенной государственной важности, правительство поощряло своимъ вниманіемъ и тѣхъ лицъ, которыя такъ или иначе заявляли свое усердіе и полезность на этомъ поприщѣ. Лица духовнаго званія, за обращеніе значительнаго числа раскольниковъ, особенно вреднѣйшихъ сектъ, по статуту получали право на орденъ св. Анны [1]). Графу Строганову, „при ревностномъ содѣйствіи и благоразумныхъ распоряженіяхъ" котораго въ одномъ изъ его имѣній присоединились къ церкви болѣе 3000 раскольниковъ, при особомъ рескриптѣ объявлена была „Монаршая признательность", причемъ „ревность" его поставлена „въ примѣръ другимъ помѣщикамъ, въ имѣніяхъ коихъ находятся раскольники, для возбужденія чрезъ то и въ нихъ подобной ревности объ искорененіи сего зла" [2]). Двумъ крестьянамъ, „содѣйствовавшимъ собственнымъ примѣромъ и убѣжденіями къ обращенію изъ раскола въ православіе прочихъ своихъ односельцевъ", пожалованы были серебряныя медали на Аннинской лентѣ съ надписью: „за усердіе" [3]). Одной камышинской мѣщанкѣ „за оказанную ею ревность къ православію несогласіемъ принять перекрещеніе въ поморскую секту и открытіемъ правительству людей, производящихъ такое зловредное дѣйствіе", Св. Синодомъ назначена денежная награда въ размѣрѣ 100 рублей [4]).

Поощряя присоединенія къ церкви, правительство тѣмъ суровѣе карало за вторичное уклоненіе въ расколъ. Находя неоднократное отпаденіе отъ православія

---

[1]) Собран. пост. по ч. раск. по в. Св. Син. II, стр. 228 пост. 14 апр. 1829 г.

[2]) Собран. пост. по ч. раск. стр. 120—121, пост. 3 апр. 1833 г.

[3]) Тамъ же, стр. 479, пост. 8 окт. 1853 г.

[4]) Собран. пост. по ч. раск. по в. Св. Син. II, стр. 327—328, пост. $\frac{\text{28 февр.}}{\text{7 марта}}$ 1838 г.

крайне соблазнительнымъ и „вреднымъ для непоколебимости господствующей религіи", оно рѣшило только разъ прощать присоединяющихся къ церкви раскольниковъ, а послѣ вторичнаго уклоненія уже не освобождать ихъ отъ установленныхъ наказаній, хотя бы они и принесли опять полное раскаяніе [1]). Поэтому присоединяющіеся къ церкви и, вслѣдствіе того воспользовавшіеся тѣми или иными льготами, предупреждались, что „въ случаѣ новаго уклоненія ихъ въ расколъ, они подвергнутся взысканію по всей строгости законовъ" [2]). Такъ, безпоповцы, которые принимали православіе нерѣдко только въ видахъ узаконенія дѣтей, при вторичномъ уклоненіи, ссылались „съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія" [3]). Возвращенные изъ ссылки, вслѣдствіе обращенія въ православіе, по уклоненіи въ расколъ, снова ссылались „уже безвозвратно" [4]). Однако правительство не могло выдержать до конца принятаго рѣшенія касательно вторично уклоняющихся въ расколъ. Въ 1838 году одна крестьянка, присужденная за вторичное совращеніе къ ссылкѣ, но до приведенія судебнаго приговора въ исполненіе раскаявшаяся, по положенію комитета министровъ оставлена была „на прежнемъ мѣстѣ жительства", послѣ чего настоящее положеніе комитета рѣшено принять „въ руководство и на будущее время, при разрѣшеніи подобныхъ случаевъ" [5]).

---

[1]) Собран. пост по ч. раск. стр. 174—175, пост. 1 сент. 1836 г.

[2]) Тамъ же, стр. 343, пост. 21 марта 1844 г. п. 3.

[3]) Тамъ же, стр. 454, пост. 19 іюля 1852 г.

[4]) Уложеніе о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ ст. 213, изд. 1845 г. Собран. постан. по ч. раск. стр. 106, пост. 20 окт. 1830 г. п. 8; стр. 364, пост. 18 декабря 1846 г. п. 3.

[5]) Собран. пост. по ч. раск. стр. 242—243, пост. 26 іюля 1838 г.

Глава IV.

Дѣйствіе правительственной системы въ жизни раскола и его результаты.

Ясно выраженная цѣль, строгая послѣдовательность, полнота и законченность направленныхъ къ ея осуществленію мѣропріятій,—таковы черты изложенной системы Николаевскаго царствованія. Если нѣкоторыя распоряженія не согласуются между собою и даже противорѣчатъ одно другому, то взятыя только отрывочно и въ отдѣльности. Разсматриваемыя же по совокупности и съ точки зрѣнія конечной своей цѣли, всѣ распоряженія, не смотря на многочисленность и разновременность ихъ изданія, составляютъ одно логически связное, стройное цѣлое, проникнутое одной основной мыслію и направленное къ достиженію извѣстной, строго опредѣленной, ясно и точно сознанной задачи. *Секретно-осторожное* и *постепенно-неуклонное* [1]) проведеніе этого цѣлаго въ жизни раскола въ корнѣ разрушало его церковно-общественную организацію въ настоящемъ и ставило на путь естественнаго и неизбѣжнаго вымиранія въ будущемъ.

Но, какъ извѣстно, практическое осуществленіе этой системы не дало тѣхъ результатовъ, на которые она разсчитывалась. Болѣе или менѣе продолжительный опытъ примѣненія ея показалъ, что расколъ подъ дѣйствіемъ ея количественно не вымиралъ и внутренно не ослаблялся.

---

[1]) Собран. постан. по ч. раск. стр. 288, постан. 9 мая 1840 г., стр. 476, пост. 9 іюля 1853 г., стр. 488, пост. 1 апр. 1854 г.

Такимъ образомъ, крѣпкая и стойкая на бумагѣ, Николаевская система для живой борьбы съ расколомъ оказалась малопригодной и безсильной.

Когда въ началѣ царствованія Императора Александра II внесенною на обсужденіе Совѣта министровъ запиской митр. Григорія возбужденъ былъ вопросъ: „какой системѣ въ отношеніи раскольниковъ слѣдовать на будущее время—теперешней-ли или избрать иную?“ - то рѣшено было, что „въ измѣненіи нынѣ дѣйствующей системы надобности не представляется“ [1]). Если долгая, напряженная и прочно организованная борьба съ расколомъ не приводила къ ожидаемымъ результатамъ, то причину этого тогдашнее правительство не безъ основанія усматривало не столько въ самомъ характерѣ принятыхъ мѣръ, сколько въ „неточномъ и неправильномъ“ ихъ выполненіи [2]). Подводя итоги своей двадцатипятилѣтней дѣятельности по борьбѣ съ расколомъ, правительство должно было придти къ заключенію, что распоряженія его о расколѣ оставались на дѣлѣ „большею частью“ неисполненными [3]). Дѣло въ томъ, что принятая система, какъ система внѣшнихъ запретовъ и ограниченій, опиралась въ своемъ успѣхѣ всецѣло на внѣшній, административно-полицейскій надзоръ. Но при помощи одного только внѣшняго надзора, какъ бы прочно не былъ онъ организованъ, нельзя было, разумѣется, услѣдить за всѣмъ, происходящимъ въ расколѣ и, такимъ образомъ, обнаруживать и благовременно пресѣкать всѣ противозаконные поступки раскольниковъ. Строгости надзора раскольники противопоставили съ своей стороны хитрость, изворотливость, двуличіе и скрытность и, дѣйствуя на этой почвѣ, они, какъ показалъ опытъ, незамѣтно для „прозорливаго“ правительства и безъ особаго

[1]) Собран. постан. по ч. раск. стр. 545—546, пост. 24 апр. 1858 г.

[2]) Тамъ же, стр. 546 и 556, постан. 24 апр. и 15 окт. 1858 г.

[3]) Тамъ же, стр. 470, пост. 10 іюня 1853 г

ущерба для себя, умѣли обходить самыя основныя для нихъ ограниченія. Недостаточный самъ по себѣ, установленный за раскольниками надзоръ оказывался на практикѣ и совсѣмъ малодѣйствительнымъ, по причинѣ той „неблагонамѣренности исполнителей въ низшихъ инстанціяхъ“, о которой вынуждено было оффиціально говорить само правительство [1]). Разумѣемъ постоянное потворство и послабленія расколу со стороны полиціи и другихъ мелкихъ административныхъ властей, для которыхъ, говоря словами московскаго митр. Филарета, личная корысть была „любезнѣе закона и порядка“, а „раскольническія деньги дороже православія“ [2]). Мѣры неуклонной строгости вверху, хорошо раскольниками окупаемыя, замѣнялись мѣрами „невниманія и потачливости“ внизу [3]). Облеченныя довѣріемъ правительства лица являлись на дѣлѣ еще „болѣе довѣренными лицами раскольниковъ“ [4]). Послѣдніе нерѣдко освѣдомлялись изъ Петербурга о всѣхъ намѣреніяхъ и предположеніяхъ высшей администраціи касательно раскола и, прежде чѣмъ принимались тѣ или другія мѣры, раскольники уже успѣвали приготовиться къ нимъ и, въ свою очередь, принимали мѣры противодѣйствія. „Все, что дѣлается относящееся до нихъ въ высшихъ начальствахъ самое секретное“, писалъ о раскольникахъ митр. Филаретъ: „они обыкновенно знаютъ прежде всѣхъ“ [5]). Изъ отчетовъ чиновниковъ, знакомившихся съ состояніемъ раскола, видно, что у раскольниковъ имѣлись свои „агенты“, своя „полиція“. „Купечество Галицкое“, сообщаетъ, напр., Брянчаниновъ: „посредствомъ своихъ агентовъ слѣдитъ за всѣми дѣйствіями правительства и имѣетъ сношенія съ предан-

[1]) Собран. постан. по ч. раск. стр. 546 и 556.

[2]) Собран. мнѣн. и отзыв. т. III, стр. 70; Душепол. Чтен. 1868 г. I, стр. 203—204.

[3]) У Кельсіева вып. II, стр. 25.

[4]) Филаретъ м. Собран. мнѣн. и отзыв. т. IV, стр. 264.

[5]) Тамъ же.

ными чиновниками“ [1]). „У раскольниковъ Уренской волости“, пишетъ другой изслѣдователь костромского раскола Арнольди: „есть своя полиція; они прежде мѣстнаго начальства узнаютъ всякую новую мѣру правительства, относящуюся до раскола, и такія вѣсти передаются изъ одной деревни въ другую съ неимовѣрною быстротою“ [2]). Полицейско-почтовыя сношенія подобнаго рода не ограничивались предѣлами такихъ мелкихъ районовъ, какъ волость, а распространялись на всю Россію. Напр., галицкіе раскольники, какъ это удалось установить Брянчанинову, поддерживали постоянныя и самыя живыя сношенія съ своими одновѣрцами въ Петербургѣ, Москвѣ, Н.-Новгородѣ, Архангельскѣ, Вологдѣ, причемъ „вездѣ у нихъ были ходатаи по дѣламъ раскола“ [3]).

Раскольническіе наставники поучали свою паству: „аще врагъ требуетъ злата, дадите, аще почести, дадите, да не до конца будемъ обидими, отъ лютыхъ звѣрей угрызаеми“. Для подкуповъ раскольники, дѣйствительно, не жалѣли денегъ, оправдывая свои дѣйствія изреченіями: „избавленіе мужеви свое ему богатство“, или: „искупующе время, яко дни зли суть“ [4]). На данный предметъ у нихъ существовали даже особые общественные капиталы, которые постоянно пополнялись или добровольными приношеніями или посредствомъ общественныхъ раскладокъ [5]). Напр., командированный въ 1845 году въ Черниговскую губернію чиновникъ министерства Алябьевъ, между прочимъ, обнаружилъ, что староста раскольничьей слободы Гуровичи, при сборѣ казенныхъ податей, бралъ еще съ каждой ревизской души извѣстную сумму „на хожденіе по дѣламъ“, касающимся раскольниковъ и „на подкупъ“

[1]) У Кельсіева вып. II, стр. 25.

[2]) Тамъ же, стр. 19.

[3]) Тамъ же, стр. 25.

[4]) У Кельсіева вып. IV, стр. 99, 100, 161—162. Отчетъ Мельникова въ Сборн. Нижегор. Арх. Комиссіи т. IX, стр. 244.

[5]) Отчетъ Мельникова въ Сборн. Нижег. Арх. К. стр. 250

для рѣшенія этихъ дѣлъ въ ихъ пользу [1]). Для полиціи расколъ сдѣлался неизсякаемымъ источникомъ доходовъ— „золотымъ кладомъ“, „золотымъ дномъ“ [2]).

Въ результатѣ „мудрая“ политика правительства оказалась безсильною бороться съ „золотою“ политикой раскола. „Расколъ имѣетъ въ своихъ рукахъ силу денежную“, писалъ въ своемъ отчетѣ графъ Стенбокъ: „которая одна могла бы сдѣлать безполезными всѣ старанія правительства“ [3]). „Какія бы мудрыя и вѣрныя мѣры не были придуманы правительствомъ противъ раскола“, съ безнадежностью замѣчалъ въ своемъ отчетѣ П. И. Мельниковъ: „онѣ до тѣхъ поръ не будутъ исполнены въ точности, пока у полицейскихъ чиновниковъ будутъ руки, а у раскольниковъ деньги“ [4]). Сами раскольники о своемъ положеніи не безъ ироніи замѣчали: „нынче и царство-то небесное трудно получить и помучиться-то за Христа нельзя: все на деньгу пошло“ [5]). Впрочемъ, въ своихъ заключеніяхъ о безсиліи правительства раскольники шли и дальше. Они говорили: „есть у насъ въ Питерѣ большой министръ, который и царю воли не даетъ, и здѣшнимъ судьямъ не потакаетъ, и держится за насъ покамѣстъ тайно, а придетъ время, онъ и объявится“ и что вообще среди высшихъ государственныхъ сановниковъ есть тайные послѣдователи раскола, своего рода „Никодимы“, которые „утоляютъ антихриста и христіаны безпечальны творятъ“ [6]).

Какъ же на самомъ дѣлѣ жили и чувствовали себя раскольники при „гонительной“ для нихъ Николаевской системѣ мѣропріятій и какими послѣдствіями дѣйствіе этой системы отобразилось въ ихъ жизни?

[1]) У Кельсіева вып. II, стр. 34—35.

[2]) У Кельсіева вып. II, стр. 14; вып. IV, стр. 51.

[3]) Тамъ же, вып. IV. стр. 341.

[4]) Сборн. Нижегор. Арх. Ком. т. IX, стр. 228.

[5]) Отчетъ Мельникова въ рукописи библіотеки Казанской Д. Академіи № 1712, стр. 23.

[6]) Филаретъ м. Собраніе мнѣн. и отзыв. т. IV, стр. 301. Сборн. Нижегор. Арх. Ком. т. IX, стр. 229—230.

I.

Лишенные права на владѣніе общественной собственностью, раскольники стали номинально записывать свое общинное имущество на подставныхъ лицъ. Напр.. московскіе филипповцы неоднократно переписывали свое общинное имущество съ одного лица на другое, вновь являвшееся въ Москвѣ и на успѣвшее навлечь на себя подозрѣнія въ принадлежности къ филипповщинѣ: до 1847 г. ихъ общественный домъ записанъ былъ на имя купца Молоткина, а съ 1847-го—на имя одного изъ сыновей бурмистра князя Кочубея К. А. Бѣляева [1]). Назначенное къ продажѣ съ аукціона имущество Преображенскаго кладбища почти все фиктивно куплено было попечителемъ кладбища Ѳ. Гучковымъ за 75000 рублей и только незначительная часть (за 1403 р.)—купцомъ Н. Гусаревымъ [2]). Когда со стороны тогдашняго московскаго генералъ-губернатора князя Голицына сдѣланъ былъ въ контору кладбища запросъ. куда поступилъ вырученный капиталъ, то ему отвѣтили, что хотя деньги еще и не внесены Гучковымъ. но что за него, подъ личной отвѣтственностью, поручились купцы Матвѣй Григорьевъ и Алексѣй Никифоровъ. „Это былъ обманъ очевидный". замѣчаетъ лѣтописецъ кладбища: „ибо всѣми недвижимыми собственностями кладбище владѣетъ и понынѣ, не взирая, что онѣ числятся за Гучковымъ" [3]). Дѣйствуя чрезъ подставныхъ лицъ, раскольническія общества довольно свободно дѣлали и новыя пріобрѣтенія. Преображенское кладбище такимъ путемъ купило нѣсколько домовъ въ самой Москвѣ, послѣ того какъ его имущество продано было съ аукціона [4]).

---

1) Вишняковъ А. Старообрядческія Покровская моленьня и Филипповская часовня въ Москвѣ, стр. 72.

2) Васильевъ В. Организація и самоуправленіе Ѳеодосіевской общины на Преображенскомъ кладбищѣ въ Москвѣ. Христ. Чтен. 1887 г. II, стр. 603.

3) У Кельсіева вып. I, стр. 70—71.

4) Ливановъ Н. Раскольники и острожники т. III, стр. 2[illegible]6.

Оно же купило въ Стародубскомъ уѣздѣ Черниговской губерніи „значительное количество земли съ лѣсною дачею. для устройства тамъ помѣщенія общины" [1]). Настоятель Преображенскаго кладбища Семенъ Козьминъ на землѣ государственныхъ крестьянъ подмосковнаго села Черкизова для „дѣвокъ и пѣвчихъ" кладбища „выстроилъ небольшіе дома, записавъ ихъ на лицо, принадлежащее кладбищу". За „позволеніе строиться" платилось хозяину участка, квартальному надзирателю, частному приставу и землемѣру [2]). Выгорѣцкое общежительство купило за 60000 р. домъ въ Петербургѣ, записавъ его на племянницъ своего настоятеля [3]).

Духовныя завѣщанія въ пользу старообрядческихъ обществъ. отклоняемыя правительствомъ, какъ незаконныя, фактически не всегда утрачивали свою силу и первоначальное назначеніе. Такъ. домъ купца Долгова, послѣ того какъ завѣщаніе его въ пользу Выговской пустыни не было утверждено Государемъ. только номинально перешелъ во владѣніе наслѣдницы покойнаго—Голашевской. На самомъ дѣлѣ домомъ управлялъ довѣренный Выговской пустыни и всѣ доходы съ него поступали въ пользу этой послѣдней. А такъ какъ Голашевская была особа недалекая, то къ ней отъ пустыни приставили особую няньку, которая смотрѣла за всѣми ея дѣйствіями въ Петербургѣ, потворствовала всѣмъ ея капризамъ, но удерживала ее отъ замужества [4]).

Впрочемъ, свои пожертвованія на общественныя нужды, наравно какъ и духовныя завѣщанія съ подобнымъ же на-

---

1) Дневныя дозорныя записи о московскихъ раскольникахъ. Чтенія въ Импер. Обществѣ Исторіи и Древн. Росс. 1886 г. кн. I, стр. 147.

2) Тамъ же, Чтен. въ Импер. Общ. Ист. и Др. Росс. 1885 г. кн. 2, стр. 13, кн. 3, стр. 46.

3) Шафрановъ. Выгорѣцкое старообрядческое общежительство въ концѣ XVIII и въ первой половинѣ XIX вѣка. Русское Богатство 1893 г. № 10, стр. 187—188.

4) Тамъ же, Русск. Бог. 1893 г. № 10, стр. 188.

значеніемъ, раскольники стали направлять при посредствѣ частныхъ довѣренныхъ лицъ. Когда, напр., устроитель Судиславльской богадѣльни Папулинъ былъ арестованъ, то, по отчету Брянчанинова и Арнольди, „не проходило почтоваго дня, чтобы въ почтовой конторѣ г. Судиславля не получались деньги на имя Папулина изъ Москвы, Петербурга, Ростова, Рыбинска и другихъ городовъ Россіи“ [1]). Въ 1846 году купеческая дочь Соколова, согласно завѣщанію своего отца, внесла на Преображенское кладбище 100000 рублей [2]). Изъ этихъ денегъ 60000 руб. Преображенскимъ кладбищемъ съ довѣренными лицами разосланы были по провинціальнымъ общинамъ городовъ: Ярославля, Данилова, Борисоглѣбска, Романова, Рыбинска, Судиславля, Кинешмы и Галича [3]). Въ отчетѣ Синицына передается, что угличскій купецъ Выжиловъ, мѣстный главарь филипповскаго согласія, получилъ на „милостыни“, по завѣщанію одного кашинскаго купца,—30000 руб. и одной крестьянки—10000 рублей [4]). Въ духовныхъ завѣщаніяхъ подобнаго рода душеприкащику обыкновенно предоставлялось сдѣлать пожертвованіе въ извѣстномъ размѣрѣ на богоугодныя дѣла, по его усмотрѣнію, а куда и сколько дать, о томъ изъявлялась воля завѣщателя словесно или въ частной запискѣ. Съ формально-юридической точки зрѣнія завѣщанія такимъ образомъ не представляли ничего противозаконнаго и потому безпрепятственно утверждались присутственными мѣстами. Для примѣра приведемъ духовное завѣщаніе Ѳ. Рахманова, утвержденное Московской гражданской палатой 29 іюля 1854 г. „Завѣщеваю душеприкащикамъ... изъ оставшагося по смерти моей капитала на поминовеніе грѣшной моей души, на раздачу неимущимъ и бѣднымъ людямъ, нищей братіи, а равно на

[1]) У Кельсіева вып. IV, стр. 312.

[2]) Тамъ же, вып. I, стр 57.

[3]) Дневныя дозорныя записи о московскихъ раскольникахъ. Чтен. въ Импер. Общ. Ист. и Др. Росс. 1885 г. кн. 4, стр. 116.

[4]) У Кельсіева вып. IV, стр. 176.

искупленіе должниковъ, содержащихся подъ стражей за долги, употребить такую сумму, какую они, душеприкащики, заблагоразсудятъ, съ общаго всѣхъ ихъ согласія, по ихъ благоусмотрѣнію, ибо я сіе совершенно предоставляю на ихъ добрую волю и увѣренъ въ нихъ, что они исполнятъ мое назначеніе вполнѣ“. Изъ „слѣдственнаго дѣла Кочуева и другихъ раскольниковъ“, гдѣ находится подлинникъ приведеннаго завѣщанія, видно, что на дѣла благотворенія отчислялось 600000 рублей, изъ нихъ отъ 300 до 400 тысячъ на Бѣлую Криницу [1]).

Московскія раскольническія кладбища—Рогожское и Преображенское особенно слабо уступали преобразовательнымъ планамъ правительства. „Золотая политика Рогожская и Преображенская“, объяснялъ м. Филаретъ: „умѣетъ сохранить себя непобѣжденной отъ мудрой политики правительства, чрезъ мелкихъ людей достигая не малыхъ цѣлей“ [2]). Со всѣми нужными людьми отъ генералъ-губернаторскаго лакея до оберъ-полиціймейстера и отъ рядоваго приходскаго священника до „весьма уважаемаго“ митрополитомъ архимандрита дѣятели московскихъ раскольническихъ кладбищъ стояли „въ короткомъ знакомствѣ“ [3]). Нужнымъ лицамъ платилась „приличная благодарность“, тѣ были „довольны платой за труды“, а кладбища оставались „свободными въ своихъ дѣйствіяхъ“ [4]). Количество проживающихъ, напр., на Рогожскомъ кладбищѣ съ каждымъ годомъ возрастало: цифра „лицевыхъ“, т. е. представляемыхъ въ ежегодныхъ вѣдомостяхъ конторой кладбища московской полиціи, съ 990 человѣкъ въ 1823 году возрасло въ 1846 году до 1588-ми. Кромѣ „лицевыхъ“ на Рогожскомъ кладбищѣ постоянно проживало немало

[1]) Мельниковъ П. Историч. очерки поповщины. Полн. Собр. сочин. т. XIII, стр. 374.

[2]) Собран. мнѣн. и отзыв. т. дополн. стр. 227.

[3]) Дневныя дозорныя записи о московскихъ раскольникахъ. Чтен. въ Импер. Общ. Истор. и Др. Росс. 1885 г. кн. 2, стр. 14; кн. 3, стр. 66; 1886 г. кн. I, стр. 137 и 155.

[4]) У Кельсіева вып. I, стр. 62, 71—73.

безпаспортныхъ, бѣглыхъ, пришлыхъ изъ разныхъ мѣстъ
монаховъ и монахинь и т. п. На случай сокрытія тамъ
устроены были особые тайники, которые хотя и были из-
вѣстны московской полиціи, но свидѣтельствуемы не
были [1]). На Преображенское кладбище принимались лица
моложе узаконеннаго возраста (многія дѣвушки 18 и
16 лѣтъ), безпаспортные и бѣглые [2]). При прпискѣ пер-
выхъ происходила „утайка лѣтъ“, безпаспортные прожи-
вали на кладбищѣ „подъ предлогомъ свиданія съ родствен-
никами“, бѣглые и съ фальшивыми паспортами или со-
всѣмъ не прописывались, или же записывались, при по-
мощи кладбища, въ московскіе мѣщане [3]). Послѣднее до-
стигалось кладбищемъ чрезъ покупку паспортовъ послѣ
умершихъ мѣщанъ въ домѣ московскаго мѣщанскаго об-
щества, гдѣ это злоупотребленіе было настолько выгодно,
что „едва-ли могло быть пресѣчено навсегда“. На-
стоятель Преображенскаго кладбища Семенъ Козьминъ
кромѣ того имѣлъ еще „тѣсную связь“ съ оберъ-ауди-
торомъ московскаго коменданта Барышниковымъ, чрезъ
котораго получалъ паспорты умершихъ солдатокъ. Если
показанныя въ паспортахъ лѣта приблизительно совпадали
съ лѣтами женщинъ, которыхъ хотѣли пріютить на клад-
бищѣ, то оберъ-аудитору уплачивалась „опредѣленная
сумма“ [4]). Кладбище старалось хранить эти паспортныя
операціи „въ глубокой тайнѣ“, заботясь о томъ, чтобы
„никто даже изъ проживающихъ на кладбищѣ не имѣлъ
полныхъ свѣдѣній о всѣхъ паспортахъ сомнительныхъ“.
Между прочимъ, въ этихъ видахъ „ни одинъ конторщикъ,

[1]) Мельниковъ П. Истор. очерки поповщины. Полн. собран. сочин. т. XIII, стр. 338 и 354.

[2]) Дневныя дозорныя записи о московскихъ раскольникахъ. Чтен. въ Импер. Общ. ист. и древн. 1885 г. кн. 4, стр. 107, 116; 1886 г. кн. I, стр. 129, 172—173.

[3]) Тамъ же, Чтен. въ Общ. Ист. и Др. Росс. 1885 г. кн. 4, стр. 107. 112, 1886 г. кн. I, стр. 129.

[4]) Тамъ же, Чтен. въ Общ. Истор. и Древн. Росс. 1885 г. кн. 2, стр. 35, кн. 4, стр. 90.

завѣдывающій сею частію, не оставлялся въ управленіи
ею нѣсколько лѣтъ“ [1]). Если для тѣхъ или другихъ лицъ,
незаконно проживающихъ на Преображенскомъ кладбищѣ,
оставаться въ Москвѣ по обстоятельствамъ было „опасно“,
то они отправлялись въ „иногороднія общины“, напр., въ
Коломну, Судиславль, Горбатовъ или же скрывались „близъ
самой Москвы“ по деревнямъ, гдѣ „надзоръ становыхъ
приставовъ столь былъ ослабленъ опредѣленною платою,
что бѣглый дѣлатель фальшивой монеты шелъ туда, какъ
въ вѣрный покровъ“ [2]). На случай внезапнаго посѣщенія
кладбища кѣмъ-либо изъ высшаго начальства, настояте-
лемъ Семеномъ Козьминымъ сдѣлано было, между про-
чимъ, слѣдующее любопытное распоряженіе: „Всѣ прожи-
вающіе въ богадѣленныхъ домахъ мужскаго пріюта,—при-
ходящіе въ харчевую палату къ обѣду и ужину, должны
имѣть при себѣ шляпы; въ случаѣ посѣщенія начальствен-
ныхъ лицъ, тѣ, которые не имѣютъ права проживать въ
богадѣленномъ домѣ, отзывались бы, что они бѣдные люди,
приглашенные изъ милосердія къ трапезѣ“ [3]).

Хорошо оплачивая „расположеніе“ мѣстнаго началь-
ства, Преображенское кладбище постоянно нарушало и
другія, установленныя въ отношеніи его ограниченія. „Ви-
дите мою готовность“, говорилъ, напр., попечителямъ клад-
бища завѣдывавшій его дѣлами при московскомъ генералъ-
губернаторѣ князѣ Голицынѣ чиновникъ Тургеневъ: „ру-
чаюсь за успѣхъ, но помогите“. Въ лицѣ Тургенева клад-
бище, по отзыву его лѣтописца, имѣло „самаго близкаго
ходатая по своимъ дѣламъ при князѣ“, „заблаговременно“
получало отъ него извѣщенія „о новыхъ постановленіяхъ,
относившихся до богадѣленнаго дома“, а „въ знакъ при-

[1]) Тамъ же, Чтен. въ Общ. Истор. и Древн. Росс. 1885 г. кн. 4, стр. 112.

[2]) Тамъ же, Чтен. въ Общ. Истор. и Древн. Росс. 1885 г. кн. 2, стр. 9, 34—35, кн. ., стр. 100, 1886 г. кн. I, стр. 129.

[3]) Тамъ же, Чтен. въ Общ. Истор. и Древн. Росс. 1886 г. I, стр. 155.

знательности“ платило ему ежегодно 7000 рублей[1]). Такого же ходатая „по всѣмъ присутственнымъ мѣстамъ“ кладбище имѣло, напр., въ лицѣ своего смотрителя Стрѣшнева (родственника Тургенева). Оно „съ радостью опредѣлило ему 2000 руб. жалованья, годовую порцію муки, масла, крупъ, дровъ, овса, сѣна“ и „не боялось болѣе генералъ-губернатора“[2]). Зданія кладбища, по мѣрѣ надобности, исправлялись, насильственною смертію умершіе и подкинутые мертворожденные младенцы хоронились безпрепятственно, скоропостижная смерть кого-либо изъ насельниковъ кладбища въ полицейскомъ слѣдствіи называлась „долговременной болѣзнію“ и т. д.[3]). Вообще какъ многочисленны были нарушенія кладбищемъ порядка и насколько эти нарушенія бывали важны, можно судить по слѣдующему примѣру. Смотритель кладбища Жарковъ, „проникшій во всѣ ухищренія ѳедосѣевскія“, „отвергъ предложеніе попечителей принять годовую плату за скрытіе найденныхъ имъ злоупотребленій, а объявилъ, что каждое нарушеніе порядка оцѣнитъ отдѣльно“. Тогда кладбище вынуждено было выплачивать ежегодно одному только Жаркову 40000 рублей[4]).

Экстренныя правительственныя ревизіи раскольническихъ общежительствъ также не достигали цѣли. О нихъ обычно раскольники предупреждались и успѣвали во время принять мѣры предосторожности. Вотъ, напр., разсказъ самого Государя Императора Николая Павловича о ревизіи Судиславльской богадѣльни Папулина. Давая руководственныя указанія назначенному въ Кострому губернаторомъ Жемчужникову, Государь передалъ ему, между прочимъ, слѣдующую, по его словамъ, „арабскую сказку“. „Въ царствованіе покойнаго брата моего Александра I

[1]) У Кельсіева вып. I, стр. 52, 60, 62.

[2]) Тамъ же, вып. I, стр. 53.

[3]) Тамъ же, вып. I, стр. 53. Дневныя дозорныя записи о московскихъ раскольникахъ. Чтен. въ Общ. Истор. и древн. Росс. 1885 г. кн. 2, стр. 36—37; кн. 4, стр. 102.

[4]) У Кельсіева вып. I, стр. 72—73.

костромской раскольникъ купецъ Папулинъ испросилъ позволеніе устроить близъ г. Судиславля богадѣльню на 12 человѣкъ. По вступленіи моемъ на престолъ, я узналъ, что въ этой богадѣльнѣ содержится не 12, а нѣсколько сотъ человѣкъ, что она устроена въ лѣсу въ видѣ замка, съ подземными ходами и въ ней скрывается много безпаспортныхъ и бѣглыхъ. Я призвалъ къ себѣ рано поутру Закревскаго (министра внутр. дѣлъ) и шефа жандармовъ. Мы втроемъ разсуждали въ этой комнатѣ о томъ, какія принять мѣры, чтобы захватить всѣхъ бѣглыхъ, скрывающихся въ этой богадѣльнѣ и рѣшили тѣмъ, чтобы министръ внутреннихъ дѣлъ и шефъ жандармовъ, сохраняя все это дѣло въ тайнѣ, отправили немедленно—каждый по одному чиновнику въ Судиславль. Въ 10 час. утра они вышли отъ меня, въ 12 пополудни я уже получилъ отъ нихъ донесеніе, что выбранные ими чиновники выѣхали изъ Петербурга. Скорѣе этого, кажется и требовать нельзя. Не правда ли? Но участники раскола Папулина успѣли провѣдать о моемъ распоряженіи, и чиновники, по пріѣздѣ въ Судиславль, нашли замокъ пустымъ, со свѣжими слѣдами жильцовъ и съ глухой полунѣмой старухой, остальные скрылись; слѣдовательно, они были извѣщены о скоромъ пріѣздѣ чиновниковъ. Съ тѣхъ поръ прошло около пяти лѣтъ, но это дѣло, *не смотря на мое личное въ немъ участіе*, нисколько не подвинулось. Вотъ арабская сказка!?“[1]). Не болѣе, какъ тою же арабскою сказкой, какая получилась при ревизіи Судиславльской богадѣльни Папулина, были и ревизіи московскихъ кладбищъ. Такъ, предъ „внезапной“ ревизіей Преображенскаго кладбища графомъ Строгановымъ, въ теченіе однѣхъ сутокъ съ кладбища удалены были 200 дѣвокъ, вновь устроенныя кельи выкрашены были грязнымъ сѣрымъ цвѣтомъ, какъ будто онѣ были старыя, сундукъ со всѣмъ капиталомъ и драгоцѣнностями отвезенъ былъ на домъ къ попе-

[1]) Миссіон. Обозрѣніе 1900 г. мартъ, стр. 463—464.

чителю кладбища—Гучкову [1]). Другой примѣръ. По частной жалобѣ одного потерпѣвшаго на незаконное поступленіе денежныхъ и имущественныхъ капиталовъ въ пользу Преображенскаго кладбища послѣ смерти его послѣдователей, министромъ внутреннихъ дѣлъ Бибиковымъ назначено было секретное слѣдствіе. Слѣдствіе поручено было чиновнику, стоявшему на высотѣ своего служебнаго долга. „Зная продажность своихъ писарей и умѣнье раскольниковъ узнавать обо всемъ на свѣтѣ“, онъ „каждый вечеръ зашивалъ всѣ свои бумаги въ подушку,— чтобы ихъ не стащили во время сна. Подчиненнымъ своимъ онъ не позволялъ отходить отъ себя ни на шагъ, чтобы они не разболтали: они даже ходили за нимъ въ баню съ бумагами подъ мышками“. Съ такимъ служебнымъ рвеніемъ веденное слѣдствіе вполнѣ подтвердило справедливость заявленной жалобы. „Но когда слѣдствіе наѣхало на пріюты, то въ кассѣ всетаки не нашлось ничего: старшины объявили, что они книгъ не ведутъ, а всѣ деньги расходуютъ на добрыя дѣла“ [2]).

Закрытіе или передача раскольническихъ богадѣленъ въ вѣдѣніе правительственныхъ учрежденій совсѣмъ не вели къ сокращенію ихъ числа. Въ такихъ случаяхъ происходила только простая замѣна открытыхъ богадѣленъ богадѣльнями тайными. Напр., по закрытіи Судиславльской богадѣльни, насельники ея переведены были на мельницу Папулина въ 15-ти верстахъ отъ г. Судиславля, гдѣ для нихъ вновь устроены были избы и молельня [3]). Обитательницы закрытаго Савинскаго кладбища (въ Костромской губерніи) поселились у купца Худина, домъ котораго устроенъ былъ „лабиринтомъ, со множествомъ дверей, лѣстницъ, выходовъ и келій, съ явной цѣлью укрывательства въ случаѣ нечаяннаго обыска“ [1]). Ѳедосѣевское общежительство въ г. Ярославлѣ (такъ наз. Андронова пустынь), переданное въ вѣдѣніе Приказа общественнаго призрѣнія и филипповское въ г. Угличѣ—закрытое, замѣнены были нѣсколькими секретными богадѣльнями меньшей величины въ домахъ частныхъ лицъ, причемъ у нѣкоторыхъ изъ нихъ богадѣлки проживали „подъ видомъ постоялокъ и работницъ“ [2]). Въ самой Москвѣ тайно существовало довольно обширное общежительство у филипповцевъ. Всѣ зданія, окружавшія общественный домъ и молельню, скуплены были филипповцами, причемъ изъ нихъ устроенъ былъ совершенный лабиринтъ, въ которомъ для полиціи почти не представлялось возможности отыскать что-нибудь подозрительное. Всѣ зданія соединены были тайными входами и выходами, и призрѣваемые, при первой опасности, скрывались изъ глазъ полиціи. При общественномъ домѣ не было сторожа и онъ не запирался, а къ воротамъ придѣлана была желѣзная цѣпь, стукъ которой при открытіи воротъ обращалъ вниманіе призрѣваемыхъ и которая позволяла проходить въ нихъ одному только человѣку. Вообще всѣ постройки обставлены были такъ искусно, что на дворѣ безъ разрѣшенія полиціи филипповцамъ удалось выстроить нѣсколько деревянныхъ двухъ-этажныхъ и только на видъ небольшихъ домиковъ, которые наполнены были призрѣваемыми [3]).

Едва-ли какое-либо серьезное практическое значеніе въ дѣлѣ ослабленія раскола имѣли и тѣ правительственныя мѣропріятія, которыя касались *личныхъ правъ* раскольниковъ. Лица, „не дорожащія общественнымъ положеніемъ“, сами охотно избѣгали общественныхъ должностей, предпочитая заниматься своими личными дѣлами. Напр., Мельниковъ называетъ въ своемъ отчетѣ богатаго бѣглопоповца Блинова, который, постоянно проживая въ Н.-Новгородѣ,

Footnotes, p. 192:

1) У Кельсіева вып. I, стр. 73—74. Дневныя дозорныя записи о московскихъ раскольникахъ. Чтен. въ Общ. Ист. и Др. Росс. 1885 г. кн. 4, стр. 83—84; 1886 г. кн. I, стр. 152.

2) У Кельсіева вып. II, стр. 204—205.

3) Дневныя дозорныя записи о московскихъ раскольникахъ. Чтенія въ Общ. Истор. и Др. Росс. 1885 г. кн. 4, стр. 112—113. 117—118; 1886 г. кн. I, стр. 144.

Footnotes, p. 193:

1) У Кельсіева вып. II, стр. 26; вып. IV, стр. 314—315.

2) У Кельсіева вып. IV, стр. 77.

3) Вишняковъ А. Старобрядческая Покровская молельня и филипповская часовня въ Москвѣ, стр. 72—73.

чтобы „избавиться отъ городскихъ службъ“, приписался въ купечество г. Чебоксаръ [1]). Разсматриваемое съ этой именно стороны, лишеніе раскольниковъ права на общественныя должности для лицъ не искательныхъ и занятыхъ казалось привиллегіей, вслѣдствіе чего иногда результаты получались какъ разъ обратные тѣмъ, чѣмъ какіе имѣло въ виду правительство. Нѣкоторые изъ торговыхъ людей, желая избѣгнуть избранія на общественную службу, какъ отвлекающую ихъ отъ торговыхъ занятій, совращались въ расколъ [2]). Съ другой стороны, лица вліятельныя въ расколѣ, умѣли „дѣлать связи съ лицами правительственными въ уѣздѣ и губерніи“ и не занимая никакихъ общественныхъ должностей и не получая знаковъ отличій [3]). Для примѣра укажемъ на богатыхъ нижегородскихъ раскольниковъ Губина и Бугрова, о которыхъ говорится въ отчетѣ Мельникова. Переселившись въ 1850 году изъ Москвы, „молодой коноводъ Губинъ, пишетъ Мельниковъ, сталъ заниматься въ Нижнемъ разными подрядами, снялъ содержаніе перевозовъ и потому вошелъ въ очень близкія отношенія къ начальнику губерніи (кн. Урусовъ), у котораго бываетъ, по крайней мѣрѣ, разъ въ недѣлю и на котораго всевозможною своею угодливостію успѣлъ упрочить свое вліяніе, втереться къ нему въ неограниченную довѣренность и сдѣлаться сильнымъ ходатаемъ за расколъ у добродушнаго начальника губерніи, который тѣмъ легче соглашается на просьбы Губина, что не признаетъ вреда, приносимаго расколомъ. Какое бы ни случилось дѣло въ раскольническомъ обществѣ Нижегородской губерніи, прикосновенные къ нему тайно обращаются къ Губину и ходатайство его у губернатора не бываетъ безуспѣшно. Кромѣ того, находясь въ пріятельскихъ отношеніяхъ со всѣми чиновниками, окружающими губернатора, Губинъ всегда и вездѣ имѣетъ вліяніе на раскольническія дѣла, производимыя въ губерніи“. Другимъ могущественнымъ по-

[1]) Рукоп. библіотеки Каз. Дух. Академіи № 1712, стр. 41.
[2]) Варадиновъ Истор. мин. вн. д. кн. VIII, стр. 207.
[3]) У Кельсіева, вып. IV, стр. 314.

кровителемъ нижегородскаго раскола и вліятельнымъ у нижегородскаго губернатора князя Урусова лицомъ былъ бѣглопоповецъ *Петръ Бугровъ*, занимавшійся „постройками и подрядами“. О немъ Мельниковъ пишетъ: „Тогда какъ болѣе или менѣе важные чиновники часа по два ожидаютъ (въ пріемной) выхода начальника губерніи, Бугровъ немедленно впускается въ губернаторскій кабинетъ. Тамъ толкуетъ онъ съ начальникомъ губерніи о разныхъ дѣлахъ по подрядамъ, шутя и балагуря, уступаетъ цѣны на заготовляемые матеріалы, берется сдѣлать безплатно сверхсмѣтныя работы и, пріобрѣтая такимъ образомъ расположеніе начальника губерніи, ходатайствуетъ въ то же время передъ нимъ за того или другого раскольника, но всегда заводитъ о томъ рѣчь осторожно, стороною. Такія ходатайства угодливаго Бугрова имѣютъ весьма сильное вліяніе на положеніе дѣлъ о раскольникахъ въ Нижегородской губерніи; ибо двѣ копѣйки пониженія цѣнъ на какую-нибудь поставку генералъ-лейтенантъ князь Урусовъ считаетъ дѣломъ безъ всякаго сравненія важнѣйшимъ и полезнѣйшимъ, нежели прекращеніе развивающагося по безпечности его раскола въ Нижегородской губерніи. Ходатайству Бугрова Семеновскіе скиты обязаны тѣмъ, что губернаторъ на возобновленіе ихъ смотритъ сквозь пальцы; ходатайству Бугрова обязаны скиты тѣмъ, что князь Урусовъ въ 1853 году писалъ даже о необходимости оставить скиты въ прежнемъ положеніи; ходатайству Бугрова обязана Городецкая часовня тѣмъ, что губернаторъ, имѣя въ виду Высочайшее повелѣніе уничтожить ее при удобномъ случаѣ, оставляетъ ее неприкосновенною. Съ полиціею Бугровъ дѣйствуетъ, конечно, съ меньшею осторожностью, чѣмъ съ губернаторомъ и притомъ напрямикъ, т. е. просто даетъ чиновникамъ ея годовой оброкъ, или условную за дѣло плату. Отъ того полицейскіе чиновники дозволяютъ ему имѣть школы для обученія раскольническихъ дѣтей; отъ того дозволяется ему имѣть моленныя; отъ того дозволяется ему въ д. Поповой устраивать обители для высланныхъ изъ скитовъ раскольницъ. Пользуясь такимъ покровительствомъ губернатора и имѣя на своей сторонѣ подкупную полицію, Буг-

ровъ ни мало не стѣсняется въ своихъ сектаторскихъ дѣйствіяхъ. Напрасно преосвящ. Іеремія обращаетъ на него вниманіе князя Урусова, напрасно преосвященный представляетъ Св. Синоду о вредѣ, приносимомъ Бугровымъ, напрасно г. министръ внутр. дѣлъ, по сообщенію Св. Синода, предписываетъ губернатору принять мѣры относительно Бугрова. Губернаторъ убѣжденъ, что все это говорятъ и пишутъ ему несправедливо, и не дѣлаетъ рѣшительно никакихъ распоряженій, чтобы сколько-нибудь обуздать этого раскольника. Да и какъ бы сталъ онъ дѣлать противъ него распоряженія? Въ то время, какъ начались о немъ настоянія преосвященнаго и предписанія г. министра, ген.-лейт. князь Урусовъ, посредствомъ подставного лица содержащій постоянно въ Нижнемъ и временно въ Костромѣ труппу актеровъ и только что потерпѣвшій убытокъ отъ пожара, истребившаго старый театръ, былъ до высшей степени обрадованъ угодливостью Бугрова, который на свой счетъ взялся построить ему каменный театръ. Отъ того онъ никогда не выдастъ его и, дозволяя ему дѣлать, что ему угодно, всегда будетъ защищать предъ Высшимъ Правительствомъ этого коновода раскола, споспѣшествовавшаго увеличенію его театральныхъ доходовъ. Бугровъ имѣетъ сильное вліяніе на раскольниковъ: всѣ издержки по подкупу мѣстныхъ властей принимаетъ онъ на свой счетъ, думая тѣмъ дѣлать богоугодное дѣло и потому всѣ бѣглопоповцы Нижегородской губерніи считаютъ его своимъ ходатаемъ и покровителемъ... Какое бы ни возникло въ Нижегородской губерніи дѣло по расколу, Бугровъ всегда является его защитникомъ и ходатаемъ и даетъ ему направленіе по своему усмотрѣнію" [1]).

Наконецъ, запрещеніе избирать на общественныя должности могло простираться и, дѣйствительно, простиралось только на раскольниковъ открытыхъ, записныхъ. *Тайные* раскольники (а такихъ въ Николаевское время было не мало) продолжали избираться на всѣ общественныя долж-

---

[1]) Рукопись библіотеки Каз. Дух. Академіи. № 1712, стр. 30—31. 35—39.

ности, не исключая и наиболѣе вліятельныхъ и почетныхъ, получая отъ приходскихъ священниковъ удостовѣренія, что къ расколу они не принадлежатъ [1]). Напр., въ г. Галичѣ тайный раскольникъ купецъ Касаткинъ, „съ обширными связями и вліяніемъ", былъ городскимъ головой [2]). Весьма нерѣдки были случаи, что волостные головы и старшины были тайными раскольниками [3]). Въ одной мѣстности Ярославской губерніи 30 лѣтъ служилъ старшиною даже мѣстный главарь ѳедосѣевщины. „Я 30 лѣтъ служилъ старшиною и 30 разъ присягалъ", говорилъ онъ министерскому чиновнику. „Пожалуй присягнешь и 100 разъ не по своему. Вѣдь такъ?" полюбопытствовалъ чиновникъ. „Ахъ, ты Господи! Онъ и это знаетъ", отвѣчалъ тотъ съ усмѣшкою [4]). Въ другой мѣстности той же губерніи главарь ѳедосѣевской секты былъ засѣдателемъ сельскаго управленія [5]). Занимая „вліятельныя" должности, тайные раскольники старались, конечно, быть полезными расколу. Напр., въ Нижегородской губерніи „сельскія начальства" изъ тайныхъ раскольниковъ сильно тормозили постройку православныхъ и единовѣрческихъ церквей въ мѣстностяхъ, населенныхъ раскольниками [6]).

Богатые раскольники, которые вообще не любили, чтобы ихъ „считали раскольниками" [7]) и потому мѣстами едва не поголовно зачислялись въ православные [8]), продолжали неуязвимо оставаться и „почетными гражданами и первостатейными купцами" [9]). Нѣкоторые изъ нихъ по-

---

[1]) Варадиновъ. Истор. мин. вн. д. т. VIII, стр. 527, 529.

[2]) У Кельсіева, вып. II, стр. 24.

[3]) Тамъ же, вып. II, стр. 60. Рукопись б. К. Д. Ак. № 1712, стр. 16.

[4]) Тамъ же, вып. IV, стр. 99.

[5]) Тамъ же, вып. II, 14; IV, 50—51.

[6]) Рукоп. библ. Каз. Дух. Академіи № 1712, стр. 16—17.

[7]) У Кельсіева, вып. IV, 30.

[8]) Тамъ же, вып. II, 24—25; вып. IV, 100.

[9]) Тамъ же, вып. II, 11—12; вып. IV, 36.

падали даже въ церковные старосты [1]). Не безынтересный въ данномъ отношеніи случай вышелъ разъ съ Ярославскимъ преосвященнымъ Евгеніемъ. Прибывши въ Романо-борисоглѣбскъ, преосвященный остановился въ домѣ соборнаго церковнаго старосты. Ночью онъ услышалъ надъ собою чтеніе. Доискиваясь причины, онъ попалъ въ горницу, которая оказалась раскольнической моленной, гдѣ „большакъ", по приглашенію хозяина, „вычитывалъ изъ дому архіерейскую благодать" [2]).

Лишенные права имѣть школы и быть учителями раскольники фактически продолжали сохранять за собою то и другое. Обученіемъ дѣтей занимались у раскольниковъ „мастера" и „мастерицы"—преимущественно послѣднія—изъ келейницъ [3]). Напр., въ Нижегородской губерніи такихъ учителей и учительницъ у раскольниковъ было болѣе 200 [4]). „Всѣ мѣры, противъ этого зла принимаемыя", говоритъ въ своемъ отчетѣ Мельниковъ: „состояли и состоятъ въ предписаніяхъ губернскаго начальства городскимъ и земскимъ полиціямъ, чтобы онѣ имѣли наблюденіе за этими учителями и учительницами и не дозволяли бы имъ обучать дѣтей грамотѣ, наставляя ихъ въ тоже время въ расколѣ. Такого распоряженія лучше бы и не дѣлать: ибо оно всегда будетъ исполняться на одной бумагѣ и ни одному исправнику, ни одному становому даже и въ голову не придетъ исполнить его на дѣлѣ, кромѣ развѣ случаевъ, которые, по соображеніямъ блюстителя порядка, могутъ доставить ему хорошую взятку. По временамъ возникаютъ дѣла по обнаруженію обученія раскольниками дѣтей; но какъ въ Уложеніи о наказаніяхъ

---

[1]) Варадиновъ. Истор. мин. вн. д. VIII, стр. 529; Кельсіевъ, вып. IV, 36. 329.

[2]) Аксаковъ И. С. Краткая записка о странникахъ. Русск. Архивъ. 1866 г., стр. 640; у Кельсіева, вып. IV, 336.

[3]) У Кельсіева, II, 13; IV, 48. 77. 167.

[4]) Мельниковъ П. Отчетъ о современномъ состояніи раскола въ Нижегор. губерніи. Сборн. Нижегор. Уч. Арх. К. т. IX, стр. 290.

нѣтъ статьи, которая бы опредѣляла мѣру наказанія за это, то губернское начальство и оканчиваетъ подобныя дѣла ничѣмъ" [1]). Губернское Правленіе обычно предписывало мѣстной полиціи имѣть наблюденіе. Полиція помѣчала такого рода указы „къ свѣдѣнію"—и клала въ архивъ [2]). Закрытыя у раскольниковъ школы негласно продолжали существовать, будучи перенесены въ другое мѣсто. Такъ, закрытое въ 1835 году Рогожское училище было тайно перенесено за 9 верстъ отъ Москвы въ д. Новинки, гдѣ и существовало при тамошней часовнѣ до 1839 года. Въ этомъ году оно было снова закрыто, но распоряженію управляющаго московской удѣльной конторой. Но въ 1840 г. было обнаружено, что училище не уничтожено, а перенесено въ с. Коломенское къ тамошней часовнѣ и находится подъ покровительствомъ мѣстнаго удѣльнаго головы [3]). Тайныя раскольническія училища, подобныя Рогожскому, не безъ вѣдома, конечно, полиціи, благополучно существовали и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ, напр., въ Н.-Новгородѣ, при Городецкой часовнѣ, при Выгорѣцкомъ общежительствѣ, при чемъ въ нихъ обучались даже дѣти православныхъ [4]).

Стѣсненные паспортами и отлучками, раскольники, напр., Нижегородской губерніи, по отчету Мельникова, „склонности къ побѣгамъ и безписьменности имѣли втрое больше, чѣмъ православные ихъ сосѣди" [5]). Для тѣхъ или иныхъ „сектаторскихъ цѣлей" раскольники отлучались

---

[1]) Рукоп. б. К. Д. А. № 1712, стр. 21.

[2]) Мельниковъ. Отчетъ въ Сборн. Нижегор. Уч. Арх. К. т. IX, стр. 292.

[3]) Мельниковъ П. Историч. оч. поповщины. Полн. Собр. соч. т. XIII, стр. 366.

[4]) Сборн. Нижег. Арх. К. т. IX. Отчетъ Мельникова стр. 174. 290; Шафрановъ. Выгорѣцкое старообрядч. общежительство въ концѣ XVIII и въ первой половинѣ XIX вѣка. Русск. Бог. 1893 г. № 11, стр. 84; Фармаковскій Вл. О противогосударственномъ элементѣ въ расколѣ, Отеч. Зап. 1866 г. т. 169. стр. 649.

[5]) Сборн. Нижегор. Арх. Ком. IX, стр. 93.

подъ предлогомъ разныхъ заработковъ или торговыхъ надобностей [1]). „Самый главнѣйшій изъ нижегородскихъ безпоповщинскихъ наставниковъ“ Иванъ Алексѣевъ Галкинъ, при посѣщеніи своей паствы, разъѣзжалъ, напр., не иначе, какъ „подъ видомъ прасола“, „на телѣгѣ, наполненной медомъ, воскомъ, пухомъ и масломъ, подъ которыми лежали цвѣтники и поморскіе свитки съ картинами. Чуть завидитъ, по мнѣнію его, сколько нибудь опаснаго человѣка, громко кричитъ: „масла да пуху продать“, а ученики его выходятъ и торгуются съ нимъ, пока не пройдетъ опасность“ [2]).

Такимъ образомъ, не смотря на строгіе запреты и ограниченія, раскольники поддерживали между собою самыя живыя личныя сношенія. Той же цѣли служила далѣе переписка между ними.

„Раскольники всѣхъ краевъ Россіи ведутъ между собою“, говоритъ Мельниковъ: „постоянную и дружескую переписку и всегда не личную, т. е. не отъ лица къ лицу, но отъ братства къ братству — сектаторы Петербурга, Москвы, Саратова, Екатеринбурга, Кишенева, Нижняго, Астрахани, Иркутска извѣщаютъ другъ друга объ отношеніяхъ своихъ къ церкви и правительству. Независимо отъ того, они ведутъ и заграничную переписку съ раскольниками австрійскими и турецкими, она особенно усилилась со времени появленія лжеепископовъ. Письма, не составляющія слишкомъ большой важности, пересылаются по почтѣ въ обыкновенныхъ конвертахъ; если предметъ сношенія нѣсколько поважнѣе, тогда въ письмо вкладываютъ хотя небольшую сумму денегъ, чтобы оно, будучи послано по денежной корреспонденціи, не могло затеряться, или что еще хуже, попасть въ постороннія, опасныя для раскольниковъ руки. Самыя важныя письма раскольники пересылаютъ не иначе какъ съ извощиками, лоцманами и водоливами. Наконецъ, въ случаѣ чрезвычайной важности извѣстія, письма пересылаются съ нарочнымъ. При такомъ

[1]) Тамъ же, стр. 69, 76. 89.

[2]) Тамъ же, стр. 77.

устройствѣ *раскольничьей почты*, у нихъ заведены и особаго рода станціи, не случится же часто довѣреннымъ извощикамъ ѣздить, напр., изъ Москвы прямо въ Иркутскъ, поэтому сектаторскія письма въ отдаленныя мѣста пересылаются изъ мѣста въ мѣсто до самаго назначенія. Пути раскольническихъ сообщеній и станцій непостоянны—все зависитъ отъ мѣстопребыванія коноводовъ раскола, чрезъ которыхъ пересылаются письма. Раскольники, привыкшіе ходить околицей въ гражданскомъ быту, и письма свои пересылаютъ окольными путями. Такъ, до 1846-го года сношенія нижегородскихъ раскольниковъ съ турецкими производились чрезъ д. Моисеиху Варнавинскаго уѣзда Костромской губерніи, а первыя воззванія Бѣлокриницкія о лжемитрополитѣ Амвросіи получены, между прочимъ, изъ Саратова“ [1]). „Сношенія раскольниковъ между собою“, говоритъ другой изслѣдователь раскола Синицынъ: „всегда производятся чрезъ довѣренныхъ лицъ. Всего чаще употребляются для этого нищіе и богомолы—сборщики подаяній, въ случаяхъ экстренныхъ во всѣ стороны скачутъ верховые. Почтовая корреспонденція касается лишь дѣлъ самыхъ обыкновенныхъ въ коммерціи“ [2]). Преображенское кладбище отправляло письма и книги въ сибирскія общины чрезъ конвойныхъ солдатъ, сопровождающихъ обозы съ чеканенною монетою съ сибирскихъ заводовъ [3]). Переписка раскольничьихъ поповъ, монаховъ, наставниковъ, скитницъ всегда шла чрезъ купцовъ, торговцевъ и другихъ болѣе видныхъ людей, сами же монахи, скитницы и пр. никогда не получали писемъ на свое имя. Напр., изъ переписки, взятой въ 1853 году у нижегородскаго раскольника Блинова, видно, что скитницы, жившія въ Самарѣ, переписывались съ Нижнимъ чрезъ торговаго удѣльнаго крестьянина Бугрова [4]).

[1]) Сборн. Нижег. Арх. К. IX, стр. 99—100.

[2]) У Кельсіева, вып. IV, стр. 147.

[3]) Дневныя дозорныя записи о московскихъ раскольникахъ. Чтен. въ Общ. Исторіи и Др. Росс. 1885 г. кн. 4, стр. 117.

[4]) Отчетъ Мельникова въ Сборн. Нижегор. Арх. Ком. стр. 96.

Потребность конспирацiи вынудила раскольниковъ создать для своей переписки особый *тайный* языкъ, не безынтересныя свѣдѣнiя о которомъ мы заимствуемъ изъ отчета П. И. Мельникова.

По словамъ Мельникова, тайный раскольническiй языкъ былъ трехъ родовъ: иносказательный, тарабарскiй или шифровованный и офеньскiй.

Иносказательный языкъ составленъ изъ иносказанiй, частiю заимствованныхъ изъ Священнаго Писанiя, частiю придуманныхъ самими раскольниками. Вотъ дознанныя слова этого языка: *мать*—церковь (расколъ), *дѣдушка*—старовѣрство, старинные обычаи, *бабушка*—старинная книга, *соль, рыбакъ, ключникъ, пастухъ, лѣкарь, ткачъ*—попъ, *пермянка, елецкая соль*—бѣглый священникъ, *бузунъ, елтонка*—iеромонахъ, *сырая соль*—неисправленный священникъ (не принятый въ расколъ), *сушить*—исправить, т. е. совершить прiемъ бѣглаго попа въ расколъ, *рогожа*—Рогожское кладбище, *сусѣкъ, амбаръ*—часовня, *ссыпать*—помѣстить, *подполье*—часовня тайная, *рыба*—душа, *протухнуть*—погрязнуть въ грѣхахъ безъ исправы (безъ исповѣди), *посолить рыбу*—очистить душу покаянiемъ, *зима*—старость, старики, *базаръ*—мiръ, суета и торговое с. Городецъ, *гниль*—грѣхъ, *масло*—жизнь, *масло свѣжее*—благочестивая жизнь,—*прогорклое*—пьяная жизнь, —*затхлое*—распутная жизнь,—*деревянное*—жизнь постническая, богоугодная, *сѣмя льняное*—поученiя, наставленiя, *вода, рѣка*—жизнь, *Волга, широкая рѣка*—жизнь богатая, разсѣянная, суетная, *малая рѣка* (какое-либо имя)—жизнь бѣдная, но благочестивая, *мутная вода*—дурная жизнь, *ключевая вода*—хорошая жизнь, *колодезная вода*—жизнь по заповѣдямъ, по ученiю, *колодезь*—священныя книги, *болото*—православiе, *кабакъ*—православная церковь, *цѣловальники*—православное духовенство, *волкъ, звѣрь*—высшая власть, *собаки*—правительство, чиновники, *деньги*—тайна, *пропивать деньги*—выдать тайну православнымъ, *кость*—деньги, *бросить собакѣ кость*—подкупить чиновника, *песокъ*—деньги, *цѣны не подходящiя*—стѣсненiе раскола, затруднительное положенiе, *ба-*

рышъ дать, барышъ взять, барышъ имѣть—не нуждаться въ чемъ-нибудь, быть довольнымъ, *мѣшокъ*—деревня, *пересыпать соль въ мѣшки*—держать попа не въ самой часовнѣ, а по деревнямъ, *дождь*—подаянiе, *вытаскивать кадки подъ дождь*—послать за сборомъ, *дождь пролилъ сквозь крышу*—получено много денегъ, *засуха*—мало подаянiя, *неводъ*—совращенiе въ расколъ, *неводить рыбы неводомъ*—совратить въ расколъ, *ѣхать въ Шацкъ*—отшатнуться отъ раскола, принять православiе, *баня*—крещенiе, *соленiе рыбы*—исповѣдь, *ѣсть*—прiобщиться, *поясъ*—бракъ, *ткать*—вѣнчать, *работать*—молиться.

Приведенный словарь иносказательнаго языка, такимъ образомъ, показываетъ, что разгадывать истинный смыслъ раскольническихъ писемъ, писанныхъ этимъ языкомъ, для непосвященныхъ въ него было чрезвычайно затруднительно. Письма, писанныя на этомъ языкѣ, составлялись всегда такъ, чтобы по прямому открытому смыслу ихъ не было видно въ нихъ ничего, кромѣ извѣщенiя о дѣлахъ житейскихъ, напр., о торговлѣ какого-нибудь мѣста, о хозяйственныхъ дѣлахъ и т. п. Обычно письма писались не сплошь этимъ языкомъ, причемъ таинственныя слова отмѣчались какимъ-нибудь условнымъ знакомъ. Приведемъ примѣры. Въ одномъ скитскомъ письмѣ было написано: „мы купили соль да сырую, просушили ее на рогожкахъ и ссыпали въ сусекъ, теперь не страшно, что рыба протухнетъ, посолимъ ее, такъ и зимой будетъ не голодно и на базаръ за съѣстнымъ хоть не ѣзди, и дома сытъ будешь". По переводѣ на обыкновенный языкъ, это письмо значило: „мы сманили отъ церкви попа еще не исправленнаго, исправили его на Рогожскомъ кладбищѣ въ Москвѣ и помѣстили при своей часовнѣ, теперь не страшно, что души наши погрязнутъ въ грѣхахъ безъ покаянiя, есть у кого исправиться и старухамъ теперь очень хорошо, не надобно ужъ возить ихъ въ Городецъ прiобщаться, можно и дома прiобщить". Въ другомъ письмѣ изъ Москвы въ Оленевскiй скитъ, послѣ извѣстiй о домашнихъ дѣлахъ, было писано: „а что была у насъ рогожа—собаки все

треплютъ, чуютъ соль, проклятыя; соль то охочи больно лизать". Это значитъ: „у насъ на Рогожскомъ кладбищѣ правительство дѣлаетъ розыски, узнавъ о находящихся тамъ бѣглыхъ попахъ; очень старательно ищутъ поповъ, чтобы ихъ взять". Еще примѣры. Въ письмѣ изъ Городца въ г. Семеновъ было написано: „у насъ въ сусекѣ соли довольно, пересыпали ее по мѣшкамъ для сохранности, да больно черну купили—бузунъ. Масло у насъ прогоркло, а льняного сѣмени вовсе нѣтъ. Мы всетаки не тужимъ— теперь цѣны неподходящія, всетаки соль барыши даетъ, да и масло купятъ—теперь масло либо горькое, либо затхлое, свѣжаго нигдѣ нѣтъ". Это значитъ: „у насъ при Городецкой часовнѣ есть іеромонахъ, для безопасности держимъ его не въ самомъ Городцѣ, а по деревнямъ. Іеромонахъ жизни не хорошей—горькій пьяница, да нечего дѣлать. Теперь затруднительно имѣть хорошаго попа, и то хорошо, что въ попѣ не нуждаемся, теперь во всѣхъ мѣстахъ попы либо пьяницы, либо распутные, а благочестивыхъ нѣтъ нигдѣ". „Иванъ Иванычъ поѣхалъ въ Шацкъ, а хозяйка его осталась при матери и какъ ты увидишь его, и станетъ онъ тебя спрашивать про наши деньги, ты ему не давай, а то неровно пропьетъ въ кабакѣ, вѣдь онъ съ цѣловальниками другъ и пріятель". Это значитъ: „Иванъ Ивановичъ принялъ православіе, а хозяйка его осталась въ расколѣ, и какъ ты увидишь его и станетъ онъ съ тобой разговаривать о нашихъ дѣлахъ, ты ему ничего не говори, чтобы не выдалъ тайны наши; будучи при церкви, онъ теперь сдружился съ православнымъ духовенствомъ" [1]).

Тарабарскій языкъ состоялъ въ употребленіи въ письмѣ однѣхъ буквъ вмѣсто другихъ. Такихъ шифровокъ у раскольниковъ было нѣсколько. Напр., раскольники писали слова съ обратной разстановкой въ нихъ буквъ— такъ: „илирозаръ ценежрекъ", что значитъ: „керженецъ

---

[1]) Мельниковъ. Отчетъ о современномъ состояніи раскола въ Нижегор. губерніи Рукоп. б. К. Д. Академіи № 2007; Сборн. Нижегор. Арх. Комиссіи т. IX, стр. 97—98.

разорили"; „ясьтиломъ угобъ жетикъ анъ медеопъ", что значитъ: „поѣдемъ на Китежъ Богу молиться". Были шифровки и позамысловатѣе; изъ нихъ болѣе распространенная имѣла слѣдующій ключъ:

б. в. г. д. ж. з. к. л. м. н.
щ. ш. ч. ц. х. ф. т. с. р. п.

Буквы, поставленныя одна подъ другую, употреблялись въ письмѣ одна вмѣсто другой, а гласныя оставались безъ перемѣны. Напр., написанное по тарабарски: „Лерепа Туфрига шъ Ролтишѣ, чошомякъ, шфяси, а кенемъ Нмеошмакемплторъ Апкопъ Ишапыгъ гко сепкы мащокаекъ"—значило: „Семена Кузьмина въ Москвѣ, говорятъ, взяли, а теперь на Преображенскомъ Антонъ Иванычъ, что ленты работаетъ". „Ры лоцмасиль люца щоча маци ця лналепія цувъ лшопжъ, томрирля окъ нороби еципошѣмпыжъ щсачокшомикесей, тундешъ ролтошлтижъ"—значило: „мы собрались сюда Бога ради для спасенія душъ своихъ, кормимся отъ помощи единовѣрныхъ благотворителей, купцовъ московскихъ". Еще примѣръ. „Лсаша Щочу, и улемцпые о цмешсеилкиппоръ щсачогелкіи магикеси тафаплтіе носугиси лещѣ щочоцамошапиачо амжиналкымя: шлегелкпое иря ечо Назпукій; опъ ухе окнмашисля шъ Тафапь", что значитъ: „Слава Богу, и усердные о древлеистинномъ благочестіи рачители казанскіе получили себѣ богодарованнаго архипастыря: всечестное имя его Пафнутій; онъ уже отправился въ Казань" [1]).

Такъ называемый *офеньскій* языкъ раскольниковъ— это языкъ ходебщиковъ или разносчиковъ, которые съ тесемками, пуговицами и всякою мелочью ходятъ по всей Россіи. Этотъ языкъ искусственный; слова въ немъ придуманы, но грамматическое сочетаніе словъ русское. Въ письмахъ, писанныхъ на офеньскомъ языкѣ, собственныя имена писались по тарабарски, но имена многихъ горо-

---

[1]) Мельниковъ П. Отчетъ въ Сборн. Н. А. К. IX, стр. 98: Раскольничья переписка. Прав. Соб. 1866 г. I, стр. 267—269.

довъ, рѣкъ и пр. имѣютъ и свои названія, напр. Батуся—Москва и пр. Вотъ отрывокъ раскольничьяго письма изъ Городца на офеньскомъ языкѣ: „У рижайсы Исьига елтона хвяще захуртила, заба и сбракешь ловака да поерци на курню, каръ косей. Хрутецъ гиросты севритъ, керъ косей морковитъ, а на стодницѣ бакры хрудели съ іово нетарь, карякъ коврюкъ пріерцилъ, съ іонъ и срапался. Хрутецъ гиростинъ ботьвѣ слемзитъ, кѣръ ухлить косея—на карякой курнѣ, на карякомъ рымѣ. А карякъ уверишишь косея, посалты съ іово Стодомъ, корье бы поерцилъ кимершиной мерчью Рижайсѣ Исьигу, ширамъ не ропался: коврюкъ уерцилъ на возгранъ, а подковрюжника бельдизъ на Возгранцѣ нетаръ". Значеніе этого отрывка такое: „У Михаила Ильича жена очень занемогла, заложи, братецъ, лошадь, да поѣзжай въ деревню, гдѣ попъ. Отецъ старостинъ знаетъ, гдѣ попъ ночуетъ (живетъ), а въ часовнѣ двѣ недѣли его нѣтъ, какъ исправникъ (баринъ) пріѣхалъ, онъ и испугался. Отецъ старостинъ тебѣ скажетъ, гдѣ искать попа, въ которой деревнѣ, въ которомъ домѣ. А когда увидишь попа, попроси его Богомъ, чтобы онъ поѣхалъ нынѣшній же день къ Михайлу Ильичу, ничего бы не боялся: исправникъ уѣхалъ въ городъ, а станового здѣсь въ Городцѣ нѣтъ" [1]).

Болѣе чувствительными для раскольниковъ были, конечно, ограниченія, касающіяся ихъ семейнаго положенія. Но и здѣсь положительные практическіе результаты, можно сказать, были ничтожны. Правда, многіе раскольники, проникаясь правительственными побужденіями, вѣнчались въ церкви. Но церковный бракъ они въ этомъ случаѣ считали только „обязанностью житейской необходимости" или „просто гражданскимъ актомъ, необходимымъ для гражданской законности дѣтей". Чтобы придать своему супружескому сожительству силу и „въ духовномъ отношеніи", раскольники или снова вѣнчались у своихъ наставниковъ и поповъ, или, по крайней мѣрѣ, „исправлялись", покая-

[1]) Мельниковъ П. Отчетъ въ Сборн. Нижегор. Арх. Ком. IX, стр. 98—99.

ніемъ и епитиміею заглаждая грѣхъ церковнаго вѣнчанія [1]). Нерѣдко бывало и такъ, что брачущіеся раскольники только для виду входили въ церковь, а приходскіе причты за извѣстную плату вносили ихъ браки въ метрическія книги, не вѣнчая [2]). Память о подобныхъ фиктивныхъ записяхъ раскольническихъ браковъ сохранилась, между прочимъ, и въ раскольнической литературѣ. Такъ, въ „Отсловіи къ новоженамъ"—раскольнической рукописи начала 50-хъ годовъ, принадлежащей перу бракобора, между прочимъ, говорится, что „новопротестантской секты послѣдователи", т. е. брачные безпоповцы, видя, что безсвященнословные браки ихъ „какъ церковными, такъ и градскими учрежденіями запрещаются", что дѣти ихъ, „яко зазорныя вмѣняются въ мірѣ и лишаются законнаго имени, права и родительскаго наслѣдства", стали „искать новаго подтвержденія своей женитьбѣ, за небытіемъ благочестиваго, самымъ церемоніальнымъ запечатлѣніемъ нечестивыхъ": „прибѣгаютъ къ веельфегору и, съ покорнымъ прошеніемъ жертвуя и кадя, съ приношеніемъ дара, отъ престола ложнаго агнца ищутъ утвержденія, покупая себѣ гибель и защиту оттуду, и моля, да служители нечестія запишутъ ихъ въ число и въ книгу смерти и, принявше отъ нихъ письменное свидѣтельство, бываютъ безопасны" [3]). Цѣлыя сотни раскольническихъ сожительствъ узаконялись, наконецъ, и посредствомъ фальшивыхъ брачныхъ свидѣтельствъ съ поддѣльными печатями и подписями, фабрикацiей которыхъ, въ виду соблазнительной выгодности ея,

[1]) У Кельсіева, вып. IV, стр. 7, 13, 88—89; У Варадинова кн. VIII, стр. 629—630; Истина 1885 г. кн. 101.—Въ мірѣ раскола, стр. 3—4.

[2]) У Кельсіева, вып. II, стр. 21; У Варадинова, кн. VIII, стр. 461; Дневныя дозорныя записи о московскихъ раскольникахъ. Чтенія въ Общ. Истор. и Др. Росс. 1885 г. кн. 3, стр. 47. кн. 4, стр. 105.

[3]) Нильскій И. Семейная жизнь въ р. расколѣ. вып. II, стр. 72—73.

занимались даже лица изъ среды православнаго духовенства [1]).

Впрочемъ, относительно раскольнической массы слѣдуетъ сказать, что въ вопросѣ о бракѣ она не шла ни на какіе компромиссы. Правительство отрицало и преслѣдовало раскольническіе „своды", а раскольники продолжали заключать ихъ,—и не только между собою, но и съ православными и единовѣрцами [2]). Разсматривая сводные браки, какъ публичное оказательство раскола (77 ст. XIV т. уст. о предупр. прест.), духовное и гражданское начальство требовало, чтобы сведенные расходились. Однако власть была безсильна провести это требованіе въ жизнь. На требованіе разойтись раскольники или отвѣчали рѣшительнымъ отказомъ, прямо заявляя, что „приказаній о разлученіи съ женами и женъ съ мужьями не послушаютъ и росписки въ томъ не дадутъ" [3]), или, если и расходились, то лишь на время, большею частію, на нѣсколько недѣль, дней и того меньше, а потомъ опять сходились. Иногда разлучаемые и сами безъ стѣсненій заявляли, что „соединятся снова, не смотря ни на какіе запреты" [4]). Поэтому все дѣло обычно сводилось къ безплодной и безцѣльной, лишенной всякаго практическаго смысла, перепискѣ приходскихъ священниковъ, Духовныхъ Консисторій, Губернскихъ Правленій, Уѣздныхъ и Земскихъ Судовъ, исправниковъ, становыхъ, Волостныхъ Правленій и проч. Вотъ примѣръ разлученія раскольническаго своднаго брака, по требованію власти. Дѣло, которое, нужно думать, является

---

1) Дневныя дозорныя записи о московскихъ раскольникахъ, Чтен. въ Общ. Истор. и Древн. Росс. 1885 г. кн. 2, стр. 18. кн. 3, стр. 43—44

2) Собран. постан. по ч. раск. по вѣд. Св. Син. 1860 г. II, стр. 514.

3) Никаноръ архим. (впослѣдствіи архіеп. Херсонскій) «Что же должно дѣлать съ расколомъ?» Записка, составленная по порученію Оберъ-Прокурора Св. Синода Ахматова. Рукоп. библіотеки К. Д. А. № 2806, стр. 95.

4) Бѣликовъ Д. Н. прот. Томскій расколъ. Томскъ 1901 г. стр. 113.

прототипомъ сотни подобныхъ дѣлъ, производилось въ Саратовской Духовной Консисторіи въ 1862 году. Приходскій священникъ донесъ благочинному, что его прихожанка—„дѣвица А., крещенная въ прав. церкви, воспитывавшаяся въ духѣ православія и бывавшая, хотя и не ежегодно, на исповѣди" увезена, съ согласія своего и своей матери, раскольникомъ другой деревни К. для брачнаго купножительства. „Благочинный донесъ объ этомъ архіерею, архіерей передалъ дѣло въ Консисторію, а Консисторія отнеслась въ Уѣздный и Земскій Суды: въ уѣздный—о увозѣ раскольникомъ К. дѣвицы православнаго вѣроисповѣданія А. для беззаконнаго съ нею купножительства и о согласіи на это будто бы матери сей дѣвицы произвесть слѣдствіе, а въ земскій —православную *дѣвку* А. немедленно удалить отъ купножительства и водворить ее въ мѣсто жительства въ с. Б. Земскій судъ поручилъ отношеніе Консисторіи къ исполненію становому приставу, который о доставленіи къ нему этой дѣвки предписалъ Волостному Правленію. Волостное Правленіе „взятую отъ раскольника К. скрытно увезенную имъ православную дѣвицу" при рапортѣ представило приставу „на зависящее распоряженіе". Становой приставъ представленную ему „женку" „съ нарочитымъ" отправилъ въ мѣсто жительства ея матери въ слободу Б., о чемъ и рапортовалъ Земскому суду, который отослалъ рапортъ пристава въ Консисторію. А Консисторія *приказали:* „переписку хранить при дѣлѣ". Но въ это время благочинный вошелъ къ преосвященному съ новымъ рапортомъ такого содержанія: „при отношеніи ко мнѣ пристава 1-го стана К-го уѣзда съ нарочитымъ выслана ко мнѣ тайно увезенная на беззаконное купножительство раскольникомъ К. православная, не достигшая полнаго совершеннолѣтія крестьянская дочь дѣвица А., которую, по сдѣланіи мной ей и ея матери надлежащихъ увѣщаній, при отношеніи отъ *19-го мая* я препроводилъ къ приставу 2-го стана А-скаго уѣзда, для надлежащаго водворенія ея и предохраненія отъ продолженія подобнаго беззаконія; а вмѣстѣ предписалъ приходскому священнику имѣть надъ нею и семействомъ, къ ко-

торому принадлежитъ она, строжайшій надзоръ и сколько можно чаще и тщательнѣе дѣлать пастырское внушеніе о покаяніи и обращеніи къ православію. Но *6-го іюня* сего же года приходскій священникъ донесъ мнѣ, что нѣсколько дней назадъ она, А., выбыла изъ слободы Б. въ деревню Б. опять на беззаконное купножительство съ раскольникомъ К...". „Архіерей сдалъ рапортъ благочиннаго въ Консисторію. Консисторія обратилась къ Земскому Суду съ требованіемъ не медля выслать проживающую въ д. Б. у раскольника К. дѣвку А. въ мѣсто ея жительства слободу Б., а раскольника К. о недержаніи въ домѣ своемъ дѣвки А. обязать подпискою. Земскій Судъ поручилъ къ исполненію отношеніе Консисторіи становому приставу. Послѣдній распорядился „отправить дѣвицу А. съ нарочитымъ для водворенія въ мѣсто жительства къ приставу 2-го стана А-го уѣзда", о чемъ и рапортовалъ Земскому Суду съ представленіемъ слѣдующей росписки раскольника К.: „далъ я эту подписку въ томъ, что отношеніе Консисторіи о воспрещеніи мнѣ имѣть при себѣ вышедшую за меня замужъ по раскольническому обряду дѣвку А. я слышалъ и имѣть ее при себѣ не буду, въ томъ и подписуюсь". Земскій Судъ отослалъ рапортъ пристава въ Консисторію, Консисторія дала знать о содержаніи этой переписки благочинному „къ свѣдѣнію и наблюденію". А благочинный опять отрапортовалъ въ Консисторію, что „дѣвка А., по доносу приходскаго священника, прошлымъ мясоѣдомъ, весьма на короткое время, была въ слободѣ Б. въ гостяхъ у матери и тогда же уѣхала въ дер. Б. къ раскольнику К. и до сихъ поръ живетъ тамъ". Консисторія приказали: „просить К-ое Уѣздное Волостное Правленіе о немедленной высылкѣ дѣвки А. въ мѣсто ея жительства"... Тѣмъ дѣло и кончилось [1]).

Иногда власть сама откровенно заявляла о своемъ полномъ безсиліи бороться съ раскольническими сводами путемъ насильственнаго ихъ расторженія. Напр., Бійскій

[1]) Никаноръ архим. Что же должно дѣлать съ расколомъ? стр. 121—127.

Земскій судъ, на разсмотрѣніе котораго ежегодно поступало отъ 110 до 200 такихъ дѣлъ, вынужденъ было признаться, что хотя онъ расторгаетъ своды, но разлученіе продолжается только до тѣхъ поръ, пока живетъ въ деревнѣ полицейскій чиновникъ, а какъ только онъ выѣхалъ, разлучившіеся опять сходятся и живутъ вмѣстѣ до новаго пріѣзда чиновника [1]). Но особенно характерное заявленіе въ этомъ отношеніи сдѣлано было саратовской администраціей. По поводу возбужденнаго саратовскимъ епархіальнымъ начальствомъ дѣла о массовомъ расторженіи „беззаконныхъ купножительствъ" раскольниковъ с. Монастырскаго, саратовскій губернаторъ Н. М. Муравьевъ, на основаніи донесенія исправника, увѣдомлялъ (16 февр. 1863 г.) преосвященнаго Евѳимія, „о положительной невозможности препятствовать совмѣстному жительству раскольниковъ съ ихъ женами; *ставить же ежедневные наряды деннаго и ночного карауловъ къ каждому дому* раскольниковъ имѣло бы видъ явнаго гоненія и было бы обременительно для прочихъ обывателей села". Преосвященный Евѳимій, по поводу этого увѣдомленія губернатора Муравьева, говорилъ съ горечью: „вотъ и кланяйся имъ! вотъ домогайся отъ нихъ помощи и содѣйствія къ обращенію раскола!.. И вѣдь то особенно печально, что правда, что онъ говоритъ дѣло: *правительство безъ рукъ, оно средствъ не имѣетъ привести въ исполненіе свои предписанія, наши требованія*. Вотъ и обращай тутъ раскольниковъ!" [2]).

II.

Ту же картину постояннаго игнорированія и обхода правительственныхъ мѣропріятій мы видимъ и въ религіозной жизни раскольниковъ.

Напр., московскіе раскольники совершенно не считались съ распоряженіями о молитвенныхъ зданіяхъ. „За-

[1]) Бѣликовъ Д. Н. прот. Томскій расколъ, стр. 109—110. 113.

[2]) Никаноръ арх. Что же должно дѣлать съ расколомъ? стр. 96—97.

конъ воспрещаетъ оказательство раскола", писалъ митр. Филаретъ московскому секретному комитету отъ 29 марта 1848 года. „и на семъ основаніи не допускаетъ, чтобы раскольническія часовни имѣли главы, кресты и колокола. Но Рогожское и Преображенское кладбища не допускаютъ сего закона въ свои ограды и показываютъ столицѣ на своихъ моленныхъ высокія главы и кресты и даютъ слышать звукъ своихъ колоколовъ, которые на Рогожскомъ такъ велики, что иногда преждевременнымъ благовѣстомъ производятъ замѣшательство въ благовѣстѣ при православныхъ церквахъ". По деликатному выраженію московскаго святителя, мѣстныя власти „имѣли счастіе не знать" происходившаго [1]). По сообщенію лѣтописца Преображенскаго кладбища, когда въ 1826 году издано было распоряженіе о закрытіи безпоповщинскихъ моленныхъ, не имѣвшихъ 10-лѣтней давности, въ Москвѣ остались „неприкосновенными" не только устроенныя до этого за два года, но и въ этомъ году продолжали устраиваться новыя. Всѣ частныя московскія моленныя показаны были издавна существовавшими и въ такомъ незначительномъ количествѣ, что не обратили вниманія правительства. „Дорого мы купили право соборне молиться въ своихъ собственныхъ домахъ; ублажили ниву антихристовыхъ приставниковъ, и съ ихъ дозволенія утвердились наши грѣшныя молельни", разсказывали потомъ ѳеодосѣевскіе старцы [2]).

„Съ дозволенія антихристовыхъ приставниковъ" „грѣшныя" раскольническія моленныя „утверждались" не въ одной Москвѣ. Напр., въ Петербургѣ онѣ „поправлялись постоянно и въ 1841 году находились въ самомъ лучшемъ видѣ" [3]). Производившій въ 1829 г., по Высочайшему повелѣнію, осмотръ Городецкой часовни нижегородскій губернаторъ Бибиковъ доносилъ министру внутреннихъ дѣлъ, что часовня „находится въ ветхомъ состояніи и... много, если она простоитъ еще лѣтъ двадцать". Но спустя 25 л.

[1]) Собран. мнѣн. и отз. т. дополн. стр. 227.

[2]) У Кельсіева вып. I, стр. 60.

[3]) Варадиновъ Н. Исторія мин. вн. д. кн. VIII, стр. 398.

послѣ этого осмотра, Мельниковъ въ своемъ отчетѣ писалъ, что Городецкая часовня „находится въ такомъ положеніи, что безъ поправокъ и починокъ непремѣнно простоитъ еще около 30 лѣтъ" [1]). По примѣру Городецкой часовни въ костромской губерніи „многія моленныя существовали по 50-ти и болѣе лѣтъ, не приходя въ ветхость" [2]). Чтобы скрыть слѣды производимыхъ починокъ, раскольники или подкрашивали ихъ грязнымъ сѣрымъ цвѣтомъ, или заготовляли для нихъ лѣсъ за нѣсколько лѣтъ и складывали на открытомъ воздухѣ, такъ что, при употребленіи его въ дѣло, онъ по виду ничѣмъ не отличался отъ ремонтируемыхъ строеній, или, наконецъ, брали тесъ и бревна отъ другихъ старыхъ построекъ [3]). На случай возникновенія какихъ-либо формальныхъ слѣдствій, по крайней мѣрѣ, при болѣе видныхъ раскольническихъ моленныхъ держались на жалованьѣ подставные попечители—изъ людей бѣдныхъ и въ своемъ обществѣ не имѣющихъ никакого значенія. Если, впрочемъ, возбужденное дѣло грозило большими непріятностями, то раскольники скрывали и подставныхъ лицъ, заявляя, что „попечителей у нихъ нѣтъ, а всѣ дѣла дѣлаются міромъ". Такъ, напр., поступили городецкіе раскольники, при производствѣ въ 1849 году дѣла о найденныхъ у дѣвки Ирины Акифьевой св. дарахъ, антиминсѣ и крестильномъ ящикѣ, которые отданы были ей на храненіе попечителями Городецкой часовни [4]).

Раскольническія обители составляли особенно доходную статью для мѣстной администраціи и полиціи. По замѣчанію Пругавина, даже „откупъ не могъ сравняться съ тѣми выгодами, какія получались начальствомъ отъ скитовъ". Притомъ свое замѣчаніе Пругавинъ иллюстри-

[1]) Сборн. Нижегор. Арх. Ком. т. IX, стр. 169.

[2]) У Кельсіева вып. IV, стр. 322.

[3]) У Кельсіева вып. I, стр. 73; Русск. Богатство 1893 г. № 11, стр. 68; Старообрядецъ. 1907 г. № 6, стр. 694.

[4]) Отчетъ Мельникова. Сборн. Нижег. Арх. Ком. т. IX, стр. 177.

руетъ примѣромъ Топозерскаго скита. Изъ случайно уцѣлѣвшихъ нѣсколькихъ листовъ приходо-расходной книги Топозерскаго скита видно, что тамъ постоянно велась особая статья расхода подъ рубрикою: „для гостей въ Кеми и здѣсь“ (т. е. въ скитѣ), подъ которыми разумѣется мѣстное начальство, задабриваемое скитомъ. Въ теченіе 3-хъ мѣсяцевъ, за которые сохранились листы приходо-расходной книги, „гостямъ“ выдано было 3064 р. [1]). Статьи расхода съ подобнымъ же спеціальнымъ назначеніемъ, нужно думать, велись и въ другихъ раскольническихъ скитахъ. Такъ, въ расходной вѣдомости нѣсколькихъ скитовъ нижегородской губерніи, приводимой въ отчетѣ Мельникова, между другими значатся такія статьи: „земской полиціи деньгами и разными припасами—2000 р., чиновникамъ Вѣдомства Государств. Имуществъ—800 р., лѣсничимъ—500 р., на хлопоты по разнымъ присутственнымъ мѣстамъ - 800 р.“. Сверхъ того, по словамъ Мельникова, „преимущественно на подкупы чиновниковъ“, расходовались „остатки“, которые имѣлись при каждой обители и, по мѣрѣ израсходованія, пополнялись благотворителями [2]).

---

[1]) Русскіе сектанты до закона 3-го мая 1883 г. Русская Мысль 1883 г. кн. 10, стр. 241.

[2]) Сборн. Нижегор. Арх. Ком. т. IX. стр. 142—143.—Становые пристава положительно жили у скитовъ на оброкѣ, который получался по точному росписанію его различныхъ статей. «Въ каждомъ скиту». разсказываетъ у Мельникова становой *Поярковъ:* «по десяти да по двѣнадцати обителей; въ каждой обители настоятельница, старицъ и бѣлицъ штукъ пятьдесятъ и больше. Это «лицевыхъ», значитъ, такихъ, что съ пачпортами живутъ... Кромѣ того «скрывающихся» много... Каждая настоятельница за «лицевую» въ годъ рубля по два платитъ. а за «скрывающуюся» меньше тридцати взять нельзя»... «Большой праздникъ подходитъ: изъ всѣхъ обителей къ тебѣ съ подносами: къ Пасхѣ на куличи, къ Петрову дню—на барана, къ Успенью - на медъ, къ Покрову—на брагу, къ Рождеству—на свинину, къ масляницѣ—на рыбу, къ великому посту—на рѣдьку да на капусту». «А то еще за сборами по городамъ матери ѣздятъ. Поѣдутъ предъ зимнимъ Николой, воротятся къ Благовѣщеньеву дню. Ѣдучи въ путь, приходятъ пачпорты явить... Со сбору воротятся, опять являются, и чего бывало не натащатъ.

Отсюда нѣтъ ничего удивительнаго, если скитскія зданія у раскольниковъ строились и исправлялись, „блаженные жильцы“ въ нихъ „не скончевались“, возникавшія о скитахъ дѣла задерживались и тянулись въ губерніи цѣлые годы, въ теченіе коихъ имъ не было никакого „безпокойства“ и т. под.

Какъ, впрочемъ, ни щедры были раскольники на подкупы и какъ ни многочисленны были на этой почвѣ злоупотребленія со стороны подлежащихъ властей, всеже въ царствованіе Николая I бо́льшая часть раскольническихъ часовенъ и скитовъ была такъ или иначе упразднена. Раскольники, „не смотря на то, что всѣмъ честили, кого слѣдуетъ, всѣмъ ублажали, однакожъ ни въ чемъ успѣть не могли“. Особенно памятны для нихъ въ этомъ отношеніи 40-е и 50-е годы. Въ теченіе, напр., 10 ти лѣтъ (1842—1852), судя по статистическимъ даннымъ у Варадинова, было запечатано, передано въ Духовное Вѣдомство или совсѣмъ уничтожено болѣе 550-ти раскольническихъ молитвенныхъ зданій [1]). До 1848 г. въ черниговской губерніи насчитывалось около 1000 раскольническихъ пустынокъ и келій для одиночной жизни; въ 1850-мъ году ихъ числилось уже только 50 [2]). Въ разсматриваемое царствованіе, какъ извѣстно, прекратили свое существованіе всѣ болѣе или менѣе исторически извѣстные раскольническіе монастыри и скиты - Иргизскіе, Стародубскіе, Керженскіе, Выговскіе, Касминскіе, Каштымскіе, Чердынскіе и мн. др. [3]).

Которая въ Саратовъ ѣздила—рыбы да икры, которая въ Казань—сафьяну на сапоги, которая изъ Екатеринбурга пріѣхала—нельмы рыбы да печатокъ самоцвѣтныхъ, съ Дону—балыковъ, изъ Москвы—сукна и матерій разныхъ... Самому не съѣсть, не износить, лишнее нужнымъ людямъ въ губернію шлешь. Они довольны, и отъ того насчетъ непріятностей опасенія не предвидится». (Мельниковъ П. И. Полное собран. сочин. т. II, Поярковъ, стр. 60—61).

[1]) Истор. мин. вн. д. кн. VIII, стр. 451. 578.

[2]) Тамъ же, стр. 566.

[3]) Тамъ же, стр. 284—289, 386—392, 395—397, 450—456, 578—580, 645—654.

Нѣтъ нужды распространяться о томъ тяжеломъ, гнетущемъ впечатлѣніи, какое производило на раскольниковъ насильственное отобраніе и раззореніе ихъ святынь. Свои скорбныя чувства и переживанія по этому поводу они выразили, между прочимъ, въ особыхъ духовныхъ стихахъ, пользовавшихся среди нихъ въ свое время большой любовью и распространеніемъ. Таковы, напр., духовные стихи, посвященные раззоренію скитовъ—Иргизскихъ [1]), Керженскихъ [2]), Лаврентьева монастыря (въ Могилевской губ.) [3]) и др. Мрачные по колориту, безотрадные по смыслу, эти стихи могли питать въ раскольнической средѣ по отношенію къ прав. церкви и правительству, разумѣется, далеко не добрыя чувства. Въ расколѣ составлялись и передавались изъ рода въ родъ цѣлыя легенды и разсказы о мнимыхъ чудесахъ, которыя будто бы совершались при запечатаніи и уничтоженіи раскольническихъ часовенъ. Такъ, напр., въ Казани были еще живы разсказы о чудесахъ и видѣніяхъ, бывшихъ яко бы при обращеніи здѣсь поповщинской часовни (Коровинской) въ единовѣрческую церковь, по прошествіи болѣе 20-ти лѣтъ послѣ обращенія [4]). Фанатическое настроеніе раскольниковъ подъ живымъ впечатлѣніемъ совершающихся насилій достигало крайняго напряженія. Напр., обращеніе Иргизскихъ монастырей въ единовѣрческіе, названное раскольниками „вавилонскимъ плѣненіемъ“ [5]), вызвало у нихъ противъ церкви и правительства „лютую ненависть“ [6]). Инокиня Иргизскаго Успенскаго монастыря Александра составила „Сказаніе о картахъ и звѣриномъ образѣ“, представляющее изъ себя рядъ крайне рѣзкихъ нападокъ на правительственную власть.

[1]) Отеч. Зап. 1874 г. № 11, стр. 87.

[2]) Русск. Старина 1878 г. т. XXII, стр. 342—344.

[3]) Старообрядецъ 1906 г. стр. 1128—1129.

[4]) Ивановскій Н. И. проф. По поводу новыхъ законовъ относительно раскола. Прав. Собес. 1883 г. т. III, стр 37.

[5]) Дубакинъ Д. Обращеніе Иргизск. раск. монастырей въ единовѣріе, стр. 120.

[6]) Варадиновъ Н. Истор. мин. вн. д. кн. VIII, стр. 566.

Въ немъ излагается извѣстная легенда о подмѣнѣ Петра I жидовиномъ въ Швеціи, въ нецензурномъ видѣ изображаются преемники Петра; звѣриный образъ воцарившагося антихриста указывается въ русскихъ государяхъ и православныхъ архіереяхъ, проповѣдуется отрицаніе картъ-паспортовъ, снабженныхъ печатью антихриста. „Сказаніе“ инокини Александры ходило по рукамъ въ сотняхъ списковъ [1]). Среди иргизскихъ поповцевъ въ 40-хъ годахъ была очень распространенною мысль о томъ, что императоръ Николай—антихристъ. Эта мысль фанатикамъ казалась настолько безспорной, что они „сумняящихся“ въ ней предавали заушенію и лишали молитвеннаго общенія. Въ 1-й день Пасхи 1842 г. они ожидали даже кончины міра, причемъ, какъ и предки ихъ въ XVII в., облекались въ саваны и живыми ложились въ гроба [2]).

Съ другой стороны, не смотря на видимый успѣхъ, правительственная дѣятельность по уничтоженію раскольническихъ молитвенныхъ зданій цѣли своей едва-ли достигала. „Упраздненіе моленныхъ, обращенія ихъ въ домашнія помѣщенія, самая даже сломка зданія“, пишетъ въ своемъ отчетѣ Мельниковъ: „не уничтожаютъ моленныхъ вовсе: они являются или на старомъ мѣстѣ, или гдѣ-нибудь по сосѣдству, тотчасъ же по уничтоженіи моленной“ [3]). На практикѣ происходила простая замѣна моленъ открытыхъ тайными. Напр., Покровская часовня въ Москвѣ была запечатана и иконостасъ въ ней сломанъ, но полиція дозволила за извѣстную плату перевезти книги, иконы и другіе предметы церковной утвари въ домашнюю моленную купца Гусарева. Въ результатѣ домашняя молельня Гусарева превратилась въ общественную, причемъ призрѣваемые при Покровской моленной размѣстились, частію, у Гусарева, частію, у другой купчихи—Рудако-

[1]) Кельсіевъ В. Сборн. правит. свѣд. о раск. вып. I, стр. 192.

[2]) Поповъ Н. Сборникъ для исторіи старообрядчества т. II, вып. V, стр. 29—66; Дубакинъ Д. Обращеніе Иргизскихъ раск. монастырей въ единовѣріе, стр. 125—127.

[3]) Сборн. Нижегор. Арх. Ком. т. IX, стр. 200.

вой [1]). Обширная моленная въ д. нижегородскаго купца Губина, по Высочайшему повелѣнію, была въ 1848 г. превращена въ домашнее помѣщеніе. Тогда вмѣсто нея Губинъ устроилъ новую моленную—только въ другомъ своемъ домѣ [2]). Общее количество тайныхъ моленныхъ во всякомъ случаѣ далеко превышало число уничтожаемыхъ открытыхъ. Такъ, въ Москвѣ, по словамъ Липранди, въ 1848 году было 145 безпоповщинскихъ моленныхъ [3]). Синицынымъ только въ романоборисоглѣбскомъ и заволжской части ярославскаго уѣзда замѣчено было 83 тайныхъ раскольническихъ моленныхъ [4]). Мельниковъ въ своемъ отчетѣ говоритъ о 126 дознанныхъ тайныхъ раскольническихъ моленныхъ въ нижегородской губерніи [5]). Негласныя раскольническія моленныя существовали „съ большаго или меньшаго вѣдома полицеймейстеровъ, городничихъ, исправниковъ и становыхъ приставовъ“, у которыхъ раскольники „откупали право свободнаго въ нихъ богослуженія“ [6]). Насколько для полиціи это было иногда выгодно, можно судить по слѣдующему примѣру. Пріѣзжавшіе въ Н.-Новгородъ на ярмарку московскіе поморцы и ѳедосѣевцы уплачивали за каждую воскресную и праздничную службу 100 руб. полицеймейстеру и 50 р. частному приставу [7]).

То же самое слѣдуетъ сказать о раскольническихъ монастыряхъ и скитахъ. Насельники отбираемыхъ и разрушаемыхъ правительствомъ монастырей и скитовъ разбредались по городамъ, селамъ, уходили въ глухую степь или лѣса и здѣсь снова свивали раззоренныя „раскольничьи гнѣзда“. Такъ, въ г. Николаевскѣ у одного богатаго раскольника образовался цѣлый женскій монастырь изъ

---

1) В—ій А. Исторія Покровской молельни. Правосл. Обозр. 1863 г. т. XI, стр. 148.

2) Рук. б. Каз. Д. Ак. № 1712, стр. 28-29.

3) У Кельсіева, вып. II, стр. 107.

4) Тамъ же, II, стр. 12.

5) Сборн. Нижегор. Арх. Ком. т. IX, стр. 166. 178—184.

6) Тамъ же, стр. 184, 201.

7) Тамъ же, стр. 104—105.

монахинь Иргизскихъ монастырей, которыя ходили по городу въ монашескомъ одѣяніи, прикрывая его другимъ платьемъ [1]). На уединенномъ хуторѣ въ царицынскомъ уѣздѣ два иргизскихъ монаха устроили скитъ въ „овечьей избѣ“, и этотъ скромный безвѣстный скитъ скоро дѣлается новымъ религіознымъ центромъ раскола. „Всѣ раскольники какъ ближайшихъ, такъ и отдаленныхъ мѣстностей неудержимо желали видѣть „солнце православія, зашедшее на Иргизѣ, но, по милости Божіей, возсіявшее на Бердеѣ“ (рѣчка, на которой расположенъ былъ хуторъ) [2]). Послѣ закрытія Керженскихъ скитовъ въ теченіе двухъ лѣтъ (1853—54 гг.) въ нижегородской губерніи вновь возникло 18 раскольничьихъ обителей—9 въ г. Семеновѣ и 9 по деревнямъ въ семеновскомъ, балахнинскомъ и макарьевскомъ уѣздахъ. Что приэтомъ особенно любопытно, нѣкоторыя вновь возникшія въ г. Семеновѣ раскольничьи обители устроены были изъ скитскихъ же построекъ, которыя семеновскіе раскольники скупили и перевезли на свои городскія усадьбы [3]). Брянчаниновъ и Арнольди отмѣчаютъ существованіе нѣсколькихъ тайныхъ раскольническихъ монастырей и скитовъ въ костромской губерніи, которыя также, очевидно, возникли взамѣнъ и насчетъ закрытыхъ. Такъ, въ г. Солигаличѣ существовалъ женскій монастырь въ домѣ мѣщанки Прасковьи Лазаревой. Сама Лазарева называлась „матерію-игуменіей“ Пелагіею, сосѣдки ея—однѣ были пострижены и носили иноческое одѣяніе, другія считались бѣлицами. Всѣ ежедневно собирались къ Лазаревой „на молитву и поученіе“. Въ д. Малой Татаркѣ макарьевскаго уѣзда былъ поповщинскій скитъ игуменіи „Естифеи“, въ которомъ проживало до 10 монахинь и бѣлицъ. Въ дремучихъ лѣсахъ варнавинскаго уѣзда обнаружено было болѣе 50-ти лицъ, „боль-

---

1) Варадиновъ. Истор. мин. вн. д. кн. VIII, стр. 568.

2) Дубакинъ Д. Обращеніе Иргизскихъ раск. монастырей въ единовѣріе, стр. 128—135.

3) Отчетъ Мельникова въ Сборн. Нижегор. Арх. Ком. т. IX, стр. 158—164.

шею частію, изъ старцевъ и старицъ уничтоженныхъ скитовъ", которые, имѣя громадное значеніе въ поддержаніи мѣстнаго раскола, продолжали сохранять „свои прежнія скитскія имена и носить особую одежду“ [1]).

Само собою разумѣется, что ни тайныя моленныя, ни тѣмъ болѣе тайные скиты не могли для раскольниковъ вполнѣ замѣнить упраздненныхъ правительствомъ, особенно тѣхъ изъ нихъ, съ которыми соединялись у раскольниковъ дорогія и священныя воспоминанія прошлаго. Но самый фактъ возникновенія ихъ показываетъ, что всѣ старанія правительства, направленныя къ уничтоженію этого рода раскольническихъ учрежденій и чрезъ то самое къ ослабленію и разрушенію церковно-религіозной организаціи раскола, остались безуспѣшными.

Ни однѣ изъ принятыхъ Николаевскимъ правительствомъ противъ раскола мѣръ не достигали такого непосредственнаго успѣха, какъ мѣры, направленныя противъ бѣглыхъ поповъ. Настоятельно проводимыя, онѣ, по истеченіи нѣсколькихъ лѣтъ своего дѣйствія, произвели почти полное и повсемѣстное оскудѣніе бѣгствующаго и окормляющаго добрую половину старообрядцевъ священства. Въ теченіе, напр., первыхъ пяти лѣтъ послѣ изданія воспретительнаго указа 1832 г. у старообрядцевъ взято было и отправлено къ епархіальнымъ преосвященнымъ болѣе 50-ти бѣглыхъ поповъ [2]). Такія даже мѣста, какъ Иргизъ, Стародубье, Рогожское кладбище, снабжавшія прежде бѣглыми попами всѣхъ своихъ единовѣрцевъ, теперь сами стали ощущать сильный въ нихъ недостатокъ. Напр., на Рогожскомъ кладбищѣ, гдѣ такъ недавно бѣглое іерейство процвѣтало „яко финиксъ“, въ 30-хъ годахъ оставались только два попа,—столь извѣстные въ исторіи кладбища Петръ Ермиловичъ Русановъ и Иванъ Матвѣевичъ Ястребовъ [3]). Въ саратовской губерніи на болѣе, чѣмъ 40000 по-

[1]) У Кельсіева, вып. II, стр. 25; вып. IV, стр. 315—316.

[2]) Мельниковъ П. Очерки поповщины. Полн. Собран. сочин. т. XIII, стр. 287.

[3]) Тамъ же, стр. 303.

повцевъ въ 40-хъ годахъ оставался одинъ попъ въ Вольскѣ [1]). Въ одно время на всѣхъ бѣглопоповцевъ, проживавшихъ въ Россіи, приходилось не болѣе 10-ти поповъ [2]).

Наступившее „оскудѣніе священства“ породило страшную духовную нужду у бѣглопоповцевъ. Чтобы исправить духовныя требы или найти попа, имъ приходилось ѣздить за сотни и тысячи верстъ,—и нерѣдко безуспѣшно. Напр., бѣглопоповцы томской губерніи ѣздили для исправленія требъ въ г. Екатеринбургъ [3]). Иркутскіе бѣглопоповцы отправляли довѣренныхъ для пріисканія попа въ Россію [4]). Время отъ времени наѣзжавшимъ въ раскольническія селенія бѣглымъ попамъ приходилось исправлять требы „за полгода или за годъ разомъ“ [5]). Одинъ пойманный бѣглый попъ въ саратовской губерніи показывалъ на слѣдствіи, что ему приходилось крестить по 6—20 младенцевъ въ разъ, вѣнчать разомъ по 28 паръ [6]). Естественно, что въ такихъ условіяхъ церковно-религіозное положеніе большинства бѣглопоповцевъ оказалось крайне печально. „Многіе лишены были душепитательныя пищи, младенцы ихъ многіе не получали святаго миропомазанія, старые и младые безъ исповѣди своихъ духовныхъ отцовъ и безъ причастія тѣла и крови Христовой помирали и погребались отъ своихъ, сущей братіи, безъ разрѣшенія молитвъ, за что совѣсть повсечастно угрызала ихъ“ [7]).

[1]) Варадиновъ Н. Истор. мин. вн. д. кн. VIII, стр. 462.

[2]) Поповъ Н. Сборн. для исторіи старообрядчества т. II, вып. V, стр. 232.

[3]) Бѣликовъ Д. Н. прот. Томскій расколъ, стр. 33.

[4]) Нѣсколько словъ о раскольникахъ Иркутской епархіи. Прав. Собес. 1865 г. III, стр. 310.

[5]) Варадиновъ Н. Истор. мин. вн. д. кн. VIII, стр. 464.

[6]) Соколовъ Н. Расколъ въ Саратовскомъ краѣ. Саратовъ 1888 г. стр. 408.

[7]) Чтен. въ Общ. Истор. и Древн. Росс. 1871 г. кн. IV. Смѣсь, стр. 150; сравн. Истина 1885 г. кн. 101. Въ мірѣ раскола, стр. 4—5.

Создавая для бѣглопоповцевъ такое положеніе, правительство разсчитывало суровой нуждой сломить у нихъ вѣковое упорство и заставить ихъ искать общенія съ прав. церковью [1]). Довольно оптимистически смотрѣли на дѣло и нѣкоторые видные церковные дѣятели того времени, какъ напр., саратовскій преосвященный Іаковъ [2]). Не такъ смотрѣли на свое положеніе сами бѣглопоповцы. Мысль о возможности вынужденнаго присоединенія къ церкви, за отсутствіемъ бѣглыхъ поповъ, правда, предносилась ихъ сознанію, однако этотъ выходъ изъ создавшагося положенія они не считали для себя за вѣроятный и тѣмъ болѣе за единственный. Учитывая собственное настроеніе, они предвидѣли, что оскудѣніе священства угрожаетъ имъ не столько сближеніемъ съ церковью, сколько еще бо́льшимъ удаленіемъ отъ нея, чрезъ превращеніе ихъ въ безпоповцевъ. Еще въ 1821 году, когда саратовскій губернаторъ, вслѣдствіе представленія пензенскаго преосвященнаго, потребовалъ отъ настоятелей Иргизскихъ монастырей подписки—на будущее время не принимать къ себѣ бѣглыхъ священниковъ, тѣ отвѣчали отказомъ, такъ какъ „дать требуемую подписку, по мнѣнію ихъ, значитъ, лишиться священства, безъ коего могутъ они удалиться въ расколъ ѳеодосіевскаго согласія и другія разныя богопротивныя и ими, старообрядцами, нетерпимыя секты“ [3]). Также точно, когда въ 1827 году Рогожскому кладбищу запрещено было принимать бѣглыхъ поповъ, у его послѣдователей немедленно возникло опасеніе, какъ бы имъ, за неимѣніемъ поповъ, не впасть въ безпоповщину, или не присоединиться къ православной церкви на условіяхъ единовѣрія [4]).

Дѣйствительность не оправдала добрыхъ ожиданій правительства и вполнѣ подтвердила печальныя опасенія бѣглопоповцевъ. Единовѣріе имѣло среди нихъ очень сла-

[1]) Собран. постан. по ч. раск. стр. 222—223.

[2]) Соколовъ Н. Расколъ въ Саратовскомъ краѣ, стр. 401.

[3]) Собран. постан. по ч. раск. по вѣд. Св. Синода II, стр. 161.

[4]) Мельниковъ П. Очерки поповщины. Полн. Собран. сочин. т. XIII, стр. 350.

бые успѣхи [1]), тогда какъ безпоповщинское настроеніе овладѣвало массами. Бывшее, напр., въ 1841 году въ г. Вольскѣ многолюдное собраніе бѣглопоповцевъ—Саратова, Земли Войска Донского и другихъ мѣстностей, послѣ бурныхъ преній, постановило терпѣливо ожидать лучшихъ дней, такъ какъ „сердце царево въ руцѣ Божіей“ и по нуждамъ времени обходиться безъ священниковъ. Подобныя же резолюціи приняты были на собраніяхъ бѣглопоповцевъ въ г. Хвалынскѣ и посадѣ Дубовкѣ [2]). Духовные руководители бѣглопоповцевъ въ лицѣ разнаго рода старцевъ и старицъ, начетчиковъ и даже бѣглыхъ поповъ не только не противодѣйствовали проникновенію въ ихъ среду безпоповщинскихъ тенденцій, а напротивъ, будучи, большею частію, фанатически настроены, своею проповѣдью поддерживали и укрѣпляли ихъ въ этомъ направленіи. Они внушали бѣглопоповцамъ, что „лучше каяться къ землѣ, чѣмъ идти къ православному попу, ибо этотъ еретикъ, а единовѣрческій отступникъ“, что „спасительнѣе креститься у бабушекъ, чѣмъ въ церкви“ [3]). Одинъ бѣглопоповщинскій уставщикъ говорилъ своей братіи: „скорѣе прощу блудно живущаго, нежели повѣнчаннаго въ церкви“, и братія на сходѣ постановила: „да будетъ трижды проклятъ тотъ, кто повѣнчается въ церкви великороссійской или единовѣрческой“ [4]). Мѣстами въ средѣ бѣглопоповцевъ раздавалась и такая проповѣдь: „послѣ разоренія Иргизскихъ монастырей истиннаго священства на землѣ не осталось; оно угасло на подобіе огня; въ мірѣ воцарился антихристъ и потому никакихъ священниковъ теперь принимать не должно: все—скверно, все—лукаво, всякій долженъ искать не попа, а „кійждо, спасаяй себя, да спасетъ свою душу“; духовныя требы можно, по избранію

[1]) Мельниковъ П. Очерки поповщины. Полн. Собран. сочин. т. XIII. стр. 309; у Варадинова кн. VIII, стр. 591.

[2]) Соколовъ Н. Расколъ въ Саратовскомъ краѣ, стр. 430.

[3]) Тамъ же, стр. 431.

[4]) Прав. Собес. 1865 г. III, стр. 312—313.

общества, отправлять и простолюдинамъ" [1]). По нуждѣ и въ связи съ подобнаго рода проповѣдью безпоповщинская церковно-богослужебная практика стала у бѣглопоповцевъ въ разсматриваемое время обычнымъ явленіемъ. Напр., Брянчаниновъ и Арнольди пишутъ въ своемъ отчетѣ: „бѣглыхъ священниковъ, рукоположенныхъ въ нашей церкви, нигдѣ въ Ярославской поповщинѣ уже не замѣчается, а обыкновенные наставники ѣздятъ на Рогожское кладбище для полученія благословенія отъ тамошняго старшаго священника Ивана Емельянова (?) [2]): это благословеніе считается и утвержденіемъ" [3]). Въ другихъ мѣстахъ „предпріимчивые и отважные" уставщики сами брались за исполненіе нѣкоторыхъ церковныхъ службъ и требъ, „увѣряя. что для нихъ поповъ не нужно" [4]). Въ частности, вечерни, заутрени и молебны даже въ центрѣ поповщины—на Рогожскомъ кладбищѣ предоставлено было отправлять дьячкамъ съ пѣвчими [5]). Крещеніе младенцевъ совершали у бѣглопоповцевъ выборные наставники, повивальныя бабки или сами родители [6]), причащались или запасными дарами [7]), нерѣдко сомнительнаго происхожденія [8]), или бого-

---

1) Истина 1885 г. кн. 101. — Въ мірѣ раскола, стр. 9.

2) Разумѣется, очевидно, Иванъ Матвѣевичъ Ястребовъ.

3) У Кельсіева, вып. IV, стр. 87.

4) У Варадинова, кн. VIII, стр. 463.

5) Мельниковъ П. Очерки поповщины. Полн. Собр. соч. т. XIII, стр. 355.

6) Истина 1885 г. кн. 101, стр. 13; Поповъ Н. Сборн. для истор. старообр. т. II, вып. V, стр. 124; Мельниковъ П. Очерки поповщины. Полн. Собран. соч. т. XIII, стр. 311.

7) У Варадинова кн. VIII, стр. 463. 527.

8) Напр., старообрядцы издалека пріѣзжали за причащеніемъ къ нѣкоему Ивану Михайлову—мѣщанину г. Николаевска, раздававшему запасные дары, будто сохранявшіяся у него послѣ раззоренія Иргизскихъ монастырей. На самомъ дѣлѣ Иванъ Михайловъ приготовлялъ свой «сакраментъ» такимъ образомъ. Ежегодно въ великій четвергъ на страстной недѣлѣ онъ пекъ большія просфоры, въ родѣ калачей, крошилъ ихъ на мелкіе

явленскою водою и замѣшанными на этой водѣ лепешками [1]), исповѣдывались по *Скитскому покаянію* [2]) или же прибѣгали къ заочной исповѣди „по почтѣ" или „съ оказіей". Въ послѣднемъ случаѣ исповѣдь происходила такъ: старцы выслушивали грѣхи кающихся и затѣмъ, записавъ ихъ на бумажкѣ, по почтѣ отправляли къ какому-либо бѣглому попу. Тотъ, прочитавъ по требнику послѣдованіе исповѣди и письменное покаяніе заочнаго духовнаго сына, разрѣшалъ его и. написавъ на присланномъ листкѣ: „Чадо, прощаетъ тя Христосъ невидимо и азъ грѣшный іерей NN", отсылалъ его обратно [3]). Такой порядокъ вещей признанъ былъ законнымъ даже Рогожскимъ кладбищемъ. которое на одномъ изъ своихъ совѣщаній постановило: „ради тѣсноты обстоянія и великаго оскудѣнія древлеблагочестиваго священства, заочно, на хартіи исповѣдывать въ дальнихъ мѣстахъ обрѣтающихся христіанъ. соблюдающихъ истинную вѣру и древнія святоотеческія преданія, по почтѣ или съ оказіей" [4]). По примѣру заочной исповѣди, многіе бѣглопоповцы поступали и при погребеніи умершихъ. Поручивъ отпѣть надъ покойникомъ „канонъ за единоумершаго", за неимѣніемъ попа, простому мірянину-наставнику, они посылали въ то же время деньги въ Москву—на Рогожское кладбище или на Иргизъ—съ тѣмъ, чтобы кто-нибудь изъ тамошнихъ поповъ отслужилъ „погребеніе" заочно. На Рогожскомъ кладбищѣ подобныя заочныя погребенія пѣлись ежегодно болѣе, чѣмъ надъ 20000 покойниковъ, по заказу изъ Петербурга, съ Волги, Стародубья.

сухарики, сушилъ и затѣмъ, при употребленіи, смачивалъ въ красномъ винѣ. (Истина 1885 г. кн. 101. Въ мірѣ раскола, стр. 9—10).

1) Поповъ Н. Сборн. д. исторіи старообр. т. II, вып. V, стр. 156—159.

2) Мельниковъ П. Очерки поповщины. Полн. Собран. сочин. т. XIII, стр. 310.

3) Поповъ Н. Сборн. для истор. старообр. т. II, вып. V, стр. 241—242; Мельниковъ П. Полн. собран. сочин. т. XIII, стр. 313.

4) Прав. Собес. 1857 г. I, стр. 72.

Дона и Сибири [1]). Болѣе всего затрудняло бѣглопоповцевъ совершеніе браковъ [2]). Сколько ни рылись они въ своихъ „номоканонахъ, потребникахъ, кормчихъ“ и другихъ „богодухновенныхъ“ книгахъ, нигдѣ не могли отыскать разрѣшенія міряниину вѣнчать браки. Однако „тѣснота обстоянія“ и здѣсь сдѣлала свое дѣло. „Чѣмъ предаваться блуду, разсуждали бѣглопоповцы, или идти за вѣнчаніемъ въ никоніанскіе храмы, лучше вступать въ союзъ брачный по благословенію „стариковъ“, которые крестятъ же нашихъ дѣтей, исповѣдуютъ и отправляютъ другіе службы, прежде совершавшіяся бѣглыми попами“ [3]). Такъ у бѣглопоповцевъ возникли „сводные“ браки, по уставу поморскаго согласія, сопровождавшіяся обычно самой незамысловатой церемоніей. Одни, напр., брачились такъ: женихъ и невѣста, при семи свидѣтеляхъ, мѣнялись кольцами, съ произнесеніемъ словъ: „азъ тя полагаю въ жену мою“—женихомъ и „азъ же тя полагаю въ мужа моего“—невѣстою. Затѣмъ они прикладывались къ кресту, цѣловались между собою и получали отъ свидѣтелей новобрачныя поздравленія. Другіе къ данной церемоніи присоединяли чтеніе канона, апостола и евангелія, а иногда еще большой началъ, Царю Небесный и Символъ вѣры. Находились и такіе крестные и родные отцы, которые сами сводили своихъ дѣтей. Поставивъ брачущихся предъ образами, отецъ жениха громко произносилъ: „се земля подъ вами, а небо надъ вами,—живите, Богъ съ вами!“ Послѣ этихъ словъ женихъ и невѣста считались обвѣнчанными и садились за столъ, какъ новобрачные [4]).

---

1) У Варадинова кн. VIII, стр. 541; Поповъ Н. Сборникъ для истор. старообр. т. II, вып. V, стр. 241—242; Мельниковъ П. Полн. собран. сочин. т. XIII, стр. 305; Прав. Собес. 1865 г. III, стр 313.

2) У Варадинова кн. VIII, стр. 569.

3) Нильскій И Ѳ. Семейная жизнь въ р. расколѣ т II, стр. 244.

4) Поповъ Н. Сборникъ для истор. старообр. т. II, вып. V, стр. 125.

Такъ, благодаря принятымъ противъ бѣглыхъ поповъ мѣрамъ, бѣглопоповщинское согласіе, говоря словами одного старообрядческаго писателя, „свихнулось съ своей прежней дороги, по которой оно шло двѣсти лѣтъ неизмѣнно“ [1]).

Большинство бѣглопоповцевъ, вынужденныхъ стать безпоповцами, считали свое положеніе временнымъ. Съ перемѣною обстоятельствъ, они, частію, возвратились къ старому бѣглопоповству, частію, приняли новоявленную бѣлокриницкую іерархію. Однако среди нихъ нашлось не мало и такихъ, которые, какъ сказано въ дневникѣ одного старообрядца, „презирая законъ Божій и вѣру своихъ отцовъ“, окончательно „пошли по слѣдамъ безпоповщины“ [2]) и, такимъ образомъ, съ церковно-государственной точки зрѣнія того времени изъ секты „менѣе вредной“ сдѣлались „вредной“. Количество такихъ бѣглопоповцевъ во всякомъ случаѣ слѣдуетъ считать тысячами. Такъ, по словамъ Мельникова, въ однихъ нагорныхъ уѣздахъ нижегородской губерніи въ 30—40-хъ годахъ болѣе 20000 поповцевъ сдѣлались „самосправщиками“, которые переходили потомъ въ различныя безпоповщинскія согласія [3]). Въ николаевскомъ уѣздѣ самарской губерніи до 1841 года поповцевъ насчитывалось до 25000; въ 60-хъ годахъ ихъ оставалось уже не болѣе одной трети этого числа, а остальные „разсыпались на мелкія, уродливыя секты безпоповщины“ [4]).

Если, съ одной стороны, созданное правительственными распоряженіями оскудѣніе бѣгствующаго священства принудило значительную часть поповцевъ перейти въ безпоповщину, то, съ другой, подъ его же непосредственнымъ вліяніемъ ожила оставленная было въ поповщинскомъ расколѣ мысль о своемъ архіереѣ. На этотъ разъ давняя

---

1) Поповъ Н. Сборникъ для истор. старообр. т. II, вып. V, стр. 126.

2) Тамъ же, стр. 123.

3) Полн. Собран. сочин. т. XIII, стр. 311.

4) Поповъ Н. Сборн. для истор. старообр. т. II, вып. V, стр. 152.

мечта поповцевъ осуществилась, и у нихъ образовалась своя самостоятельная, такъ называемая бѣлокриницкая іерархія. Такимъ образомъ, учрежденіе бѣлокриницкой іерархіи, если и нельзя ставить въ непосредственную связь съ распоряженіями Николаевскаго царствованія о бѣглыхъ попахъ, всеже её слѣдуетъ считать однимъ изъ послѣдствій этихъ распоряженій. Какъ уже было въ своемъ мѣстѣ замѣчено, запоздалыя мѣры противъ проникновенія бѣлокриницкой іерархіи въ Россію не имѣли успѣха. По выраженію Надеждина, „заграничные притоны раскольниковъ являлись такими чумными гнѣздами, отъ которыхъ невозможно было оградиться никакими карантинами“ [1]). Русскіе раскольники поддерживали съ своими заграничными собратіями самыя живыя сношенія, переходя иногда пограничную канаву ночью „по жердочкѣ или по поясъ въ водѣ“ [2]). Благодаря поддержкѣ постоянныхъ сношеній съ заграницей, австрійская раскольническая іерархія скоро проникла въ Россію и, отвѣчая назрѣвшей въ ней нуждѣ,

[1]) У Кельсіева вып. I, стр. 80.

[2]) Прав. Собес. 1883 г. III, стр. 16. На допросѣ въ III Отдѣленіи однимъ московскимъ раскольникомъ дано было, между прочимъ, слѣдующее показаніе о пути, которымъ онъ ѣздилъ въ Бѣлую Криницу и возвращался обратно. Выправивши паспортъ на поѣздку въ Кіевъ «для торговыхъ дѣлъ и поклоненія св. мощамъ», раскольникъ, по прибытіи сюда, остановился у своего одновѣрца и немедленно предъявилъ паспортъ въ полицію для прописки. По принятому порядку, паспортъ оставался въ полиціи до обратнаго выѣзда. Тѣмъ временемъ раскольникъ на перекладныхъ съ ямщикомъ изъ своихъ одновѣрцевъ скрытно уѣзжалъ изъ Кіева въ ближайшій къ австрійской границѣ Хотинскій уѣздъ; чрезъ двое сутокъ онъ прибылъ къ границѣ и тотчасъ же былъ препровожденъ за нее. Пробывши въ Б. Криницѣ трое сутокъ, онъ на 8-й день тѣмъ же порядкомъ возвратился въ Кіевъ и, явившись въ полицію, получилъ свой паспортъ для обратнаго слѣдованія въ Москву. На допросѣ выяснилось, что этотъ путь былъ обычнымъ въ сношеніяхъ нашихъ раскольниковъ съ заграничными. По откровенному заявленію допрошеннаго, «всѣ раскольники такъ дѣлаютъ, нѣкоторые берутъ паспорты и въ другіе ближайшіе къ границѣ города, а поступаютъ такъ, какъ онъ въ Кіевѣ». (У Кельсіева II, стр. 143).

быстро здѣсь распространилась. Годъ отъ году у русскихъ старообрядцевъ образовывались новыя епархіи съ отдѣльными для каждой архіереями, которые, въ свою очередь, размножали число поповъ. Первый архіерей для русскихъ старообрядцевъ поставленъ былъ 4 января 1849 г.: это—Софроній, получившій званіе номинально епископа Симбирскаго, а въ сущности всѣхъ „древлеправославныхъ“ русскихъ христіанъ, такъ какъ онъ имѣлъ право посвящать священниковъ для всѣхъ русскихъ старообрядцевъ. Въ 1852 г. Софроній рукоположилъ нѣкоего Виталія во епископа Уральскаго. Въ слѣдующемъ году въ Б. Криницѣ рукоположены были для Россіи еще два епископа—Антоній, съ наименованіемъ его епископомъ Владимірскимъ и Спиридоній—во епископа Новозыбковскаго. Далѣе открывались слѣдующія старообрядческія епархіи: въ 1855-мъ году—Саратовская (Аѳанасій), въ 1856—Пермская (Геннадій) и Казанская (Пафнутій), въ 1857—Кавказская (Іовъ), въ 1858—Коломенская (Пафнутій), въ 1859—Балтовская (Варлаамъ) [1]). Такимъ образомъ, въ теченіе первыхъ же 10-ти лѣтъ своего существованія австрійское священство успѣло распространиться на пространствѣ едва не всей европейской Россіи—отъ Москвы до Перми, Ирбита и Кавказа. И если здѣсь имѣлось 10 епископовъ бѣлокриницкой іерархіи, то нечего уже и говорить объ избыткѣ поставленныхъ ими поповъ. Для примѣра можно указать на Антонія Владимірскаго. По словамъ старообрядческаго писателя Арсенія Швецова, „не смотря на строжайшее преслѣдованіе, онъ съ такимъ усердіемъ и ревностію принялся устраивать церковь Христову, что въ первые два года рукоположилъ 57 священниковъ“ [2]).

Не имѣли, наконецъ, желаемаго успѣха и мѣры правительства противъ развитія и распространенія раскола. Предпринятыя мѣры не ослабили естественнаго прироста

[1]) Монастыревъ М. Историч. очеркъ австрійскаго священства послѣ Амвросія, стр. 29—38.

[2]) Причины возникновенія раздора неокружниковъ. Гектогр. изданіе 1901 г. л. 4 об.—5.

раскола и не могли остановить его пропаганды. Такъ, распоряженія о дѣтяхъ, призрѣваемыхъ въ раскольническихъ благотворительныхъ заведеніяхъ, получили практическое примѣненіе, кажется, только въ отношеніи немногихъ питомцевъ Рогожскаго кладбища. Отсюда въ 1834 г. взяты были 54 мальчика въ воспитательный домъ и 14 въ военные кантонисты [1]. Попечители Рижскаго богадѣленнаго дома заявили мѣстной администраціи, что питомцы ихъ только называются сиротами, но что на самомъ дѣлѣ всѣ они имѣютъ, если не родителей, то родственниковъ. А такъ какъ генералъ-губернатору предписывалось „не входить въ разборъ степеней родства между раскольниками“ и „въ разсмотрѣніе о бракахъ родителей сихъ сиротъ“, то въ результатѣ послѣднія всѣ разобраны были своими родителями и даже тѣ изъ нихъ, которыя на самомъ дѣлѣ были „круглыми сиротами“, попали не въ военные кантонисты, а въ богатые раскольничьи дома [2]. Указъ объ отобраніи питомцевъ Преображенскаго кладбища „стараніемъ“ чиновника канцеляріи московскаго генералъ-губернатора „замедлилъ нѣсколько быть исполненнымъ“. Тѣмъ временемъ попечители кладбища, увѣдомленные Тургеневымъ, успѣли отправить въ разныя мѣста (Коломну, с. Ивановское, Судиславль, Юхотскую волость) до 200 воспитанниковъ, такъ что, когда явился на кладбище чиновникъ для исполненія указа, то нашелъ здѣсь только 20 питомцевъ, „вѣроятно, имѣвшихъ бѣдныхъ родителей“. Чиновника встрѣтила толпа фабричныхъ, „безвыходно проживавшихъ на дворѣ кладбища“. Взятіе каждаго ребенка вызывало у матери его „вопль и сопротивленіе“. Одна изъ дѣвокъ кричала чиновнику: „вотъ немилосердный царь грабитъ дѣтей у матерей, а ты его приставникъ!“ Взятыя дѣти отправлены были въ воспитательный домъ, но когда „слухъ о происшедшемъ волненіи фабричныхъ людей“

[1] Мельниковъ П. Очерки поповщины. Полн. Собран. сочин. т. XIII, стр. 366.

[2] Нильскій И. Ѳ. Семейная жизнь въ р. расколѣ, т. II, стр. 132—133.

дошелъ до „высшаго правительства“, они вскорѣ опять возвращены были матерямъ [1]. Спасая своихъ „подкидышей“ отъ правительственной опеки, раскольники Преображенскаго кладбища не останавливались даже предъ прямымъ изувѣрствомъ. По наставленію настоятеля кладбища Семена Кузьмина, „приставницы“—няньки стали поить дѣтей холодной водой, отчего дѣти умирали „въ припадкахъ жестокихъ коликъ съ ужасными мученіями“. Невѣжественные изувѣры были убѣждены, что они сопричисляютъ умирающихъ дѣтей къ мученикамъ, спасаемымъ ими отъ „сатанинскаго помѣщенія“ (воспитательнаго дома) [2]. Крестить дѣтей по обрядамъ прав. церкви можно было заставить раскольниковъ только при условіи энергичнаго „понужденія“ и „содѣйствія“ со стороны полиціи. Притомъ, какъ и слѣдовало ожидать, полицейское вмѣшательство въ дѣла религіозной совѣсти вызывало родителей на фанатическія выступленія. Одна, напр., раскольница, призванная на квартиру станового пристава, гдѣ, въ присутствіи приходскаго причта и понятыхъ, ее убѣждали „оставить заблужденіе“ и отдать своего ребенка окрестить прав. священнику, при всѣхъ кричала, что не дастъ своего ребенка крестить въ церкви, а „лучше разорветъ его пополамъ или оторветъ ему голову“. Когда всетаки ребенка взяли и окрестили, тогда мать тутъ же при всѣхъ, сорвавъ съ его шеи только что возложенный на него крестъ, бросила его на полъ и, схвативъ ребенка, съ крикомъ убѣжала домой [3]. Если, уступая необходимости, раскольники крестили своихъ дѣтей въ церкви, то потомъ у себя дома или снова перекрещевали ихъ, съ перемѣною данныхъ имъ при церковномъ крещеніи именъ, или же читали надъ ними „чинъ отъ ереси приходящихъ“, тщательно смывая

[1] Кельсіевъ В. Сборн. вып. I, стр. 69—70.

[2] Дневныя дозорныя записи о московскихъ раскольникахъ. Чтен. въ Общ. Истор. и Древн. Росс. 1885 г. Кн. 2, стр. 10.

[3] Никаноръ арх. Что же должно дѣлать съ расколомъ? стр. 193.

святое миро[1]). Бывали и такіе случаи, когда раскольники за извѣстную плату покупали у священниковъ „фальшивыя" свидѣтельства о крещеніи своихъ дѣтей[2]). Если въ Николаевское царствованіе расколъ вымиралъ, то только по спискамъ. Боясь отвѣтственности предъ начальствомъ, духовенство и полиція исключали изъ списковъ умирающихъ раскольниковъ, но не вносили въ нихъ рождающихся и вновь совратившихся[3]).

Пропаганда раскола за царствованіе импер. Николая I не только не прекратилась, а, напротивъ, получила особую обаятельность и силу. Подъ дѣйствіемъ принятыхъ мѣръ, поставившихъ расколъ въ положеніе вѣры гонимой, въ народномъ сознаніи все болѣе и болѣе крѣпло убѣжденіе, что „не та вѣра правая, которая мучитъ, а та, которую мучатъ". „Христосъ кротостью народъ привлекалъ, а великороссійскіе попы доносами хотятъ обратить: тотъ мать на раскольничьемъ кладбищѣ похоронилъ, тотъ сына не при церкви окрестилъ, этотъ вѣнчался не у приходскаго попа. Вотъ и вся ихъ проповѣдь! И по этой проповѣди евангельской судъ наѣдетъ: допросы да очныя ставки начнутся... Что же это за церковь, что только боится, чтобы не ушли отъ нея чада ея... Доброй жизнію священниковъ и христіанской проповѣдью защитить церковь не могутъ, такъ и напускаютъ то и дѣло гражданское правительство. А вѣдь плохая та церковь, которая хочетъ свою крѣпость плѣтьми, да ссылкой утвердить. Христосъ не такъ училъ"[4]). Народному сознанію легко прививалось убѣжденіе, что „вѣра по церкви"—„вѣра мірская, казенная", а расколъ—„вѣра святая, настоящая христіанская". „При входѣ въ крестьянскія избы", разсказываетъ Синицынъ: „я часто былъ встрѣчаемъ словами: мы не христіане. На вопросъ: что же вы—нехристи? отвѣчали: какъ же, мы во Христа вѣруемъ; но мы по церкви, люди мірскіе, суетные. Такъ отчего же вы не христіане, если вѣруете во Христа?—Христіане тѣ, что по старой вѣрѣ; они молятся не по нашему, а намъ некогда"[1]). Отсюда вполнѣ естественно, что усиленныя старанія правительства подавить расколъ вызывали въ раскольникахъ не менѣе усиленныя стремленія къ его охраненію и поддержанію. На съѣздахъ и собраніяхъ раскольниковъ, имѣвшихъ въ глазахъ народа „видъ соборовъ", присутствующіе заклинались „твердо стоять въ вѣрѣ отцовъ"[2]). Богатые и вліятельные раскольники ставили „вездѣ, гдѣ нужно, стражей для охраненія и распространенія раскола" въ лицѣ разнаго рода иноковъ и наставниковъ[3]). Одинъ бѣглый попъ въ г. Кузнецкѣ, по донесенію пензенскаго преосвященнаго Иринея, образовалъ около себя нѣчто въ родѣ миссіонерскаго общества изъ разныхъ праздношатающихся дѣвокъ и бабъ. Проповѣдницы ходили по всему городу, входили въ дома православныхъ и похуляли православную вѣру[4]). Московское Преображенское кладбище ежегодно посылало особыхъ проповѣдниковъ не только во внутреннія губерніи, но и на окраины, напр., на Кавказъ[5]). Когда въ пермской губерніи открыта была противораскольническая миссія, Иргизскіе монастыри рѣшили противодѣйствовать ей, отправивъ туда своихъ миссіонеровъ „для удержанія раскольниковъ отъ православія во что бы то ни стало"[6]). Послѣ закрытія этихъ монастырей, изгнанная изъ нихъ

Footnotes, p. 232:

1) Никаноръ арх. Что же должно дѣлать съ расколомъ? стр. 5. 8. 194—195; Варадиновъ Н. Истор. минист. внутр. дѣлъ кн. VIII, стр. 526; Кельсіевъ В. Сборн. вып. IV, стр. 336.

2) Кельсіевъ В. Сборн. вып. II, стр. 103; вып. IV, стр. 26; Чтен. въ Общ. Истор. и Древн. Росс. 1885 г. кн. III, стр. 69.

3) Кельсіевъ В. Сборн. II, 20—21.

4) Тамъ же, вып. I, 194.

Footnotes, p. 233:

1) Кельсіевъ В., вып. II, 13; вып. IV, 45—46. 143.

2) Варадиновъ Н. Истор. мин. вн. д. кн. VIII, стр. 572.

3) Кельсіевъ В. Сборн. вып. IV, 146.

4) Фармаковскій Вл. О противогосударственномъ элементѣ въ расколѣ. Отеч. Зап. 1866 г. т. 169, стр. 649.

5) Чтен. въ Общ. Истор. и Древн. Росс. 1886 г. кн. I, стр. 144.

6) Варадиновъ Н. Истор. мин. вн. д., кн. VIII, стр. 285.

„Христова инвалидная команда“ уже прямо „пошла на пропаганду“. Иргизскіе иноки и инокини дѣйствовали на Волгѣ, Дону, Уралѣ, Кавказѣ и въ Сибири [1]). И нельзя сказать, чтобы труды и усилія раскольниковъ пропадали даромъ. Множество раскольничьихъ дѣлъ, производившихся за это время въ министерствѣ, говорятъ, по замѣчанію Варадинова, о „сильномъ оживленіи раскола“ [2]). Придавая себѣ „видъ угнетенныхъ и страдальцевъ за вѣру“, раскольничьи проповѣдники производили неотразимое вліяніе на простой народъ [3]). Совращенія въ расколъ происходили „вездѣ и случались нерѣдко“ [4]). Въ Петербургѣ, напр., въ теченіе 7-ми лѣтъ ушли въ безпоповщину большая часть ямщиковъ Тоснимскаго яма. Приэтомъ дерзость раскольниковъ приняла здѣсь настолько открыто-враждебный характеръ, что они въ числѣ 40 человѣкъ сдѣлали даже нападеніе на домъ приходскаго священника, старавшагося противодѣйствовать ихъ пропагаторской дѣятельности [5]). О сильномъ ростѣ безпоповщины въ г. Москвѣ можно судить по необыкновенно быстро увеличивающемуся здѣсь числу безпоповщинскихъ моленъ. Въ 1812 году въ Москвѣ было 46 безпоповщинскихъ моленныхъ, въ 1848 году ихъ было уже 145 [6]). На Преображенскомъ кладбищѣ перекрещеванія въ расколъ производились постоянно [7]). Особенно успѣшно московскіе ѳеодосѣевцы дѣйствовали во время холерной эпидеміи. Тогда на Преображенскомъ кладбищѣ не хватало для купелей даже „ка-

---

1) Дубакинъ Д. Обращеніе Иргизск. раск. монастырей въ единовѣріе, стр. 113; Прав. Собес. 188; г. III, 15; у Варадинова, кн. VIII, стр. 552.

2) Ист. мин. вн д. кн. VIII, стр. 314.

3) Тамъ же, стр. 572.

4) Тамъ же, стр. 582.

5) Тамъ же, стр. 398.

6) Кельсіевъ В. Сборн. II, 107.

7) Чтен. въ Общ. Истор. и Древн. Росс. 1885 г. кн. III стр. 41—42; 1886 г. кн. I, стр. 151.

пустныхъ и рыбныхъ чановъ“. Крестильня и портомойная на Хапиловскомъ пруду заняты были безпрерывно и тѣмъ не менѣе, чтобы успѣть перекрестить всѣхъ желающихъ, кладбище должно было снимать еще „посуточно“ бани. „Чтобы о перекрещеніяхъ неизвѣстно было полиціи“, замѣчаетъ лѣтописецъ кладбища: „того нельзя и полагать, а почему она не доносила кому слѣдуетъ, то остается неизвѣстнымъ“ [1]). Если такъ смѣло, успѣшно и безнаказанно пропаганда раскола производилась въ столицахъ, то тѣмъ болѣе, стало быть, это мы должны допустить относительно провинціи и особенно окраинъ. Въ саратовской губерніи, напр., совращенія изъ православія въ расколъ совершались „безпрерывно“, съ каждымъ годомъ все усиливаясь [2]). Въ архивѣ саратовской консисторіи за это время, по словамъ историка саратовскаго раскола Н. Соколова, на каждомъ шагу встрѣчаются дѣла объ „отпаденіяхъ“ и „совращеніяхъ“ [3]). Бывали и массовыя уклоненія въ расколъ. Такъ, въ д. Поповкѣ хвалынскаго у. православные, въ количествѣ 120 человѣкъ, по отзыву причта, „самыхъ усердныхъ къ храму Божію“, во главѣ съ церковнымъ старостой, попечителями и пѣвчими, просили священника внести ихъ въ списки раскольниковъ и поскорѣе отправить на увѣщаніе къ архіерею или въ консисторію [4]). Собранныя въ началѣ 50-хъ годовъ свѣдѣнія обнаружили, что „расколъ охватилъ вновь цѣлыя деревни въ такихъ мѣстахъ, гдѣ его до тѣхъ поръ не было“ [5]).

Успѣхъ раскольнической пропаганды среди православныхъ создавался, впрочемъ, не одною только обстановкою гонительнаго для раскола времени и ревностью самихъ старообрядцевъ. По наблюденію оффиціальныхъ изслѣдователей тогдашняго состоянія раскола, одною изъ основ-

---

1) Кельсіевъ В. Сборн. I, 68—69.

2) Варадиновъ Н. Истор. мин. вн. д. кн. VIII, стр. 571—572.

3) Расколъ въ Саратовскомъ краѣ, стр. 452.

4) Тамъ же.

5) Варадиновъ Н. Истор. мин. вн. д. кн. VIII, стр. 628.

ныхъ причинъ его устойчивости и распространенія служила также въ сильной степени развитая среди его послѣдователей щедрая матеріальная поддержка и взаимопомощь. „Купцы раскольники“, пишетъ, напр., Алябьевъ: „дѣлаютъ гораздо болѣе вреда своими подаяніями и пожертвованіями, чѣмъ раскольническіе наставники своими проповѣданіями о святости ихъ вѣрованія“ [1]). „Деньги, кредитъ, вѣрная надежда на пособія и поддержку“, пишетъ Синицынъ: „влекутъ въ расколъ тысячами и удерживаютъ въ немъ тѣхъ, которые и хотѣли бы оставить его“ [2]). Самымъ тяжелымъ явленіемъ народной жизни того времени было, какъ извѣстно, крѣпостное право. Между тѣмъ расколъ щедро приходилъ здѣсь на помощь своимъ адептамъ. Помощью богатыхъ „христолюбцевъ“ выкупались на волю не только отдѣльныя лица, но и цѣлыя деревни. „Тайною помощью“ богатыхъ раскольниковъ выкупались, напр., на волю многія изъ числа „келейницъ“ [3]). Фабриканты и торговые купеческіе дома выкупали на волю своихъ работниковъ и приказчиковъ, „не смотря на значительныя цѣны“ [4]). Когда одинъ костромской помѣщикъ сталъ было „крѣпко понуждать“ своихъ крестьянъ, тайныхъ раскольниковъ, къ исполненію христіанскаго долга, то многіе бѣжали, потомъ возвращались съ большими деньгами и выкупались на волю [5]). При продажѣ съ аукціона имѣнія другого костромскаго помѣщика, крестьяне его получили отъ кинешемскаго купца Миндовскаго (раскольника), частію, „въ подарокъ“ (10.000 р.), частію, взаймы, нужную сумму для выкупа въ свободные хлѣбопашцы [6]). Также цѣлыми семьями и деревнями выкупали на волю московскіе купцы-раскольники—Гучковъ, Лукичевъ, Алипіевъ, романовскій

[1]) Кельсіевъ В. Сборн. II, 65.

[2]) Тамъ же, вып. IV, 174.

[3]) Тамъ же, II, 13; IV, 47. 150—151.

[4]) Тамъ же, II, 114.

[5]) Тамъ же, IV, 147.

[6]) Тамъ же, II, 20.

купецъ Сущевъ и мн. др. [1]). Выкупленные на волю, разумѣется, уже изъ одного чувства признательности къ своимъ благодѣтелямъ заявляли себя потомъ горячею преданностью интересамъ раскола. Келейницы, напр., дѣлались „самыми отчаянными пропагандистками“ раскола [2]). Крѣпостныя православныя деревни, откупаясь при помощи раскольническихъ денегъ на волю, быстро переходили въ расколъ [3]).

Карательныя мѣры противъ совратителей не останавливали и не устрашали ихъ. Потерпѣвшіе въ собственныхъ глазахъ и мнѣніи о нихъ другихъ раскольниковъ становились „мучениками за вѣру“. Отбывшіе тюремное заключеніе по религіознымъ преступленіямъ раскольники чтились въ своей средѣ, какъ „равноапостольные страдальцы“. Одинъ, напр., наставникъ, подвергнутый суду и заключенный въ тюрьму третій разъ, считалъ это милостью Божіей, что въ третій разъ „удостоился быть въ темницѣ, какъ Христосъ и апостолы“ [4]). Ссылавшіеся на поселеніе раскольники пользовались особымъ покровительствомъ своихъ собратій. Имъ помогали въ тюрьмѣ, заботились о нихъ по пути слѣдованія, устраивали на мѣстѣ прибытія, а при случаѣ помогали бѣжать и снова легализоваться. Такъ, по порученію настоятеля Преображенскаго кладбища Семена Кузьмина, одна его духовная дочь посѣщала раскольниковъ, содержавшихся въ московскихъ тюремномъ и пересыльномъ замкахъ и передавала имъ письма, запеченныя въ хлѣбахъ, калачахъ и проч. Тюремной администраціей эта сердобольная ѳеодосѣевка была „избавлена отъ предосторожности“, и ея хлѣбы и калачи для арестантовъ „никогда не разрѣзывались“ [5]). Тюменскій

[1]) Кельсіевъ В. Сборн. IV, 151; Чтен. въ Общ. Истор. и Древн. Росс. 1886 г. кн. I, стр. 136.

[2]) Кельсіевъ В. Сборн. II, 13; IV, 151.

[3]) Тамъ же, II, 68; IV, 151.

[4]) Тамъ же, IV, 181.

[5]) Чтен. въ Общ. Истор. и Древн. Росс. 1885 г. кн. II, стр. 13—14.

купецъ Барашковъ — ѳеодосѣевецъ извѣщался изъ Россіи о своихъ единовѣрцахъ, препровождаемыхъ въ этапахъ преступниковъ въ Сибирь и, по прибытіи ихъ въ Тюмень, „старался объ освобожденіи и водвореніи ихъ въ своей общинѣ“. Барашковъ дѣйствовалъ въ этомъ смыслѣ настолько успѣшно, что стали даже говорить, что онъ „успѣлъ обратить и нѣкоторыхъ чиновниковъ въ Тюмени въ ѳеодосѣевское согласіе“ [1]). Для укрывательства бѣжавшихъ изъ ссылки раскольниковъ „вездѣ, по пути слѣдованія ссыльныхъ въ Сибирь, образованы были особыя пристани“ [2]). Одинъ бѣжавшій изъ ссылки раскольникъ показывалъ близкимъ людямъ „желѣзный значекъ, который онъ получилъ въ Сибири для перехода изъ одного уѣзда въ другой“ [3]). Обычнымъ средствомъ легализаціи бѣжавшихъ изъ ссылки раскольниковъ служило широко практиковавшееся въ расколѣ присвоеніе имъ именъ и званій умершихъ членовъ раскольническихъ общинъ [4]).

Ссылка на поселеніе расколоучителей, служа въ глазахъ раскольниковъ назидательнымъ примѣромъ „злостраданія за вѣру“, съ другой стороны, вовсе не отнимала у сосланныхъ средствъ къ тайнымъ и тѣмъ болѣе опаснымъ сношеніямъ со своей родиной во вредъ православію. Чрезъ вторыя и третьи руки сосланные имѣли полную возможность переписываться съ своими единомышленниками, обращаясь иногда къ нимъ съ своего рода окружными посланіями. Вотъ, напр., одно изъ такихъ посланій, полученное раскольниками нижегородской губерніи изъ Закавказья. „Господи Іисусе Христе Сыне Божій помилуй насъ, аминь“. Перечисливъ затѣмъ поименно рядъ лицъ и пожелавъ

1) Кельсіевъ В. Сборн. I, 61—62; Чтен. въ Общ. Истор. и Древн. Росс. 1885 г. кн. I, стр. 17; кн. III, стр. 53; 1886 г. кн. I, стр. 142.

2) Кельсіевъ В. Сборн. IV, 341.

3) Чтен. въ Общ. Истор. и Древн. Росс. 1885 г. кн. II, стр. 17.

4) Тамъ же; Кельсіевъ В. II, 33. 113.

всѣмъ имъ „добраго здравія и всякаго благополучія, кольми паче душевнаго спасенія“, авторъ письма-посланія продолжалъ: „Итакъ, кланяюсь всѣмъ христіанамъ отъ лица до земли и припадаю къ стопамъ вашимъ, не презрите странной и убогой моей просьбы, по словеси Господню: егда бѣ страненъ, въ домъ введосте, нагъ — одѣясте, больнаго посѣтисте, алченъ — накормисте, жажденъ — напоисте мя отъ меньшихъ братій моихъ, такъ и азъ желаю насытиться отъ крупицъ съ вашего стола падающихъ, и не оставьте моей сиротской странной въ скорбѣхъ нужной просьбы, подайте святую милостыню за имя Спаса Іисуса Христа Бога нашего, за которую я долженъ приносить сердечный фиміамъ—со слезами теплыя молитвы къ всевышнему Богу за ваше смиренство. Азъ многогрѣшный молю за вы со слезами, любимичи мои, какъ взяты мы въ разсѣлины земли лютыми звѣрями на уядeніе нашей плоти, такъ потщитесь Христа ради поскорѣе отвѣтить на наши слезы по принятіи письма по первой почтѣ. Егда песъ алчетъ, то ухлѣбь его, не оскудѣваетъ текущій источникъ и не истощаетъ. Азъ многогрѣшный (имя и отчество). Пишите адресъ за Кавказъ въ г. Шемаху (такому-то), а внутри письма означьте на мое имя... Любезной о Христѣ братіи, увѣдомьте насъ, какъ у васъ насчетъ христіанства, гоненіе или нѣтъ“ [1]).

Иногда изобличенные по суду распространители раскола заключались въ отдаленные монастыри „подъ самый строгій караулъ“ [2]). Но монастырское заключеніе тѣмъ менѣе, разумѣется, могло изолировать ихъ. Такъ, содержавшійся въ Соловецкомъ монастырѣ извѣстный настоятель Преображенскаго кладбища Семенъ Гнусинъ сносился съ Москвою чрезъ одного кемскаго купца, поставлявшаго на монастырь пшеничную муку и бывшаго съ архимандритомъ монастыря Макаріемъ въ дружественныхъ отноше-

1) Духовный Вѣстникъ 1866 г. т. XV, стр. 212—213.

2) Собран. постан. по ч. раск. по вѣд. Св. Син. II, стр. 258 и 502—503, пост. $\frac{\text{15 сент.}}{\text{11 окт.}}$ 1833 г. и 27 дек. 1851 г.

ніяхъ. Деньги Гнусинъ получалъ завернутыми въ нитяныхъ клубкахъ. „Страждущаго праведника", навѣстилъ, между прочимъ, ученикъ его Семенъ Кузьминъ, провелъ съ нимъ нѣсколько дней, получилъ отъ него посланіе на кладбище и, объѣзжая послѣ разныя ѳеодосѣевскія общины, проповѣдывалъ: „антихристъ правитъ царствомъ, седьмой фіалъ льется на Россію; но не смущайтесь, братія, ратоборствуйте противъ искушеній его; примѣромъ вамъ можетъ служить мученикъ за вѣру Гнусинъ, заточенный и стрегомый въ Соловецкомъ монастырѣ" [1]).

Указывая результаты практическаго примѣненія карательныхъ мѣръ противъ раскольнической пропаганды, мы однако должны оговориться, что на дѣлѣ были „весьма рѣдки примѣры, чтобы раскольникъ, пойманный въ явномъ совращеніи въ расколъ православныхъ, получилъ достойное наказаніе" [2]). „Деньги и извороты раскольниковъ укрывали совратителей", и лица, производившія слѣдствіе и судъ, оказывались „слабосильны въ борьбѣ съ ихъ соблазнами" [3]). Каждый пропагандистъ дѣйствовалъ тѣмъ смѣлѣе, что заранѣе почти былъ увѣренъ въ своей безнаказанности, такъ какъ хорошо зналъ, что „при слѣдствіи онъ всегда откупится отъ земской полиціи, которая или скроетъ вовсе, или сдѣлаетъ маловажнымъ его преступленіе" [4]). Дѣла о совращеніяхъ ограничивались въ большинствѣ случаевъ одной отсылкой подсудимыхъ на увѣщаніе къ духовному начальству, хотя опытомъ и дознана была полнѣйшая безплодность этой мѣры. „Духовныя увѣщанія, дѣлаемыя по положеніямъ комитета министровъ, сената, губернскихъ секретныхъ комитетовъ и судебныхъ мѣстъ", пишетъ, напр., Синицынъ: „почти всегда остаются безъ послѣдствій" [5]). „Мѣры, предписанныя за-

[1]) Кельсіевъ В. Сборн. I, 62—63.
[2]) Тамъ же, IV, 318.
[3]) Тамъ же, IV, 151. 180.
[4]) Тамъ же, IV, 318.
[5]) Тамъ же, IV, 151, 180.

кономъ отсылать раскольниковъ на увѣщаніе въ духовную консисторію", говоритъ гр. Стенбокъ: „не приносятъ никакой пользы" [1]). „Ни одинъ раскольникъ не обратился еще въ православіе вслѣдствіе таковыхъ увѣщаній", заявляютъ Брянчаниновъ и Арнольди [2]). Столь же категорическіе отзывы о безполезности оффиціальныхъ увѣщаній, какъ мѣры вразумленія раскольниковъ, даются и представителями духовенства. Такъ, ярославскій архіепископъ Евгеній доносилъ Св. Синоду о „замѣченной безуспѣшности увѣщаній" [3]). Арх. Никаноръ, какъ бывшій членъ саратовской духовной консисторіи, удостовѣряетъ, что „въ сотняхъ просмотрѣнныхъ имъ дѣлъ по расколу и въ тысячахъ случаевъ онъ не видѣлъ полезности подобныхъ увѣщаній для православія". Конечные результаты увѣщаній въ разныхъ ихъ стадіяхъ бывали, по его словамъ, одни и тѣ же: „не смотря на всѣ самыя тщательныя увѣщанія", раскольники „остались непреклонными въ своемъ заблужденіи, отзываясь, что и впредь будутъ пребывать въ той же сектѣ". Въ виду полной безполезности духовныхъ увѣщаній, саратовскій епископъ Евфимій, напр., „лично не любилъ увѣщевать раскольниковъ" и находилъ свое участіе даже „для дѣла вреднымъ": „насъ, скажутъ раскольники, самъ архіерей увѣщевалъ, да и то не могъ ничего сдѣлать" [4]). Другихъ результатовъ оффиціальныя увѣщанія и не могли дать, въ виду тѣхъ условій, которыми они обставлялись. Какъ мѣра чисто духовная, увѣщанія могутъ быть благотворными по своимъ послѣдствіямъ въ томъ только случаѣ, когда они имѣютъ характеръ свободнаго внутренняго переубѣжденія заблуждающихся. Между тѣмъ какъ оффиціальныя духовныя увѣщанія всегда соединялись для увѣщеваемыхъ съ извѣстнаго рода внѣш-

[1]) Тамъ же, IV, 336.
[2]) Тамъ же, IV, 318.
[3]) Собр. постан. по ч. раск. по вѣдом. Св. Син. II, стр. 5 5—505.
[4]) Никаноръ арх. Что же должно дѣлать съ расколомъ? стр. 3. 41. 68. 74—77.

нимъ насиліемъ и принужденіемъ. Всякій разъ раскольники являлись на увѣщанія не по собственному душевному желанію или любознательности, а по полицейскому принужденію. Приэтомъ ихъ отвлекали отъ обычныхъ занятій, отправляли нерѣдко за сотни верстъ съ мѣста жительства и, хотя временно, лишали свободы. Если увѣщатели могли „не стѣсняться" срокомъ вызова подлежащихъ ихъ миссіонерскому воздѣйствію раскольниковъ, то съ послѣднихъ, наоборотъ, отбиралась подписка „являться на увѣщаніе по каждому требованію безъ замедленія" [1]). Ясное дѣло, что при такихъ условіяхъ духовныя увѣщанія могли не столько просвѣтлять и умягчать раскольниковъ, сколько раздражать и ожесточать ихъ. Призванные на увѣщаніе, они, по словамъ м. Филарета, „стоятъ, какъ стѣна, не удостоивая увѣщателей вниманія и отвѣта", или же прямо заявляли увѣщателямъ: „я не хочу и слушать твоихъ доводовъ" [2]). Производимыя при участіи полиціи и людьми, нерѣдко совсѣмъ къ тому не подготовленными, оффиціальныя консисторскія увѣщанія сдѣлались у раскольниковъ только предметомъ вымысловъ и насмѣшекъ. Напр., среди раскольниковъ была довольно распространенною рукопись подъ названіемъ: „Увѣщаніе Мартына", составленная, можетъ быть, въ подражаніе и противовѣсъ извѣстному „Дѣянію на еретика Мартина". Въ рукописи, имѣющей явно тенденціозный характеръ раскольничьяго памфлета, излагается „увѣщеваніе, бывшее (будто) въ 1825 году въ Московской духовной концисторіи экономическому крестьянину Мартыну отъ архимандритовъ и протопоповъ". Раскольникъ Мартынъ представляется здѣсь страдальцемъ и побѣдоноснымъ обличителемъ столичныхъ архимандритовъ и протопоповъ, оказавшихся

[1]) Никаноръ арх. Что же должно дѣлать съ расколомъ? стр. 75.

[2]) Чтен. въ Общ. люб. дух. просв. 1877 г. отд. III, стр. 164; Душепол. Чтен. 1889 г. ч. III, стр. 493. Письма м. Филарета преосв. Григорію и кн. Д. В. Голицыну.

безсильными разрѣшить его возраженія. Оставаясь предъ Мартыномъ безотвѣтными, они увѣщанія свои ограничиваютъ только такого рода обращеніями къ нему: „перестань много говорить! неужели ты больше знаешь?" „Послушай насъ. пойди въ церковь и познай Христа". Или: „неужели вы, простые люди, и знаете Христа, а мы — просвѣщенные и противъ васъ не знаемъ". „Что одумался-ли? оставь свое дурачество, послушай пастырей, пойди въ церковь". Когда подобная аргументація не дѣйствуетъ на Мартына, увѣщатели прибѣгаютъ къ угрозамъ и глумленію надъ его предразсудками. „*Архимандритъ* рече: перестань, дружокъ, много говорить, но послушай насъ, пойди въ церковь нашу. Аще ли же не пойдешь, то въ солдаты отдадимъ".... *Протопопъ* рече: да, Богъ посылаетъ тебя на поселеніе... *Мартынъ*. Христосъ Апостоловъ посылалъ во вселенную, не далъ имъ бича... и вамъ подобаетъ учити, а не бити". *Архим*. И мы тебя не били. *Март*. Мене уже за сіе тако биша, что тѣло съ кровію смѣсиша. *Архим*. Кто тако тебя билъ? *Март*. Исправникъ Димитревскій. *Архим*. Глупъ же онъ, что худо тебя казнилъ; еще бы слѣдовало кожу съ тебя содрать... Простой попъ, подошедъ съ табакомъ и говоритъ: на, раскольникъ, понюхай табаку. Мартынъ посмотрѣлъ на него и рече: какъ тебѣ не совѣстно; кажется, ты — человѣкъ хорошій, а какую скверность мнѣ приносишь, и самъ не въ потребствующее естество принимаешь... Попъ же озлобися и кинулъ щепоть табаку на Мартына".... Заканчивается рукопись такою картиною терпѣнія и страданій Мартына: „онъ много терпяше, былъ на каждый день біенъ, мучивъ его и наказоваше его ранами и во всю четыредесятницу пищу ему только полфунта хлѣба и чашу малу воды, и тако сей страдалецъ претерпе съ радостію, но не вѣмъ, како идетъ дорогою, будучи okованъ въ желѣзахъ, яко же и Павелъ апостолъ" [1]).

[1]) Рукоп. библіотеки Казанской Духовной Академіи № 2089. Увѣщаніе Мартына по нѣсколько отличнымъ отъ академической рукописи спискамъ напечатано въ Дух. Вѣстн. 1866 г. т. XV, стр. 186—194 и Церк.-Общ. Вѣстн. 1877 г. № 78.

Различныя ограниченія въ положеніи раскола, съ одной стороны, и льготы и поощренія присоединяющимся изъ раскола къ церкви, съ другой, повидимому, самымъ благопріятнымъ образомъ отразились на статистикѣ обращеній изъ раскола къ православію. Въ царствованіе импер. Николая I раскольники присоединялись къ прав. церкви безусловно или на правилахъ единовѣрія не только *тысячами*, но и *десятками тысячъ*. Такъ, напр., въ 1836 г. присоединилось изъ раскола къ церкви: въ курской губерніи 1655 человѣкъ, въ томской губерніи на правилахъ единовѣрія—12469 челов. [1]), въ псковской губ. къ единовѣрію 1664 чел. [2]), въ пермской губ. 12307 чел.—къ единовѣрію и 1838—къ православію [3]); въ 1837 г. въ томской губерніи перешли въ единовѣріе 3416 раскольниковъ [4]), въ 1840—41 гг. въ иркутской губ. перешли въ единовѣріе до 5000 человѣкъ [5]); въ 1841 г. въ херсонской губ. присоединилось къ единовѣрію 3537 челов. [6]); въ 1842 г. въ Уральскомъ войскѣ присоединилось къ единовѣрію—5396 челов.; въ саратовской губ. за 10 лѣтъ (1837—1847) обратились изъ раскола 7154 челов. къ православію и 18.184 чел. къ единовѣрію [7]), въ пермской губ. за 15 лѣтъ (1836—1851)—20.602 ч. къ православію и 40.863 ч. къ единовѣрію [8]). Не менѣе внушительными представляются за это время и общіе итоги обратившихся раскольниковъ. По отчетамъ Оберъ-Прокурора Св. Синода, въ теченіе, напр., 10 лѣтъ (1828—1838) къ прав. церкви присоединилось до 150000 раскольниковъ, а еще

[1]) Отчетъ Оберъ-Прокурора Св. Синода за 1836 г.

[2]) С—го М. Историческій очеркъ Единовѣрія. Спб. 1867 г. стр. 143.

[3]) Палладій арх. Обозрѣніе Пермскаго раскола, стр. 83.

[4]) Отчетъ Оберъ-Прок. Св. Синода за 1837 г.

[5]) Варадиновъ Н. Истор. мин. вн. д. кн. VIII, стр. 432.

[6]) Истор. очеркъ Единовѣрія, стр. 91.

[7]) Варадиновъ Н. Истор. мин. вн. д. кн. VIII, стр. 566.

[8]) Палладій арх. Обозрѣніе Пермскаго раскола, стр. 83.

чрезъ 3 года эта цифра возросла уже почти до 216.000 [1]). По заявленію Оберъ-Прокурора Св. Синода Карасевскаго, общее число присоединившихся изъ раскола къ церкви впродолженіе 29-лѣтняго царствованія импер. Николая I простирается до 300.000 [2]). По свѣдѣніямъ же Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, эту цифру слѣдуетъ, по крайней мѣрѣ, утроить. Въ юбилейной запискѣ о расколѣ графа Перовскаго, поданной Государю въ 1850 году, показывалось, что въ 25 лѣтъ (1825—1850) обратилось къ православію и единовѣрію болѣе *милліона* раскольниковъ [3]). Если и считать послѣднюю цифру графа Перовскаго сильно преувеличенной, то всеже, такимъ образомъ, оказывается, что никакое другое время не представляетъ такого громаднаго количества обращеній изъ раскола, какъ Николаевское. По отчетамъ Оберъ-Прокурора Св. Синода, за 18 послѣднихъ лѣтъ Николаевскаго царствованія (1837—1854) число присоединившихся изъ раскола, напр., *вдвое* болѣе, что за 36 лѣтъ послѣдующихъ трехъ царствованій (1855—1897), т. е. въ общемъ при импер. Николаѣ I присоединялось изъ раскола въ *четыре* раза болѣе, чѣмъ въ послѣдующее время [4]).

Однако было бы большою ошибкою, на основаніи однихъ только статистическихъ данныхъ, судить о дѣйствительномъ ростѣ православія и единовѣрія насчетъ раскола за время царствованія импер. Николая I и отсюда заключать о цѣлесообразности или пригодности принятыхъ тогда противъ раскола государственныхъ мѣропріятій. Обратившись отъ цифръ къ фактамъ и непосредственному разсмотрѣнію того, какъ тогда раскольники присоединялись къ церкви и что выходило изъ этихъ присоединеній, мы по необходимости должны будемъ придти къ совершенно

[1]) Извлеченіе изъ Отчета Оберъ-Прокурора Св. Синода за 1838 г. стр. 29;—за 1841 г. стр. 33.

[2]) Церк. Вѣстн. 1884 г. № 49, стр. 10.

[3]) Русск. Вѣстн. 1868 г. II, стр. 422.

[4]) Чельцовъ М. Единовѣріе за время столѣтняго существованія его въ Русской церкви. Спб. 1900 г. стр. 90—91.

иному выводу. Дѣло въ томъ, что огромное большинство присоединявшихся тогда къ церкви раскольниковъ не болѣе какъ только укрывалось подъ личину православія или единовѣрія. То и другое служило для нихъ, по выраженію Брянчанинова и Арнольди, „какъ бы постоялымъ дворомъ для укрытія отъ гоненій настоящаго времени" [1]). Отсюда точнѣе не православіе и единовѣріе насчетъ раскола, а *тайный* расколъ насчетъ открытаго, подъ дѣйствіемъ Николаевской системы, достигъ, дѣйствительно, громаднаго и повсемѣстнаго распространенія. Мѣстами, какъ напр., въ ярославской и костромской губерніяхъ, по даннымъ статистическихъ экспедицій, тайные раскольники по своему количеству даже превышали раскольниковъ открытыхъ [2]).

Одни изъ надѣвавшихъ лицемѣрную маску раскольниковъ ограничивались только тѣмъ, что записывались въ православіе или единовѣріе, не бывая на самомъ дѣлѣ никогда въ церкви и не принимая церковныхъ таинствъ и обрядовъ [3]). Уплачивая „духовную подать", они получали отъ приходскихъ священниковъ свидѣтельства о своемъ мнимомъ обращеніи, писались въ исповѣдныхъ вѣдомостяхъ „бытчиками", хотя ихъ „никто не видывалъ причащающимися", „нерѣдко за ничтожную плату" дѣти ихъ отмѣчались въ метрикахъ крещенными, браки вѣнчанными [4]). Другіе „страха ради іудейска", „при обдержаніи иновѣрныхъ властей", или на бо́льшіе компромиссы: „для виду" они исполняли церковныя таинства, но затѣмъ „переверщали или же очищали и дополняли ихъ у себя на дому по своему" [5]). Только относительно немногіе изъ

---

[1]) Кельсіевъ В. IV, 86.

[2]) Тамъ же, IV, 39—42. 295.

[3]) Варадиновъ Н. Истор. мин. вн. д. кн. VIII, стр. 559. 574; Соколовъ Н. Расколъ въ Саратовскомъ краѣ, стр. 451. 453; Витевскій В. Расколъ въ Уральскомъ войскѣ, стр. 93.

[4]) Кельсіевъ В. II, 11, 57, 103; IV, 295—296.

[5]) Тамъ же, IV, 9, 29.

нихъ рѣшались причащаться, полагая, что „исправить причастившагося мудрено" [1]). Но получить отмѣтку „бытчика", по собственному признанію раскольниковъ, тогда „ничего не стоило" [2]).

Сильно возросшее при импер. Николаѣ I единовѣріе [3]), представляло на самомъ дѣлѣ въ церковно-религіозномъ отношеніи крайне печальную картину. Начиная со столицъ и кончая глухой Сибирью, единовѣріе Николаевскаго времени въ подавляющемъ большинствѣ своихъ членовъ было только прикрытымъ расколомъ. Фактическая дѣйствительность съ избыткомъ подтверждаетъ это положеніе. Такъ, о религіозномъ состояніи и настроеніи столичныхъ единовѣрцевъ можно судить по слѣдующему примѣру. На Рогожскомъ кладбищѣ въ Москвѣ въ 1854 году присоединилось къ единовѣрію 1570 раскольниковъ, въ томъ числѣ 539 купцовъ и почетныхъ гражданъ, во избѣжаніе приписки ихъ въ мѣщане. Что же это были за единовѣрцы? Изъ 1700 прихожанъ Рогожской единовѣрческой церкви, оказывается, бывали за службою не болѣе 20—25 призрѣваемыхъ въ богадѣленномъ домѣ старухъ. Слѣдственными дѣлами въ 1855 году было, между прочимъ, выяснено, что духовенство выдавало свидѣтельства о присоединеніи къ единовѣрію, не совершая самаго чина присоединенія и даже такимъ лицамъ, которыя сами никогда у священниковъ не были, ихъ не видали и желанія на свое присоединеніе къ единовѣрію не изъявляли [4]). По отзыву Синицына, Брянчанинова и Арнольди, „гораздо бо́льшая часть" единовѣрцевъ ярославской губерніи „оставались тѣмъ же, чѣмъ были до присоединенія къ церкви:

---

[1]) Варадиновъ Н., кн. VIII. стр. 529.

[2]) Кельсіевъ В. IV, 34.

[3]) По основанному на оффиціальныхъ данныхъ заявленію м. Филарета, «твердость, оказанная правительствомъ противъ раскола съ 1827 года, пріобрѣла церкви около 200.000 единовѣрцевъ» (Собран. мнѣн. и отзыв. т. дополн. стр. 232).

[4]) Христ. Чтен. 1887 г. I, стр. 184—185. Эпизодъ изъ исторіи московскаго Рогожскаго кладбища.

смѣсь всѣхъ сектъ, прикрывающаяся только маскою единовѣрія, исполняющая всѣ обязанности его для виду". „Исполняя наружно обязанности единовѣрцевъ", они съ тѣмъ „бо́льшею свободою дѣйствовали каждый по своей сектѣ или толку, нерѣдко даже въ глазахъ священника, всегда имъ поблажающаго". Многіе, напр., изъ прихожанъ единовѣрческой церкви въ г. Ярославлѣ по своимъ духовнымъ нуждамъ продолжали обращаться на Рогожское кладбище [1]). По словамъ обслѣдовавшихъ состояніе раскола въ костромской губерніи Брянчанинова и Арнольди, присоединявшіеся здѣсь къ единовѣрію раскольники „имѣли въ виду избѣгнуть этимъ путемъ преслѣдованій мѣстнаго начальства, земской полиціи или помѣщика: поэтому они числились только единовѣрцами, а на самомъ дѣлѣ оставались въ расколѣ". Напр., въ праздничные дни единовѣрческія церкви въ костромской губерніи наполнялись православными, а не обратившимися къ единовѣрію раскольниками, которые продолжали молиться въ своихъ тайныхъ моленныхъ и часовняхъ [2]). Въ симбирской губерніи въ началѣ 50-хъ годовъ числилось до 7000 единовѣрцевъ, но изъ нихъ „болѣе половины только носили это названіе, оставаясь закоренѣлыми раскольниками" [3]). Въ черниговской губерніи „бо́льшая часть" единовѣрцевъ также совсѣмъ не посѣщала своихъ храмовъ. Напр., въ посадѣ Добрянкѣ, гдѣ единовѣрческій приходъ открытъ былъ при непосредственномъ участіи самого Государя, изъ 251 оффиціальныхъ единовѣрцевъ „болѣе половины не принадлежали къ единовѣрію". Въ посадѣ Еленкѣ изъ 144 единовѣрцевъ ходили въ церковь только 54. Въ посадѣ Шеломахъ, съ населеніемъ въ 2000 д. об. п., единовѣрческая церковь „почти никѣмъ не посѣщалась". Для характеристики единовѣрцевъ въ посадѣ Лужкахъ можетъ служить слѣдующій

---

[1]) Кельсіевъ В. II, 5; IV, 9—10, 85—86.

[2]) Тамъ же, IV, стр. 320—321; Варадиновъ Н. кн. VIII, стр. 559.

[3]) Варадиновъ Н. кн. VIII, стр. 556.

фактъ, имѣвшій здѣсь мѣсто при поднятіи колокола. Когда, по окончаніи литургіи, священникъ вышелъ изъ церкви для окропленія колокола св. водою, тѣснившійся возлѣ церкви народъ бросился въ разныя стороны, изъ опасенія, какъ бы св. вода не попала на кого-нибудь [1]). Въ саратовской губерніи отъ непосредственнаго знакомства съ единовѣрцами создавалось такое впечатлѣніе, что „едва-ли и пятая доля ихъ были единовѣрцами въ душѣ, остальные же были единовѣрцами или потому, что ихъ занесли въ единовѣрческіе списки произвольно, безъ ихъ согласія, или потому, что они увлеклись возможностью подъ прикрытіемъ новаго званія свободнѣе прежняго продолжать жить раскольниками". Напр., единовѣрческій приходъ въ самомъ г. Саратовѣ, по отзыву графа Стенбока, представлялъ не болѣе, какъ „сборище тайныхъ раскольниковъ, бо́льшею частью, даже покровителей раскола, прикрывающихъ свои дѣйствія личиной единовѣрія". Записавшіеся въ единовѣріе въ количествѣ 1740 д. старообрядцы с. Криволучья николаевскаго уѣзда опредѣленнаго къ нимъ священника подвергли чрезъ бѣглаго іеромонаха „исправѣ" и запретили ему принимать отъ епархіальнаго архіерея благословеніе, заимствоваться миромъ и вести переписку безъ ихъ вѣдома. Когда объ этомъ стало извѣстно епархіальной власти и священникъ былъ замѣненъ другимъ, отказавшимся принять „исправу", то въ Криволучьевскомъ приходѣ не осталось и 10 единовѣрцевъ, на Пасху, напр., было въ церкви всего три человѣка. Новый священникъ, послѣ двухъ лѣтъ службы въ Криволучьѣ, такъ отзывался о своихъ прихожанахъ въ донесеніи благочинному: „Прихожане мои, жители слободы Криволучья, ни мало не имѣютъ нужды въ священникѣ для исправленія христіанскихъ требъ въ ихъ обществѣ: новорожденныхъ крестятъ у нихъ бабки—нужды ради, какъ они говорятъ; умирающихъ исправляютъ ихъ наставники-мужики, читая имъ скитское покаяніе; вмѣсто св. причастія даютъ

---

[1]) Варадиновъ Н. кн. VIII, стр. 561—563, 641.

имъ пить такъ назыв. старообрядцами большую воду; умершихъ хоронятъ тѣ же самые наставники, браки вѣнчаютъ у бродягъ"[1]. Во многихъ другихъ мѣстахъ саратовской губ. единовѣрцы „открыто говорили, что они не допустятъ православнаго епископа къ совершенію литургіи въ ихъ церкви, что они не имѣютъ и не хотятъ имѣть никакихъ сношеній съ единовѣрческими монастырями и не будутъ никогда руководствоваться правилами 1800 г."[2]. Въ Уральскомъ Войскѣ, по словамъ историка мѣстнаго раскола г. Витевскаго, многіе изъ обратившихся къ единовѣрію попрежнему ходили въ молитвенные дома и старались воспользоваться всякимъ появленіемъ странствующихъ раскольничьихъ поповъ, чтобы у нихъ перекрещивать дѣтей и перевѣнчиваться самимъ. Каково, напр., было единовѣріе въ г. Уральскѣ, гдѣ въ 1842 году сразу значилось присоединившимися къ нему 5396 раскольниковъ, можно судить по слѣдующей статистической справкѣ. При бѣглопоповщинской Успенской часовнѣ въ Уральскѣ ежегодно крестилось отъ 1360 до 1460 младенцевъ. Когда же эта часовня въ 1842 г. превращена была въ единовѣрческую церковь и всѣ прихожане ея записаны были единовѣрцами, число крестившихся при ней младенцевъ уже не возрастало выше 270 въ годъ[3]. Для характеристики единовѣрія въ Сибири возьмемъ въ качествѣ примѣра томскую губернію, гдѣ, какъ мы видѣли, единовѣріе имѣло большой внѣшній успѣхъ. Въ томской губерніи въ 1850-мъ году числилось единовѣрцевъ 19068 д. об. п. По отзыву историка томскаго раскола прот. Д. Н. Бѣликова, „въ огромномъ большинствѣ они оставались прежними старообрядцами, съ прежними взглядами на православную церковь, какъ на еретическую". Они избѣгали общенія съ православными даже въ пищѣ и питіи и чу-

---

[1] Соколовъ Н. Расколъ въ Саратовскомъ краѣ, стр. 453, 451, 440—441.

[2] Варадиновъ Н. кн. VIII, стр. 568.

[3] Витевскій В. Расколъ въ Уральскомъ войскѣ, стр. 93—94.

ждались православнаго духовенства, не исключая и епархіальнаго архіерея. Одинъ, напр., священникъ томской епархіи писалъ о своихъ прихожанахъ-единовѣрцахъ: „прихожане не допускаютъ меня въ свои дома, не хотятъ подходить ко кресту и въ глаза не стѣсняются заявлять: ты родился въ никоніанской ереси и поставленъ епископомъ-никоніаниномъ, и потому не слѣдуемъ тебѣ". Тому же священнику единовѣрцы другого, порученнаго ему прихода, говорили: „ты—никоніанинъ и нуженъ намъ только на то, чтобы вѣнчать браки, но, однако, на обраченныхъ тобою, послѣ вѣнчанія, за оскверненіе отъ тебя, мы налагаемъ шестинедѣльную епитимію". Томскаго епископа Виталія единовѣрцы одного селенія не хотѣли принять въ своей церкви и приняли съ большимъ неудовольствіемъ и ропотомъ только по настоянію засѣдателя. Но въ церкви никто изъ единовѣрцевъ не подошелъ къ нему подъ благословеніе и не приложился къ находившемуся въ его рукахъ кресту[1].

Такимъ образомъ, статистика раскольническихъ обращеній Николаевскаго времени, освѣщенная и провѣренная фактическою дѣйствительностью, сама собою понижается. Очевидно, въ видахъ исторической правды и безпристрастія, она можетъ быть принята только съ очень и очень значительными ограниченіями, во многихъ отдѣльныхъ случаяхъ сводящими ее едва-ли не къ нулю. Въ этомъ, впрочемъ, скоро должно было убѣдиться и само правительство. 50-е и особенно 60-е годы ознаменовались, какъ извѣстно, массовыми и повсемѣстными совращеніями въ расколъ, когда большая часть мнимообратившихся при императорѣ Николаѣ I къ церкви раскольниковъ снова пожелали открыто исповѣдывать старообрядчество, отъ котораго въ совѣсти своей они никогда не отрекались[2]. Такъ, выра-

---

[1] Бѣликовъ Д. Н. прот. Томскій расколъ, стр. 194—200.

[2] Русск. Вѣстн. 1868 г. II, стр. 441—442; Чельцовъ М. Единовѣріе за время столѣтняго существованія его въ русской церкви, стр. 93.

жаясь словами докладной записки товарища министра внутреннихъ дѣлъ Сенявина императору Николаю I, „необычайный успѣхъ въ дѣлѣ присоединенія изъ раскола“ въ его царствованіе „вмѣсто пользы обратился во вредъ православію“ [1]).

Итакъ, тяжолая, долгая, стойкая и послѣдовательная борьба императора Николая I съ расколомъ, какъ видно изъ представленнаго обзора ея, не привела ни къ чему. Расколъ вышелъ изъ этой борьбы нисколько не ослабленнымъ ни по своей внутренней организаціи, ни со стороны своего количественнаго роста и развитія. Вынуждая раскольниковъ въ устроеніи и охраненіи своего гражданскаго и религіознаго быта прибѣгать къ разнаго рода „окольнымъ“ путямъ и средствамъ, принятая система въ результатѣ практическаго примѣненія ея давала лишь *тайныхъ* раскольниковъ, съ *тайнымъ* языкомъ для внутреннихъ сношеній, *тайными* моленными и скитами, *тайными* богадѣльнями и училищами, *тайною* іерархіей и *тайной* пропагандой. Мѣры правительства вгоняли язву внутрь организма, но не излѣчивали ея. Отсюда причина безуспѣшности ихъ лежитъ, очевидно, гораздо глубже, чѣмъ то казалось правительству. Эта причина заключалась въ ошибочности самой системы борьбы, а не въ одномъ только ея „неправильномъ и неточномъ“ выполненіи. Мечомъ свѣтской власти напрасно хотѣли разрубить узелъ, завязавшійся на почвѣ духовно-религіознаго свойства. Расколъ есть прежде всего тяжкій религіозный недугъ русскаго народа, и радикальное излѣченіе этого недуга можетъ быть достигнуто только духовно-просвѣтительными мѣрами церкви, а не репрессаліями государственной власти.

---

[1]) Соколовъ Н. Расколъ въ Саратовскомъ краѣ, стр. 452.

Дополненіе и поправка къ отдѣлу *о статистикѣ раскола* (стр. 33—49).

Мнѣніе о 9—10 милліонномъ количествѣ старообрядцевъ, не смотря на всю произвольность и шаткость его основаній, въ свѣтской литературѣ продолжало упорно держаться до самаго послѣдняго времени. Притомъ нѣкоторые „частные изслѣдователи раскола“ находили и такую цифру недостаточной и опредѣляли дѣйствительное количество старообрядцевъ (вмѣстѣ съ сектантами) въ 13—14 и даже 20 милліоновъ [1]).

Въ настоящее время, съ изданіемъ Департаментомъ Духовныхъ Дѣлъ Мин. Внутр. Д. „Статистическихъ свѣдѣній о старообрядцахъ къ 1 января 1912 г.“, это мнѣніе о *многомилліонномъ* старообрядчествѣ должно быть окончательно оставлено, какъ внѣ всякаго сомнѣнія ошибочное. Послѣднее оффиціальное исчисленіе раскола уже не можетъ возбуждать того скептицизма, съ которымъ обычно встрѣчались подобнаго рода работы въ прежнее время. Условія общественнаго и правового положенія расколо-сектантства, создававшія въ прошломъ непреодолимыя препятствія для его статистики, 17 апрѣля 1905 года совершенно измѣнились. Съ изданіемъ Высочайшаго манифеста объ укрѣпленіи началъ вѣротерпимости ни сами старообрядцы (за исключеніемъ *странниковъ*) уже не имѣютъ никакихъ основаній замалчивать о себѣ, ни тѣмъ болѣе духовенство и полиція скрывать ихъ дѣйствительную цифру. Поэтому намъ думается, что въ своихъ выводахъ мы смѣло можемъ опереться на современную оффиціальную статистику раскола, какъ такую, которая если не можетъ претендовать на безусловную точность, то во

[1]) Юзовъ I. Русскіе диссиденты. Спб. 1881 г. стр. 43—46; Пругавинъ А. С. Старообрядчество во второй половинѣ XIX в. Москва 1904 г. стр. 17—18.

всякомъ случаѣ должна считаться очень близкою къ дѣйствительности.

„Статистическія свѣдѣнія о старообрядцахъ къ 1 января 1912 года" показываютъ, что исчисленія старообрядцевъ въ ярославской, костромской и нижегородской губерніяхъ, произведенныя въ 50-хъ годахъ статистическими экспедиціями, были сильно преувеличены. По изданію Департамента Духовныхъ Дѣлъ къ 1 января 1912 года въ этихъ губерніяхъ числилось старообрядцевъ: въ ярославской — 8.839, костромской—46.622 и нижегородской—79.410. Итого 134.871. Между тѣмъ какъ итогъ статистическихъ экспедицій 60 лѣтъ назадъ равнялся 556.389 (?). Еще съ болѣе наглядною убѣдительностью изъ того же изданія открывается вся произвольность 9—10 милліоннаго исчисленія послѣдователей раскола. Къ 1-му января 1912 года общее число старообрядцевъ, по статистическимъ свѣдѣніямъ М. Вн. Д., опредѣляется въ 2.206.621 [1]). Но допустимъ, что эта цифра ниже дѣйствительной, прибавимъ еще 1/4 милліона (на самомъ дѣлѣ разница тутъ едва-ли можетъ быть такой значительной) и будемъ исчислять общее количество старообрядцевъ къ 1-му января 1912 г. круглымъ числомъ въ 2 1/2 милліона. Если считать ежегодный приростъ населенія въ 1,3% [2]), то въ такомъ случаѣ мы должны будемъ придти къ заключенію, что въ половинѣ 19 столѣтія общее число старообрядцевъ не превышало 1 1/2 милліона.

---

[1]) Это общее число по отдѣльнымъ старообрядческимъ согласіямъ распредѣляется такъ. Послѣдователей бѣлокриницкой іерархіи исчисляется 705.997 окружниковъ и 81.986 противоокружниковъ; бѣглопоповцевъ—206.950, бѣловодскаго священства—442, часовеннаго согласія—263.338, поморцевъ—521.793, осолосѣевцевъ—231.996, филипповцевъ—24.731, рябиновцевъ—14.012, спасовцевъ—115.579, самокрещенцевъ—6.540, странниковъ—4.385, средниковъ—442, немоляковъ—478 и старообрядцевъ различныхъ мелкихъ толковъ—27.952. (Статистическія свѣдѣнія о старообрядцахъ къ 1 января 1912 г. Изданіе Департамента Духовныхъ Дѣлъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ).

[2]) Юзовъ I. Русскіе диссиденты, стр. 43.

ОГЛАВЛЕНІЕ.